

Болотный человек **BOGMAN**
Анка Б. Троицкая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анка Б Троицкая

Болотный Человек Vogman

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66963438

SelfPub; 2023

Аннотация

Что происходит с арестованным британской полицией преступником, который не говорит по-английски? К нему приглашают переводчика – человека чужого среди своих, своего среди чужих. Он слышит и понимает все, тогда как остальные вынуждены целиком полагаться на его выбор терминов и трактовки. Какую роль он играет в расследовании? Возможно ли вообще раскрыть некоторые преступления без него? А когда все закончится, безымянная фигура растворится в предрасветном тумане, и никто даже не вспомнит о ней. ...Содержит нецензурную брань.

Анка Троицкая

Болотный Человек Vogman

Вступление *Однажды 6 ноября 1997 года*

Он сыто отрыгнул и повалился на спину. В плеере диск свистнул, остановился, потом завертелся снова. Из динамика запела какая-то новая российская знаменитость, имени которой через пять лет уже никто не будет помнить. Прямо над лицом колыхалась штора. Захотелось покурить.

– Скрип, у нас дурь есть?

– Ты че, Витек? Уже два дня, как нет.

– Неужто совсем нема? А у Пашки?

– Он завязывает. У него не будет. Сальца хочешь?

Виктор собрался было посмеяться, но только закашлялся и сел. В комнате было дымно от сигарет, но не сигарет ему хотелось. Хотелось улететь. Он оглядел комнату, загаженный стол с горой пивных банок и белыми коробочками из-под острой индийской снеди; пустую бутылку на подоконнике и мятого Скрипа на соседней кровати. Если бы он знал заранее, он бы заметил что-то странное в том, как на него смотрит Скрип. Он бы показался ему необычайно трезвым после выпитого, а его взгляд был сочувствующим или просто пристальным.

– Тогда хоть на кино подывиться. Хде там... Как его? Се-

риал с единоборствами?

– Ты же травки хочешь.

– Ну, хочу.

– Поехали, поищем.

– Да поздно уже шукать, наверное. Ежли ток на Ватерлоо...

– Лучше на Лейстер. Там свой дилер в «Бонго».

– Далековато. Два часа катаний. Нехай Малек съездит.

– Гуляет где-то Малек.

Виктор почувствовал приступ лени.

– Поди, заховал хде-нибудь, гарный наш. Нет мне охоты в центр ехать.

– Тогда на север от Лондона, там у Секача в Хатфилде.

– Дорого?

– Ненамного.

Если бы он знал заранее, он бы вспомнил, что Секач уже неделю как уехал назад в Латвию, да и клуб «Бонго» работает только по пятницам и субботам. Он бы заподозрил неладное... Но он не вспомнил. А вспомнив, все равно не заподозрил бы.

За городской окраиной фонари освещали дорогу, как коридор, а за пределами этого коридора была тьма непогоды, похожая на пустой космос. В машине рядом с водителем сидел Виктор Сергеевич Одосеенко двадцати девяти лет. Высокий и красивый молодой человек без определенного рода занятий, временно квартировавший в комнате приятеля

в городе Лондоне, на северо-восточном его краю. Виктор был человеком никчемным, неумным и совершенно бесполезным как для людей, так и для самого себя. Когда-то он бросил учиться, постоянно проработал лишь два года курьером в коммерческой структуре, в одной из первых в Украине. Тогда же, в начале девяностых, он успел жениться и развестись, оставив свое лучшее и единственное творение, сына Толика, без отца и алиментов. В 94-м году, придумав себе повод и сфабриковав доказательства с помощью умных людей, он заплатил перевозчикам семьсот пятьдесят долларов и приехал с другими беженцами в Англию в фуре через Бельгию. Эта дорога заняла четыре дня. Запертые в контейнере шесть нелегалов питались тем, что взяли с собой, там же испражнялись в ведро, мерзли, потели и тряслись от страха, что на них свалится ящик во время пересечения канала на барже. При недостатке воды они чуть не погибли от обезвоживания, но им повезло, и они прибыли живыми и даже чудом избежали ареста. В Лондоне Виктор прибил к «своим» и уже больше года перебивался случайными заработками, жил там, куда пустят, сидел на игле и служил шестеркой в аферах человека по кличке Скрип. Он не спешил просить убежища у властей, потому что был он дураком и растяпой. Всю папочку с документами он продал кому-то за пакет с травкой уже через пять месяцев после прибытия, а в ридной Украине больше не показывался. Теперь он считал себя вполне довольным жизнью, свободным, окруженным дру-

зьями и халявой.

Если бы он знал заранее, он бы обратил внимание, что Скрип, его благодетель, ведет машину молча, как никогда не бывало. Английское радио они не слушали, а кассетник в старом эскорте давно сломался. Виктор трепался о бабах, а Скрип только иногда произносил: «Да ты че... Ну, ништяк!» Съехав с шоссе, машина замедлила ход. Было похоже, что Скрип ищет правильный поворот. На вопрос Виктора он ответил так:

– Секача ищу. Он же теперь в машине живет. Вон, видишь белый микроавтобус? Вылезай, пошли.

Если бы Виктор знал заранее... Да что там! Если бы у него было чутье, как у самого Скрипа или хотя бы как у Лямского. Он бы не пошел. Но Виктор был наивным и простым. Он понял все, только когда его схватили за шиворот и приложили к дверце машины. Он не успел испугаться. Он едва сообразил, что Скрип решил не рисковать больше и привез его сюда, чтобы убить. И Скрип это делал молча, быстро, безжалостно, но и беззлобно. Виктор почувствовал ладонями мокрый гравий на обочине и подумал, что Полина теперь продаст мамкину хату в Херсоне. Затылка что-то коснулось, но от этого в лицо полетела сама обочина и шершаво ударила гравием в нос. На миг стало невыносимо светло, и Виктор умер. Покорно, как забитая скотинка.

Но так уж сложились дела, что через несколько лет мертвый Виктор Одосеенко принесет людям больше пользы, чем

живой, и сыграет важную роль в моей собственной жизни. А пока на краю темной дороги, сворачивающей с Б198, из белого микроавтобуса вылез рослый, но очень молодой парнишка, явно напуганный до смерти. Ему было лет восемнадцать, не больше. Он помог Скрипу закатать тело Виктора в старую штору и погрузить в этот самый микроавтобус. Потом они оба сели в кабину, Скрип завел мотор и поехал в сторону кольцевого шоссе М25. Там было почти пусто ночью, но они не стали рисковать и превышать скорость. В микроавтобусе стерео работало, и Скрип включил диск. Тальков запел про самый лучший день. Тело Виктора увозили на запад. Я в то время ничего об этом знать не знала.

Случай 1. *Восемь лет спустя*

– Алло! – несмотря ни на что, я упорно отвечала на телефонный звонок по-русски вот уже много лет.

– Хелло! Мисс Тринити?

– Слушаю, – спросонок на английский перейти – это скорее инстинкт, а не решение.

– Извините за ранний звонок. Вас офицер Блумфилд беспокоит из участка в Грэйсе. У нас тут кое-кого арестовали. Вы сейчас свободны?

Вопрос какой-то глупый. Разбудил посреди ночи и «Вы свободны?»

– Как птица.

– Что?

– Когда подъехать?

– Как можно скорее.

– Буду через полчаса.

– Прекрасно! Ждем.

На самом деле можно не торопиться. «Как можно скорее» ровным счетом ничего не значит. Грэйс – место беспокойное, тюремный офицер участка все время занят, офицер по делу все равно будет готовиться сто лет, да и дежурный юрист, если его вызвали, тоже не скоро приедет. Ночь на дворе.

Я свернулась под одеялом и чуть не уснула, но разбуженный кот принялся выцарапывать меня из постели. Пришлось встать. Кофе ждать было лень. Пока чайник будет закипать, я опять усну. Я наглоталась какого-то сока из пакета. Так и не разобрала, какого, так как из органов чувств работали пока только слух и осязание. Нашарила в темноте плащ, дедову шляпу, с которой я не расстаюсь, и ключи от машины. А уже в машине наконец открылись глаза и заболело колено. «Меньше будешь плясать!» – сказала я вслух и поехала в Грэйс.

По дороге я гадала, но довольно лениво, что произошло на этот раз. Магази́нная кража? Что-то поздно. Все-таки скоро два часа утра. Выходит, я и спала-то всего час. Наверное, вождение в нетрезвом виде. Скорее всего, ведь вчера была суббота. А по субботам, сами знаете, люди идут вечером в паб.

И даже литовские рабочие русского происхождения со звучными именами типа: Виталиус Коноваловас, Вадимас Тарасенкас или Димитриус Тимирязьевас. Мрак!

Этот ночной вызов не имеет отношения к моей истории, как и многие другие, о которых я еще поведаю потом ради ясности картины, на фоне которой я живу. Такова моя работа. Вернее, таков мой приработок. Я, помимо учительства, время от времени подрабатываю переводчиком на британскую полицию и Суд Ее Величества. По вызову! И вызов этот может произойти когда угодно и где угодно. Поймают русскоговорящего нарушителя закона или просто спокойствия, а он либо не знает английского, либо тут же забывает его, и я еду переводить. Интересно это или нет, сами скоро поймете.

Уснуть за рулем я не уснула, но зато проехала поворот. На улицах было темно, фары освещали мокрый асфальт, кроме ночных грузовиков на шоссе почти не было машин. Однако уже сгущался предрассветный туман, смешиваясь с клубами пара из подвальной прачечной в двух шагах от полицейского участка. Ночь эта была не такая уж и холодная, но ужасно сырая. С недосыпу меня немного трясло.

Здание полиции в Грэйсе я не люблю. Тесная комната ожиданий, дежурному не дозвонишься, а толстые офицеры за стеклом притворяются, что тебя нет, ровно полчаса для порядка. Плевать, мы в Совке и не такое терпели. Но в этот раз к окошечку сиганула мордатая блондиночка с английской конской челюстью без подбородка и с такими близ-

ко посаженными голубыми глазами, что их хотелось раздвинуть пальцами. Англо-саксонка, в общем.

– Переводчик?

– Да.

– Сейчас сообщу дежурному.

Тюремный офицер, которого я знала уже сто лет, открыл дверь и повел себя так, будто встречает в аэропорту любимую жену, разве что не расцеловал.

– Наконец-то! Никак не договоримся.

Джим Блумфилд. Хороший дядька предпенсионного возраста. Он один из немногих, чье имя я хорошо помню из-за частых вызовов. Мне он нравился своей невозмутимостью и тем, что никогда не отпускал банальных шуток по поводу морозов и снегов. Первая реакция англичан на мое сибирское происхождение всегда сводится к весьма поверхностным ярлыкам. Однажды к нему привезли одного истеричного малого, который на простой вопрос «Как ваше имя?» начал орать, материться, плевать, словом – провоцировать. Я всю эту дрянь переводила, едва поспевая. Джим терпеливо подождал, сложив руки на пузе, пока мы с малым оба притомились, и, не повышая голоса, сказал:

– Я все понимаю, но все-таки как ваше имя?

Очень мне его выдержка потом в жизни пригодилась.

В этот раз он коротко поведал мне о событии дня, и я окончательно проснулась. Начало было банальным. Днем охранник в большом торговом центре по долгу службы об-

ратил внимание на молодого человека в большой куртке с парой белых пластиковых пакетов в руках, который бродил между прилавками с подозрительным видом. Что ни говори, а не всякий умеет задумать плохое и сохранить невинный вид. Дурной замысел меняет взгляд человека, делает его нервным, каким-то дерганым. Вот попробуйте стоя перед зеркалом детально запланировать, ну, скажем, убийство вредной соседской болонки или ограбление местной парикмахерской. И сразу у вас: нездоровый блеск глаз, раздутые ноздри, неуверенная ухмылка, настороженная сутулость и поза ушей, причем довольно красных. Но это только в том случае, если вы – порядочный человек, с нормальной совестью и приличным воспитанием.

В общем, как только на экране монитора стало видно, как парень скинул с прилавка в пакет какую-то мелочь, охранник прошел к двери, дождался, пока вор выйдет из магазина, «забыв» заплатить, и задержал его.

Дальше и по плану задержанный должен был покорно вернуться в магазин, пройти в «каморку» и выложить украденное, удивляясь самому себе. Приехала бы вызванная полиция, арестовала бы его, прочитав стандартную формулу, которую тот бы все равно не понял, так как в процессе задержания выясняется, что он не говорит по-английски. В участке ему бы предложили список языков Восточной Европы и других частей света. Он ткнул бы в список никотиновым пальцем, и ему бы вызвали переводчика соответственно выбору.

Потом ему бы зачитали его права.

Все арестованные в Англии имеют право на бесплатную консультацию юриста, которому можно позвонить и которого можно даже пригласить к арестованному. Адвокаты рассказывают нарушителю об имеющихся к нему отношении законах, о ходе процедур в полиции и советуют, как себя вести и как правильно пользоваться своими правами. Все адвокатские конторы постоянно обязаны иметь одного из своих юристов на подхвате. Расспросив их в свое время, я выяснила, что каждый дежурит одни сутки примерно раз в две-три недели. Это значит, что центр по агентствам должен дозвониться до него, получив требование из полиции в определенном регионе или в графстве. Чем больше будет у него в такие сутки клиентов, тем больше он заработает, но не за счет клиентов, а за счет госбюджета.

Второе право – звонок. Это делается для того, чтобы арестованного никто не потерял на это время. Можно позвонить домой и сказать родственникам, что не ждите, мол, к ужину, я в КПЗ. И, наконец, арестованный может почитать свод правил проведения процедур в полиции на тот случай, если у него возникнут сомнения в легальности происходящего, а также в том, что с ним обращаются подобающим образом.

Но в этот вечер все пошло не по плану. Когда парня остановили и задали первый вопрос по поводу вещицы, он вдруг закатил глаза и рухнул на пол. Не то чтобы это было таким уж необычным делом для нарушителей закона, но в данном слу-

чае охранники все же растерялись. Дальше было все: и полиция, и скорая помощь были вызваны, он был обыскан, в чувство приведен, хотя и без врача было ясно, что притворяется жулик. Вопросы ему задавались, список языков предлагался. Парень упорно молчал и тупо таращился в потолок. Предположения, что он ненормальный, пока остерегались выдвигать, так как, по словам охранника, парень вел себя в магазине вполне осмысленно. Но не в этом была проблема. Дело в том, что по доставке в полицейский участок так и не было установлено, говорит ли задержанный по-английски. И если нет, то на каком языке он говорит? Его обыскали и... ничего не нашли. Ни одной бумажки, ни талончика, ни визиточки, ни билетика на проезд. Не было у парня ни телефона, ни бумажника, ни записной книжки, ни магазинного чека. Мало того. На одежде оказались срезанными все ярлыки, этикетки и ленточки на швах и за воротником, которые могли бы указать на происхождение или на принадлежность вещей. Словом, на парне не было ничего, что указало бы на его личность. В пакетах обнаружили украденные в тот день мелкие мелочи: коробочки духов, кожаный ремень, упаковка дорогого комплекта мужского белья и чулки из магазина «Маркс и Спенсерс». На вопросы и угрозы он не реагировал, сам не произносил ни звука и всем видом показывал, что с ним, кроме мороки, ничего не выйдет. Это тоже наводило на мысль, что он в здравом рассудке, так как такая осторожная подготовка к миссии требует первоначальной идеи.

Все, что полиция могла сделать, это по особому разрешению инспектора свозить его быстренько за тридцать миль в Харлоу и взять отпечатки пальцев на компьютерном устройстве «Лайфскан», чтобы попытаться определить его личность. К сожалению, попытка была неудачной, потому что в базе данных его отпечатков не оказалось, он не был известен полиции как человек, ранее нарушивший закон.

Положение было неудобным. Расчет явно на то, что по истечении двадцати четырех часов его отпустят. Ведь за это время полиция должна либо предъявить ему обвинение, либо условно освободить по подтвержденному домашнему адресу для дальнейшего расследования. Ничего из этого сделать не удастся, если даже неизвестно, понимает ли арестованный то, что ему говорят.

– Так зачем же вы меня вызвали? – удивилась я.

– Затем, что ты у нас сова и живешь ближе других. Дело в том, что он спит.

– Ну и что?

– Он говорит во сне.

– По-русски?

– Не знаю, но я постоял, послушал. Вроде что-то славянское, восточноевропейское как бы. Мне слышалось слово «водка», но я мог ошибиться.

– Это очень странный повод разбудить меня среди ночи. Водку теперь пьют все и точно так же ее называют.

– Во сне? Вспомни, что ты мне сама на прошлой неделе

про теорию вероятности рассказывала.

Нарассказывала на свою голову. Да и не такая уж я и сова. Особенно по выходным.

– Если ничего не выйдет, тебе все равно заплатят за вызов. А коли выяснится, что он по-русски понимает, то ему можно угрожать сдачей властям. Если он из Прибалтики, то не захочет осложнений с иммиграционными службами и ненужных ограничений, ведь они теперь европейцы. Это наш шанс, хоть и вялый. Сделай одолжение, послушай его.

Мы подошли к массивной железной двери с маленьким (мой кулак и то не пролезет) круглым застекленным иллюминатором и узкой щелью для подноса. Джим осторожно отодвинул железную шторку на щели. Обычно он это делает с грохотом на весь коридор, а тут был тише мыши.

– Я принесу тебе кофе?

– Пожалуйста.

– Я помню: черный, два сахара.

– Мне, между прочим, на работу завтра. (Моя основная работа – учитель в старшей школе. Я там биологию и химию преподаю куче английских хулиганов и будущим гениям.)

– У тебя все воскресенье впереди – отоспишься. Ну, прости старика. А я тебе за это капучино сделаю.

– Не надо, спасибо. Просто черный кофе. Ваше казенное капучино еще хуже.

Джим на цыпочках ушел, а я заглянула в окошко. На низком и широком выступе бетонной стены, который заменяет

нары, лежал толстый синий мат, а на нем, закутавшись в тюремное стеганое одеяло, скорчился человек. Мне были видны огромные ступни в черных носках, большой палец левой руки, натянувшей одеяло на голову, и клочок русых нечесаных волос. Человек спал. Он не храпел, но было видно, что разбудить его было бы нелегко. Крепко спящие обычно не говорят во сне. «Поздно», – подумалось мне. Джим принес кофе. Ему надо было работать дальше, и он оставил меня попытать счастья. Я стояла и смотрела на спящего не без зависти, как ни странно это звучит. Дрыхнет себе, а я тут жди. Коридорный свет неприятно слепил меня. Я нахлобучила шляпу-федору на глаза, закуталась в плащ и привалилась к холодной стене.

Я подумала о вчерашнем дне. Пришлось съездить в Илфорд, на восточный край Лондона. Там тоже была магазинная кража, но как все было легко и просто. Потасканная и какая-то пропитая девушка Оксана Кульскауте больше боялась, что ее мужик узнает, что она попалась, нежели ответственности перед законом.

– Он не знает, что вы воруете? – спросили ее.

– Что вы! Да я никогда! Это первый раз! Такой позор! Он меня теперь бросит! Не знаю, что на меня нашло! – и так далее.

Мы эту песенку уже слышали много раз. Поэтому когда мы ненадолго остались одни в комнате для собеседований, лишь она мне начала сетовать, я ее остановила:

– Не надо только мне заливать. Всех вас бес попутал.

Оксана сначала уставилась в пол, а потом горько заплакала. Оказалось, что ее любимый Мариус сам попадаться не хочет, а заставляет ее работать. Она должна натаскать ему фунтов на сто товара в день. Куда он это продает, она не знает, но они почти все пропивают вместе, горюя о ребенке, который умер месяц от роду. Мне стало холодно, но уточнять, отчего умер ребенок, не хотелось. Оксана уже попадалась два раза, несмотря на ловкость рук и изворотливость. Дважды ей удалось соскользнуть с крючка, отделаться сначала предупреждением, а затем – фиксированным штрафом без суда. В этот раз ей грозили обвинение и суд однозначно. Но она знала, что Мариус отлупит ее за промах, а заодно и ее первого сына девяти лет.

Вот тут я насторожилась. По правилам, если в арестантской нарушитель за пределами официального собеседования говорит с переводчиком о вещах инкриминирующих, мы обязаны пропустить это мимо ушей и не доводить до сведения полиции. Даже если он в убийстве признается. Но если речь зашла о детях, то это правило обязывает к отчету. Я участливо повернулась к Оксане:

– Да что вы говорите? Как же так, его-то за что? Он в школу ходит? А в какую?

Через десять минут я знала все, что было нужно полиции для расследования покушения на безопасность ребенка. Вот такие мы, переводчики, двуличности. Наевшись по

горло общением с мелкими и крупными нарушителями, по-неволе черствеешь душой и теряешь первоначальное сочувствие к заблудшей душе. Первые годы мне некоторых арестованных было жаль до слез, и я искренне проникалась участием к нелегкой судьбе. Но потом оказалось, что этого делать ни в коем случае нельзя. Во-первых, согласно правилам, мы должны оставаться лицами полностью незаинтересованными и никакой моральной помощи не оказывать ни той, ни другой стороне. Во-вторых, на это не хватит сердца у нормального человека. Своих проблем полно, загружаться чужими так часто означает кучу всяких нервных неприятностей даже со здоровьем. Бессонные ночи – еще не самое страшное. В общем, арестовали Мариуса за регулярные побои жены и пасынка. Свое свидетельство я оформила, но если в суд меня не пригласят, значит, Оксана сама там все рассказала, а ее кавалер признал себя виновным. Дальнейшая их судьба мне неизвестна. Я очень надеюсь, что она устроила свою судьбу и сыном занялась. Всегда хочется хорошего конца таким историям. Она мне на прощанье тогда сказала...

– Твою мать!

Я вздрогнула. Узел на нарах шевельнулся и снова отчетливо произнес:

– Сукин сын, Серега, где банка...

Минуты две я слушала трехэтажное замечание неизвестного содержания, но четко адресованное Сереге, козлу и недоноску, который, вероятно, является ко всему прочему

еще и псом вонючим и холерным. Я стараюсь не воспроизводить такие вещи, когда это не обязательно. Хотя бывает и обязательно – например, в суде или на записываемом на кассету допросе.

– Просыпайся! – крикнула я в щель. – Серегу нет здесь.

– Сергун! Гад!

– Просыпайся!

– Ирка?!

Парень приподнялся на локте, высунул голову из-под одеяла и с трудом огляделся. В камере стены были выкрашены в грязно-желтый цвет, а свет был притушен. Лицо у парня было еще молодым, но видок у него был такой, что можно было дать ему лет на десять больше. Он уперся взглядом в дверь, но не мог меня видеть.

– Вставай, – повторила я.

– Ирка? Ты откуда здесь?

– Я не Ирка. Ты знаешь, где находишься? Как тебя зовут?

Тут он, кажется, понял. Он снова выругался и повалился на спину, закрыв лицо руками. Он тер глаза и, наверное, усиленно думал, что делать теперь. Вот ведь, и не пьяный был, а просто спресонок. Как так попался? Забыл держать язык за зубами.

Прибежал на шум Джим, довольный как именинник.

– Я думал уже домой тебя отправлять. Пятнадцать минут стояла.

– Не стояла, а спала. Как лошадь.

– Ну-ка... спроси его, откуда он.

Я опять склонилась к щели.

– Ты с полицией разговаривать будешь? Кто ты, откуда?

– Иди ты на...

Дальше все было если не по маслу, то с некоторым прогрессом. Парня подняли, спросили, нужен ли ему адвокат, хочет ли он позвонить кому-нибудь, знает ли он, за что задержан. Он сначала отмалчивался и смотрел на меня с ненавистью. Но угроза передать его иммиграционникам подействовала. Он заговорил. Оказалось, что наш магазинный ворюшка – литовец белорусского происхождения и имеет законное право находиться в стране. Впоследствии это подтвердилось, но его долго мурыжили на предмет статуса и много проверяли. Даже паспорт нашелся и был привезен его приятелем Серегой – *«связкой немытой»*, которому он был вынужден позвонить для определения домашнего адреса. Теперь полиции стало известно его имя. Валентин Гусев был начинающим вором, и на первый раз он отделался предупреждением. Идея о самозапирательстве пришла в голову не ему и не Сереге – *«сизой гниде»*, а другому товарищу, который не делил с ними жилья (приехавшие на заработки прибалты обычно снимают жилье гуртом, в одном доме, иногда даже делят комнату, как в общежитии), а зря. Ведь живи он там, он бы знал о том, что Валентин говорит во сне. Хотя кто мог предполагать мое существование и знакомство с Блумфилдом. Да и если бы не дежурство Джима в ту ночь, не

всякому другому офицеру пришла бы в голову мысль подслушать волшебное слово «водка», выдающее нашего брата на любом языке.

Случай 2. *Покой нам только снится*

Стоял поздний апрель. Это мое любимое время в Англии, когда еще не отцвели по всему городу нарциссы и тюльпаны, но уже появились в соседнем лесу синие колокольчики, а деревья отяжелели от белых и розовых цветов. Я, по счастью, живу не в Лондоне, но довольно близко, в графстве Эссекс. Это самое плоское и сухое место на острове. Здесь всегда температура чуть выше, чем в других районах страны, чуть меньше дождей, ветра и наводнений. Весь Эссекс похож на сад, если знать, куда смотреть. Здесь люди без конца что-то сажают, прививают и сеют. Здесь в лесах и парках растут деревья и кусты со всего мира, если в климате прижились. Вы видели розовые каштаны? А китайские магнолии с цветами больше чайной чашки? Одной вишни тут сортов двадцать – почти все они декоративные, то есть неплодоносные, зато одни зацветают уже в январе, другие посыпают улицы в апреле розовыми лепестками махровых цветов, а третьи – ну точь-в-точь черешня, что росла у дома детства моего. Весной фермы делят поля на лоскутное одеяло из голубых, ярко-желтых и зеленых квадратов. За милю видно, что там растет: злак, лен или рапс. В это время даже в машине с за-

крытыми окнами кружится голова от запахов, особенно по ночам. Я стараюсь не упустить момент наслаждения сейчас, в апреле и мае, пока могу, потому как позже, в июне, у меня начнется сенная лихорадка и я буду с распухшим носом чихать до слез и таскать с собой таблетки.

В десять утра в свою по расписанию выходную среду я неслась в полицию Саусенда, на берег морского залива в устье Темзы. Это мой любимый участок всего в двадцати милях от дома. Там у меня много друзей. Там происходят вещи поинтереснее магазинных краж. В этом городе живет многодетная семья Валдаса Тимаскауса. Он и его жена Рита каждые три-четыре месяца уходят в запой и лупят друг друга до тех пор, пока один из них не заявит в полицию. По-английски говорить они не умеют, поэтому меня вызывают переводить. Начинаются разборки и фотографирование многочисленных синяков, выбитых зубов и сломанных пальцев. Потом им запрещают общаться до суда, но любовь притягивает их друг к другу как магнит, они нарушают запрет и снова дерутся. Это чревато серьезными последствиями. Тогда они забирают заявление и на какой-то срок трезвеют. Я их очень люблю. Они, сами того не зная, оплатили школьную поездку моей дочери в Нью-Йорк. А еще благодаря им я обрела хорошего друга в лице Джулии Белл и доброго приятеля Филиппа Брауна. Джулия работает в отделе по домашним дразгам, обожает собак и, как и я, не доверяет мужчинам своих дел. Мы с ней видимся не очень часто и, как правило, в спортза-

ле. А Филипп дежурил во время одного из арестов и нашел во мне родную душу. Мы с ним делим интерес к археологии и страсть к спортивному экзотическому танцу кубино-латино-какого-то происхождения с соусным названием – сальса. Фил танцует его гораздо лучше меня. Он в этом мастер, как, впрочем, и во всем, чем занимается. Есть такие люди – им все нужно делать на сто процентов. Особенно он обожает свою работу. Я тоже так хочу, но во мне живет жадный демон, который заставляет меня подхалтуривать на стороне. А что делать? Кроме меня ипотеку оплачивать некому.

Дело в этот раз было совсем пустяковое и к моей истории тоже отношения почти не имело. Поймали двух девочек из Латвии с попыткой купить что-то на чужую кредитную карточку. Им уже удалось купить пару подарочных ваучеров в два захода в суперсторе на семьдесят фунтов каждый. А попались они при покупке одеколона и зубной пасты в обычной аптеке «Бутс». Я переводила им по очереди, и они обе нервничали ужасно. Мне показалось, что не полиции они боятся. Их кто-то там пас. Я уже имела с этим дело. Девоньки молодые, если и попадутся разок-другой, то особо не пострадают. А вот кто их на это подбил? Они в один голос твердили, что карточку нашли сегодня под скамейкой. Денег обычно у них не густо, кругом столько соблазнов, а воровать они не хотят. Вот и ударило им в голову. Они внимательно изучили подпись на карточке. Пару раз потренировались воспроизвести ее на бумажке и сделали первый заход. Прошло успеш-

но, ведь на подарочный ваучер потом можно в том магазине взять на семьдесят фунтов добра и без проблем. Они погуляли полчаса и повторили процедуру. Тут и понесло. Зашли в «Бутс», и уже при расплате кассирша попросила их подождать, пока она кое-что проверит. Под ложечкой неприятно засосало. Появилось желание уйти, но им не позволили. При аресте офицер заметил, что одна из девочек по имени Вика с зеленочной челкой (не с зеленой, а именно зеленочной) сосредоточенно глядит ему через плечо. Он обернулся, и ему показалось, что какой-то парень резко подскочил и пошел прочь. Он быстро затерялся в толпе, и искать его стало затруднительно, да и некому. На собеседовании Вика и Инга отрицали наличие товарища до тех пор, пока не пришел результат проверки карточки. Оказалось, что карточка числится украденной вот уже четыре месяца. За это время с нее было снято шесть с лишним тысяч, но, как ни странно, все они были ваучерами по семьдесят фунтов и все из магазина одной сети. Оказывается, охранная система там хромает и допускает покупки именно до семидесяти фунтов без проверки карточки. Такие промахи в системе возможны, это факт. Причем все ветки этого магазина работают одинаково по всей стране. Для жуликов не воспользоваться этим было бы аномалией. Но меня поразило не это. Как наши узнают о таких дырках? Откуда? Не методом же тыка! Может, кто-то там работал на кассе и заметил прокол, потом рассказал другу, а тот покумекал и передал дальше... Все покрыто тайной.

У девочек сначала дела были не ахти. Они плакали, и мне немного было их жаль. Все-таки их эксплуатировали, как ни верти. Я верю, что это был их первый заход с карточкой пастыря, иначе бы не лопухнулись. До этого были и другие шестерки, и в разных городах – не исключено. Сам пастырь ушел, сделав на этой карточке несколько тысяч и бросив девушек на милость властей. Они теперь признались, что задолжали одному человеку деньги. Он сказал, что их можно отработать, купив ваучеров на двести с лишним фунтов, научил, по сколько покупать и где. Он им врал, что это карточка его родственницы, которая в отъезде, а так как сам он мужик, то даже с ее разрешения он не может воспользоваться картой. А если они справятся, то он разрешил им купить что-нибудь себе, но не дорогое. То, что покупать надо в том же магазине и только после того, как отдашь ему ваучеры на всю сумму, как-то подзабылось в процессе, и девочки оплошали. Однако скоро эта лафа ему кончится. С февраля следующего года карточки будут с компьютерным чипом, и вместо подписи нужно будет набрать четырехзначный код. Некоторые супермаркеты уже перешли на эту новую систему, и некоторые банки выпускают карточки нового образца. Уверена, что и тут мудрые головы придумают, как работать, найдут прокол и в этой системе. Я очень рассчитываю на креативность русскоязычного криминального мира. Они меня без работы не оставят.

А девочкам в финале повезло. Адвокат хороший попался,

хоть и дежурный. Даже я удивилась. Обычно с карточкой суда не миновать. Они признались во всем и приятеля своего сдали, некого Эрика Акаева. Сами никогда раньше не попадались, и поэтому им сделали так называемое предупреждение с занесением. Это слабая мера наказания, когда судимости у тебя нет, но твои данные закону известны. Если нарушишь закон в ближайшие три года, то пойдешь под суд как миленький, и это старое дело там помянется не на пользу. Отпечатки пальцев девочки дали нехотя, потом сфотографировались. А когда пришла очередь сдать анализ ДНК, они заволновались. Пришлось объяснять, что волос никто у них рвать и кровь брать не будет. Эти времена прошли. Теперь им просто повозят щеточкой во рту, собрав немного живых клеток. У нас, как и кожа на теле, слизистая все время отслаивается, обновляя клетки. В отличие от мертвых, сухих клеток кожи, эти – живые, влажные и больше годятся для снятия ДНК. Я своим семиклашкам это каждый год объясняю. И они разглядывают свои клетки под микроскопом с восторгом и брезгливостью. Обязательно один из них скажет: «Так вот почему по утрам во рту бяка, даже если вечером зубы чистил!»

Девочек выпустили на волю. Они тревожно, как испуганные птички, поглядывали друг на друга. А получив назад свои вещи, первым делом принялись кому-то посылать сообщения с мобильных телефонов. Я посмотрела на часы. Полвторого. Оказывается, пока мы работали, пошел дождь. День

тут же превратился в вечер, так как немедленно переменялись все цвета. С дождем ко мне всегда приходит усталость. Типичное дело для британского климата, можно все лето в плаще проходить. А Джулия сегодня не работает. Что ли к Филу зайти на предмет субботних планов через неделю?

Филипп хороший друг. Он уже не работает в арестантской. Он повышается и в данный момент проходит кучу всяких курсов и переподготовок. Я в их рангах слабо разбираюсь, но его новая должность будет очередным шагом к званию следователя. А сыщиком ему быть очень даже подойдет. Может быть, он серьезнее станет. В свои тридцать пять он иногда ведет себя как мальчишка, и это несмотря на то, что он перенес два года назад ужасную потерю. Его хорошенькая жена Лора умерла от запущенного рака груди. Фил, наверное, так до конца и не отошел. Да, наверное, и не отойдет. Несмотря на всю его внешнюю веселость, в его глазах осталась глубокая пустота, бездна, полная холода и тьмы. Она появилась в тот самый день и долго потом мраком окружала его, отталкивая друзей и всяческое сочувствие. Постепенно она стекла в него вдоль появившихся морщин, как по водосточку, и осталась глубоко в глазах. Поэтому во время различных мероприятий, сальсы в клубе, несмотря на шутки и выходки, которые он себе позволяет, все стараются не смотреть ему прямо в лицо. Так легче верить, что он снова стал самим собой и что все позади.

Я поднялась с сопровождающим полицейским по светлой

лестнице на четвертый этаж. Это по-нашему он четвертый, а по-англицки, как вы знаете, – третий. Там находился отдел, связывающий полицию с отделом судмедэкспертизы. «Форензики» – называю я их про себя. Туда меня привели поиски Фила, и я увидела его в лаборатории в компании какого-то толстячка со знакомым лицом. Этот сидел к Филу спиной и занимался своими делами. Где я его видела? Его, кажется, Боб зовут... или Бред? Что-то на «Б». Как же мне плохо запоминаются некоторые имена! Легче латинские названия растений запомнить, ей-богу!

Сам Филипп вообще никогда не сидит. Вечно он суетится и бегаёт. Даже если и присядет, то тут же вскочит, а вечером валится с ног от усталости. Фил гораздо рыжее меня, у него усы и короткая борода, под которой он прячет уродливый шрам на подбородке. Нет, он не пострадал во время службы. Он в юные годы навернулся с мотоцикла, сломал руку и так дюзнулся лицом об урну, что его потом полгода никто узнать не мог. Нос и зубы ему починили, а вот шрамы от швов пришлось прятать под волосяным покровом.

А душа у Филиппа действительно самая страстная. Именно благодаря такому его качеству мы и вляпались в эту историю. Если бы он не переусердствовал... А впрочем, может быть, так и надо жить? Лезть куда не просят, везде совать свой нос, а потом докапываться до самого дна? Да, за это можно и схлопотать по первое число... Эх! Стареем!

Фил только что прошел курсы обучения по программе

компьютерного определения отпечатков пальцев. Она как-то по-другому называется, да я не запомнила. Как только я вошла, он, не поздоровавшись, схватил меня за руку и потащил к аппарату под названием «*Лайфскан*». Я такой видела в полиции Харлоу и в Илфорде. Говорят, что скоро на всех участках такие будут. Никаких больше чернил и деревянных дощечек с викторианских времен. Ну, в общем, у Филиппа тут был тренировочный, который должны были скоро увезти дальше по курсовому расписанию. Он начал что-то горячо объяснять и прикладывать мои пальцы к стеклянному окошку на горизонтальной поверхности, как у кассового аппарата в супермаркете. В нем вспыхивал красный свет, а в это время на компьютерном экране над всем этим появлялись и застывали мои отпечатки пальцев, только раз в сто крупнее. Я уже видела эту машину в работе, а Фил в восторге все говорил и говорил:

– Мне велено практиковаться, ну я и практикуюсь. А что? У всех теток внизу вчера взял. Даже у Джулии. Чуть по шею не получил. Вот теперь пропускаю через систему спекулятивного поиска, и через пятнадцать минут станет ясно, если ты рецидивист и уже засветилась в мире преступности...

– Ну и что ты тогда будешь делать?

– Когда? – Фил меня не понял.

– Ну, когда окажется, что я рецидивист.

Фил растерялся. У него даже усы обвисли. За соседним столом захихикал толстяк. Как же его зовут? Билл... Нет,

Бен... Не помню.

– У меня он тоже взял. Фил, а ты свои пробовал?

Филипп снова ожил.

– Пробовал. Не засветился, – было такое впечатление, что он удивлен и даже разочарован. Он помахал в воздухе серым тюбиком. – А вот еще штучка портативная. Мажешь этим гелем пальцы, ждешь минуту, пока застынет, и снимаешь отпечатки пленочкой, как обгорелую кожу.

– У меня есть косметическая маска такая же. Дочь обо- жает потом ее с лица сдирать. Говорит, что так ее прыщики чистятся.

– Какие у нас планы на выходные?

– На эти ничего, кроме сальсы. А вот на следующие есть вариант.

– Ну-ка, ну-ка?

– Меня тут пригласили на одно мероприятие... Нет, не ве- черинка. Мероприятие археологическое в Ирландии. На рас- копки какие-то едем.

– Вау? А мне можно? Что раскапывать будем?

– Да мы ничего не будем. Там музей, ну и работы все еще ведутся. Сейчас много интересного находят в ирландских болотах. Захоронения какие-то, могилы и остатки побоищ. Я затем и заскочила. Поедешь? Я и Джулию хотела пригласить, но у нее собака опять болеет.

– Без разговоров. Где, когда и сколько?

– В следующую субботу в восемь собираемся на Кингс-

Кроссе. Туда на поезде лучше и дешевле. А потом на пароходе. Первый взнос – пятнадцать фунтов, а все дело – пятьдесят. Ну, и за дорогу, харчи и В&В сам платишь.

Bed & Breakfast – «Постель и Завтрак». Это такой тип частного дешевого мотеля на одну ночь. Это лицензионный английский бизнес, который хозяин дома устраивает в своем же многоквартирном жилище, что вполне возможно в некоторых старых домах. Если в каждой спальне пристроить крошечные душевые с туалетом и умывальником, делать там гостиничную уборку каждый день, а в столовой подавать на завтрак апельсиновый сок с хлопьями или там... кофе с тостами и яичницей, то можно обеспечить себе доход на старости лет.

– Окей. Уговорила – еду! Кофе будешь?

– Нет, я домой. Устала очень.

– Ну тогда я пошел в «подвал». Мне нужно набрать там отпечатков чернильных на бумаге. Их тоже нужно по программе искать учиться. Заодно тебя провожу.

– Спасибо.

– Саймон, я быстро, – бросил Фил через плечо толстяку, и мне стало стыдно.

Подвалом офицеры-следователи окрестили арестантский отдел, который обычно располагается на первом этаже, а иногда даже ниже, имеет несколько камер и куда меня вызывают чаще всего. Именно там я только что рассталась с латышскими девочками. Именно туда привозят разбирать-

ся арестованных полицейские констебли в униформе. А следователи носят костюмы, бейджики на ленточке и поглядывают на это хозяйство свысока. Типичный английский снобизм. Даже здесь.

По дороге домой дедова шляпа высохла в машине, дождь перестал, но меня все равно клонило ко сну от серой пасмурности, и я, не переодевшись, свернулась под пледом на кровати калачиком. Кот тут же привалился к моей спине и завибрировал. Так мы, согревая друг друга, уснули.

Разбудила меня музыка из комнаты дочери. Значит, она пришла из школы и сейчас уже около пяти вечера. Я спала два часа.

– У тебя совесть есть? – спросила я вслух, хотя не было ни малейшего шанса, что она услышит.

– А у тебя? – неожиданно оказалось, что она сидит у моего зеркала и усиленно красится моей косметикой. – Если ты дома, почему меня не подвезла? Пришлось под дождем на поезде...

– Дождь кончился. И я тоже. Я ночью не спала.

– А он опять пошел как из ведра. Ну, ладно, спи.

– С твоими «Гориллами» поспишь. Есть хочешь?

– Лежи, я сама. Только быстрое что-нибудь. Ладно?

– А ты куда собралась?

– Погулять пойду. Дэйв скоро придет.

– Так ведь дождь...

– А он кончился.

– Перестал.

– Мне больше понравилось «кончился».

Катька открыла мой шкаф и принялась в нем рыться.

– Я полосатый свитер беру.

– Тебе что, надеть нечего? – мне хотелось поехать в этом свитере в субботу. Ведь угробит.

– Нечего.

– Весь пол у себя одеждой забросала, ковра не видно.

– Там все не то. Ну все. Пойду чаю тебе налью?

– Два сахара и лимон.

– Знаю.

Она чмокнула меня в щеку и загремела пятками по лестнице. Только теперь я открыла глаза, и кот принялся счастливо урчать. Я снова закрыла глаза. Он замолчал и обиженно засопел. Моего лица легко коснулась мягкая лапа. Вот этого я терпеть не могу. Ужасно щекотно. Я заорала.

– Катька, Сэмэна покорми!

Кот шарахнулся, и тут зазвонил телефон. «Убью!» – подумала я и схватила трубку.

Через полчаса я ехала в полицию аэропорта Станстэд, тихо ругалась про себя и душераздирающе зевала. Зато на обратном пути во мне бурлил адреналин вперемешку с паршивым казенным кофе. Фонари отражались в мокром автобане, как в черной реке.

Случай 3. *Пятница*

В дверь позвонили. В такое время, после ужина, девять шансов из десяти, что это кто-то из Катькиных щеглов. А она в душе заливала пол водой и орала, чтобы я открыла и что-то там сказала. Я проверяла тетради, чтобы в выходной меньше возиться. Пятница, около восьми. Мой любимый троечник Ашли Картер опять начертил график зависимости количества выделяемого кислорода от температуры воды шариковой ручкой, а не карандашом. Лично мне плевать – график-то точный. Но правила... Подумав минуту, я поставила ему отлично, но с комментарием и решила все-таки открыть.

Кутаясь в плед, я напустила на себя враждебный вид и распахнула дверь. Дэйв стоял перед дверью и казался не то маленьким и беззащитным, не то далеко внизу, так как дверь на три ступеньки приподнята над землей. На самом деле он был, наверное, на голову меня выше ростом. На нем красовались типичные для подростков широченные штаны и застиранная футболка с непонятными сатанинскими символами на животе. На запястье был браслет из кожаного шнура, а вот на голой шее, как на палке, был почему-то повязан белый и тонкий шелковый галстук с перламутровой булавкой. Светлые длинные волосы закрывали ему уши и один глаз, косое направление им было придано каким-то гелем. Все остальное в нем было довольно обычным: прыщи, настороженный взгляд, костлявые плечи и недостаток кальция. Он нервно пощелкал пальцами и спросил:

– А-а Катя дома?

Я кашлянула, и мне показалось, что он слегка присел.

– Дома. Ты тут посиди минутку на скамеечке. У нее лак на ногах сохнет.

– Окей!

Он явно почувствовал облегчение.

Катка, уже одетая в мои бежевые брюки, но в свою ужасную черную сетчатую футболку, оттеснила меня от двери и сказала по-русски:

– Да перестань же ты их пугать.

– А я что? Не надо было рассказывать про НВП. Брутальность на цивилизованном Западе не в моде.

По дороге наверх я слышала их щебет и Каткино хихиканье. Неужели мы такие же были? Подростки восьмидесятых, мы тоже носили черт знает что, с точки зрения родителей, красились ярко и дыбили волосы. Мы слушали Фредди и Стинга, а пели песни «Воскресения». Кстати, рукава «летучая мышь», похоже, опять войдут в моду, а ремни снова будут носить на талии, а не на бедрах. Ну да ладно. Нужно тоже привести себя в порядок. Усталость снимет как рукой под звуки *Nadie Como Ella*.

Через полчаса я села в машину. Волосы высоко забраны в конский хвост, лицо – нарисовано. На мне были особые туфли на кожаной подошве, в которых можно вертеться волчком, джинсы до лодыжек и длинная легкая туника в каких-то тропических цветах.

Я выехала на темное шоссе и включила диск с сальсой. Под ее ритм я предвкушала, как пройду сразу к бару и маленький египтянин Мич уже знает, что мне нужно налить «Совиньон-Блан» и подать бутылку минеральной воды на потом. По английским законам, если за рулем, то одну рюмочку можно. Я расплачусь и пойду здороваться с завсегда-таями. Фил сегодня не приедет, но Джеф и Родриго из Уотфорда тоже на ноги не наступают. Я буду болтать с Самантой и Керри, выбегать с ними на улицу, чтобы остыть от жары и шума. У курящих там будет стоять дым серым пластом в холодеющем воздухе над головой. На другой день будут приятно ныть ноги и мускулы на руках.

И тут зазвонил мобильник. О-о нет! Только не сейчас!

– Тонья Тринити? (Ах да! Зовут меня Антонина. Друзья называют меня Тони.) Это следователь Стив Синклер. Мне вас порекомендовали как переводчика с русского.

– Это я.

– Тогда вы знаете, зачем я звоню.

Пропал вечер. Внутренний демон, который без конца требует денег, который с каждым звонком выпихивает меня из постели, срывает со свиданий, из спортзала и магазинов, проснулся и угрожающе гыкнул.

– Когда я вам нужна?

– А когда вы сможете подъехать в Саусенд?

– Я уже и так в машине. Сейчас развернусь, ну и... минут двадцать пять.

– Очень хорошо.

Я немного расстроилась. Успокаивало одно – в такое время лучше платят. Будут еще пятницы в моей жизни. Приехав на место, я попыталась немного упростить свой нарядный вид. На такой случай у меня всегда в багажнике есть две-три шмотки в мешке. Припарковавшись, я улучила момент и незаметно вылезла из блузы (жалость какая), быстренько натянув черно-красную ковбойку. Каблуки сменила на стоптанные лодочки и поскидывала все украшения. Был у меня один случай много лет назад. Мы праздновали девичник подруги, я была намерена пить вино, как все, и домой вернуться на такси. Мы были, как полагается, ряжеными. Тема – Голливуд, и, конечно, я была малость располневшей Одри Хепберн. С высокой прической, с перчатками выше локтя, в узком длинном сатине и жемчугах, но видели бы вы других, а особенно невесту – саму Мэрилин Монро. В десять позвонили из полиции нашего же городка и потребовали срочно приехать работать. Я объяснила, что я без машины, но с парой бокалов вина в организме. Меня спросили, в состоянии ли я переводить, я сказала, что это я пока могу. Они оказались очень близко и заявили, что искать мне замену им некогда и что они сами за мной приедут. Я легкомысленно согласилась, забыв про внешний вид.

Приехали двое в форме, вошли в ресторан и громко позвали меня по имени. Представляете эффект? Прочие подружки невесты знали, чем я занимаюсь, и особо не отре-

агировали. Зато другие посетители переполнились злорадством. Все головы повернулись, разговоры зависли, и меня провожали любопытными глазами до дверей и за окном. Англичане – странный народ. Я много раз наблюдала, как они веселятся, когда кто-то попал в переделку: перестоял на парковке и получил штраф, попал в небольшую аварию, поскользнулся, упал – так тебе и надо. Зачатки этого я вижу в школе каждый день. Упавший школьник услышит вокруг счастливый хохот, как бы сильно он ни ушибся. А тут в ресторане «замели» какую-то фифу. Вот будет о чем рассказать дома. В полицейской машине тоже неловко получилось! Я сидела на заднем сидении, и через окно мне посылались прохожими отнюдь не сочувствующие оскалы в вечернем Базилдоне. Полицейские в участке тоже не могли относиться ко мне серьезно, пялились на мои гламурные плечи, и работать мне было трудно. Да и им, вероятно, тоже. Один только эстонец, арестованный за превышение скорости, так и не заметил моего блеска. И не удивительно, так как он лишился прав на два года. В любом случае такого удовольствия я им больше не доставлю, хотя звонки частенько выдергивают меня из-за праздничных столов и из кинозалов.

Теперь, придав себе внешность более приемлемую в обществе, я надела свою вечную шляпу, прошла в участок и была встречена незнакомцем в костюме и в квадратных очках. Он представился – Стив Синклер. При его тревожном виде мне тут же вспомнилось и перефразировалось в голове

какое-то клише из черно-белого кино: «Увидев его силуэт, я почувяла беду». Он повел меня не в арестантскую, а в закрытую на ночь кофейную. Там усадил, сам сел напротив и заговорил:

– Дело серьезное. Пропала женщина, литовка. Марта Жербене. Мы ее ищем. У нее трое детей, они говорят по-английски, и с ними все в порядке. Но вот ее любовник, иракский курд, тоже пропал. Он и есть подозреваемый.

– А кому же я буду переводить?

– Приехал ее бывший муж, он украинец, а родители подъедут из Литвы в воскресенье вечером. Я назначен офицером по семейным связям, и вы мне понадобится как воздух.

Это пахло делом на много дней и большими деньгами. Я почувствовала большой прилив энергии и желание работать день и ночь. Демон в подобные моменты азартно тычет меня в ребро. А Стив Синклер продолжал:

– С мамой ее говорить много не придется. Она все время плачет и реагирует только на мужа. Они боятся самого худшего, разумеется. Мы тоже ищем как живую Марту, так и ее труп. Отец ее раньше несколько раз приезжал сюда и хорошо знает этого курда. Отца зовут Арвис Виляускас. С ним мы и будем работать, он многое может рассказать. Ну и у бывшего мужа надо взять показания. Он уже здесь, с него и начнем.

Мы прошли в тускло освещенный офис. Там сидел очень расстроенный молодой человек, симпатичный, но с какими-то птичьими чертами лица, по имени Валерий Жербень.

Он без конца хотел курить и хватался за мобильный телефон. Он рассказал, как они приехали сюда всей семьей несколько лет назад в качестве беженцев по придуманному поводу. Этот факт не имел больше значения. Сам он в Англии больше не живет, а литовцы стали европейцами и могут приезжать свободно. Он рассказал, что их поселили в гостинице, где было много курдов, и его супруга очень скоро прислонилась к одному жгучему брюнету, красавцу Фархаду. Это сопровождалось скандалами, переездами в целях спасти семью и даже драками. Ничего не помогло, они расстались. Потом еще случались встречи ради троих сыновей и было какое-то общение к концу их первого года в Англии, но когда курд Фархад стал бить Марту за то, что она позволяет Валерию видеться с детьми, пришли отчаяние и безысходность. Валерий сдался и уехал в Испанию, чтобы начать жизнь сначала. Развод оформлять никто не стал. Мальчикам остались лишь редкие звонки. А два дня назад позвонил их общий знакомый и заявил, что Марта пропала. Валерий бросился к детям, да и к ее судьбе он равнодушным он оставаться не мог. И вот теперь он сидел перед нами и терпеливо ждал, когда мы запишем его рассказ по-английски, иногда устало тер маленькие глазки, красные и какие-то потерянные. Он не мог ничего поведать из более поздних событий, но рассказал о начале отношений Марты с Фархадом почти пять лет назад. Он жалел ее и в то же время злился, что она продолжает портить ему жизнь. Он жаловался на ее родителей, «насто-

ящих куркулей», вздыхал и всхлипывал. Мне показалось, что он держится из последних сил. Как только мы закончим, он, скорее всего, пойдет и напьется. Даже если не пьет.

Меня эта история тоже расстроила. А вот офицер Синклер был спокоен, как аптечная вывеска. Странный он какой-то, этот Стив. Мне показалось, что он меня разглядывал с любопытством. Это не ново, но уж больно не к месту. А раз так, мы тоже тебя рассмотрим как следует, только не так очевидно. Он был маленьким, черноволосым, каким-то сухогрудым. Может быть, он силен и жилист, но уж больно бестелый. А еще у него была ужасно белая кожа, как у вампиров в кино. Или как у аристократов в позапрошлом веке. Черные волосы коротко, но стильно стриженные, лицо строгое, симпатичное. Очки модные. Костюм. Галстук. Запонки. Фу ты, ну ты. Прямо франт, а не полицейский. Ему бы мою шляпу-федору и сигару между двумя перстнями. Фил тоже теперь костюм носит, но ворот на рубашке вечно растегнут, рукава закатаны, а галстук – в кармане пиджака.

Домой я добралась очень поздно. В воскресенье я должна была вернуться в участок для продолжения работы, но ближе к вечеру. Значит, я успею съездить в Ирландию и назад. Кот сидел на подъезде к дому. Он спрятался от машины под скамейку, но как только я выключила мотор, он вышел, обнюхал бампер и потерся об него мордой.

– Сема! – позвала я, отпирая дверь, и он затрусил прямо на кухню.

Катерина храпела, как взвод солдат. Город спал. В саду тихо постукивали бамбуковые палочки на подвеске. Постель была холодная как лед. Я сегодня потеряла ночь сальсы, но почему же я так довольна жизнью? Это неспроста.

Случай 4. *Богмэн*

В поезде беседа как-то умерла на втором часу пути. Даже Фил успокоился и задремал. Нас должно было быть семнадцать человек, но поехало только одиннадцать. Я, Фил, учителя из нашей школы (француженка, два математика, физрук, историчка с мужем и какой-то старый, кажись, географ), а также чета Уилкинсонов. Дорогое удовольствие. Его организовала миссис Уилкинсон, и я расскажу, что в нем такого особенного. В нашей школе есть свой оркестр. Я к нему не имею отношения, но помогаю со сборами средств как могу. Он того стоит. Деньги идут на покупку и починку инструментов, которые для школьного бюджета дороговаты. Особо одаренных детей в оркестре – человек двадцать пять, и почти у всех есть родители с интересными профессиями. В прошлом году, например, папаша барабанщика Вилли Кертиса, работающий в охране самого Вест Министерства, устроил нам поход по всему зданию. Туда, конечно, и так туристов пускают, но нам выпала возможность побывать в кулуарах. Мы заходили в помещения, в которые простым смертным дорога заказана. Мы открывали двери, сделанные из дерева

разных сортов, держали в руках гербовые листы для писем, сделанные из особой какой-то бумаги. Мы побывали на всемирно известной башне, прямо за циферблатом самых знаменитых часов Лондона. Мы видели сам часовой механизм, точность которого поддерживается однопенсовыми монетами. Мы, заткнув уши, постояли возле самого колокола Биг-Бена, пока тот звонил полдень. Между прочим, Биг-Беном зовут именно колокол, а не башню с часами. Я даже присела в кресло в знаменитом зале в форме корабельного трюма, где министры-оппоненты, политики и секретари орут во время дебатов; где премьер-министр, опираясь на ларь с целой библиотекой церковных изданий (от Библии до Корана), режет правду-матку; и где, как в единственном в стране и специально отведенном для этого месте, политики могут наезжать друг на друга словесно, не опасаясь закона.

В этот раз экскурсию нам организовали родители нашей первой скрипки Мегги Уилкинсон, которые работают не где-нибудь, а в Британском историческом музее. Ну, в музее в этом мы уже были, а вот их последний проект заинтересовал меня куда больше, чем гербовая туалетная бумага министерства. Но про него я вам расскажу, когда доберемся до места.

Спать в дороге у меня никогда не получалось, я читала Стаута в оригинале, а путь был долог: много часов на поезде, потом на кораблике – через пролив. Потом на автобусе за город. В общем, в В&В мы оказались только к ужину. Или к чаю, как говорят у них. Уилкинсоны сразу поехали в музей,

а мы решили подзаправиться и пошли в один из ближайших подвальчиков. Таких пабов под Белфастом довольно много. За столом все ожили. Моя любимая коллега по школе стала утверждать, что мы увидим не что иное, как ритуальные захоронения древних кельтов. Они сначала были язычниками и потеряли свою культуру вскоре после принятия христианства. У них было много богов. Таранис – бог неба, Пагда – бог добра, Сабрина – богиня воды, Кернисон – рогатый бог, Лаг – бог света, Матрона – богиня материнства. Не надо говорить, что коллега – историк. Она обратилась ко мне за консультацией своего рода:

– Русские тоже ведь когда-то были язычниками?

– До князя Владимира – да, – вспоминала я, жуя слоеный пирог из курицы с грибами, – но всех богов не вспомню. Был вот Берендей... Дажьбог, Перун, Ярило. Не знаю, стоит ли объяснять День Ивана Купалы, но это все сложно.

Народ помолчал. Особенно молчали оба математика и муж любимой коллеги.

– И как это ужилась с христианством? – спросил Фил.

Я не успела обдумать ответ, как вмешалась новая, мне незнакомая учительница французского:

– Значит, друидов у вас не было? Странно, а ведь очень многое из культуры и религии тех лет было завезено викингами как в Британию, так и Россию.

– Бритты были язычниками еще до викингов, как и россияне, – ответила ей коллега, – а скандинавы эти рассыпались

по всей Европе. И в Россию попали тоже.

– Было дело, – ответила я, – и звали его Рюриком.

– Все равно, если порыться в ваших болотах, то наверняка тоже найдешь людские жертвоприношения времен железного века, – предложил математик в очках.

Я подумала, что в наших болотах можно найти вещи пострашнее и не такие уж и древние. Вот где стоило бы как следует покопать. Но я не стала об этом говорить. Не в тему. Вместо этого я сказала:

– Нам на уроках истории много чего не рассказывали. А с богами люди пытались ладить путем угощений. Оставь домовому молока, пожара не будет.

– А если дождя нет и поля сохнут? Нет уж. Пока не орошишь землю кровушкой... – не унимался физрук.

– Ну что за глупости? – вмешался географ, самый пожилой член группы. (Я так и не узнала, как его зовут. Он, конечно, представился, как и все. Но я тут же забыла. Каждый день встречаю новые лица и каждый год должна запоминать сотни учеников. Так, лишние имена просто не удерживаются в моей памяти. Да и зачем? Эти люди никогда не станут главными героями в моей истории, а если и станут, то про имя не стыдно будет спросить и еще разок.) – Это все догадки. Сейчас нам популярно все расскажут в музее. Пошли, уже шестой час. Там все сейчас закроется, и наступит наше эксклюзивное время.

Местный Национальный музей был богат всякими потем-

невшими и изъеденными временем железяками в форме ножей и наконечников, черепками и остатками вещей из засохшей бараньей кожи. Все посетители ушли, а нам, как и договаривались, чета Уилкинсонов подарила эксклюзивные три часа неурочного времени ради нужд оркестра. В музее мы провели час. Нам рассказывали о находках времен железного века и показывали застекленные, вытащенные из трясины черные тела богмэнов, смятые грязью, с невероятным выражением на лице и с остатками одежды. На некоторых даже были простенькие украшения: шнурки на шее с привязанной какой-то штучкой, плетеные кожаные браслеты вроде тех, что носят Катькины пацаны. Зрелище не для слабонервных. Я имею в виду богмэнов, а не пацанов.

Ирландские и скандинавские богмэны. «Bog» по-английски означает болото или трясина. В Ирландии найдено около сорока тел, а вообще в странах северной Европы – более ста пятидесяти. Первого здесь нашли в 1821-м, но с тех пор он высох и сморщился. В болотных ямах находят хорошо сохранившиеся тела, чей возраст исчисляется парой тысяч лет. Они так же интересны, как египетские мумии, но с мумиями все более-менее ясно, а вот эти ребята кто? Их находят расчлененными, с ужасными ранами, с дырами в голове. Они явно были жестоко убиты с каким-то зверским ритуалом. Жертвы богам друидов? Иностранцы паломники? Казненные военнопленные или пойманные ренегаты? Иноверцы, наказанные по местным законам? Они строго инди-

видуальны, им даже дают имена: Старик Крoгхан, Деррикашел, Клоникаванский человек. Ученые изучают каждый сантиметр этих бедолаг. Очень многое могут сказать о человеке его явно холеные ногти, следы татуировки, прическа. Далее: химический анализ волос, найденные в них сохранившиеся за тысячи лет вши, пыльца цветов в ноздрях, остатки еды в желудке и даже сама кожа – могут рассказать о том, какое положение занимал человек, в какое время года он умер, что ел перед смертью. Все это потрясающе хорошо сохранилось, не сгнило. Все они найдены там, где когда-то были границы поместий. Они не были простыми преступниками, которых тогда было принято вешать в назидание. Они были вдавлены в трясину сразу после ритуальной казни более трехсот лет до рождения Христа. Это все наряду со способами убийств наводило на мысль, что их нарочно не похоронили в землю, а погрузили в холодную грязь, где они и не люди больше, но и в мир мертвых им дорога заказана. Они не на земле и не под землей, а где-то между ними – в грязной воде, где даже разложение не положит конец посмертному бытию их тел, и их душа вынуждена зависнуть где-то между мирами.

Остаток вечера мы провели в поездке на само болото в нескольких милях от музея. Там была передвижная база с лабораторией и хранилищем в виде пяти фургончиков. Все работники и эксперты уже ушли по домам, а нам дежурный разрешил влезть в непромокаемые комбинезоны и по самый пояс войти в болото среди камыша и каких-то страшных

мертвых деревьев. Не все горели желанием, так что только пятеро, включая вашу покорную слугу, побрели в темной воде. Мне все казалось, что я сейчас наступлю на еще не найденного богмэна. Наступили сумерки, и стало по-настоящему страшно. В хранилище лежали два недавно найденных тела. Один из них был особенно хорош. Головы у него не было, зато все остальное было в отличном состоянии (по стандартам богмэнов, конечно). Смотреть на него никто не захотел. В хранилище было холодно, воняло формалином и еще чем-то очень крепким. Богмэны проходили первую стадию обработки и подготовки к исследованию. Их вымачивали в какой-то размягчающей жидкости PEG (и вот ведь не знаю, как это по-русски будет – полиэтиленгликоль вроде бы), чтобы они не съжились при сухом замораживании в музее за много лет хранения. Из целлофанового мешка торчала коричневая рука.

Нас чуток подташнивало от тех химзапахов, когда мы шли обратно к автобусу. Физрук ворчал, что ввек не забудет. Вероника твердила, что все на свете надо знать и такой возможности больше может и не представиться в жизни. Обычных посетителей музея на болото не возят. Спасибо Уилкинсонам за прекрасную возможность. Почтенная пара сказала, что всегда пожалуйста, что на непривыкшего человека эти виды, конечно, производят неприятное впечатление, но среди нас есть биолог (я скромно промолчала, скрывая свои истинные впечатления), которому все по барабану, и отважный

полицейский, который явно чувствовал здесь себя как дома.

Тут оказалось, что Фила среди нас нет. Сначала все обеспокоились, когда физрук предположил, что Фил остался в болоте и станет новым богмэном через две тысячи лет. Потом все посмеялись, когда оказалось, что Фил просто бегал в кусты, так как фургонный туалет был заперт на ночь. Все сели в автобус и поехали обратно в В&В. Утром нам надо было рано выезжать домой. В отличие от других, мне предстояло еще работать в воскресенье вечером. Меня это особо не огорчало. Я привыкла работать по выходным.

В автобусе ко мне подсел Фил. Наши товарищи не знали Фила, как я, поэтому не заметили его странного выражения на лице. Я глянула ему в глаза. Там, кроме обычной тьмы, металась озорная искорка.

– А ну колись! – велела я.

– Не понимаю, – улыбнулся Фил.

– Чего ты наврал, что туалет заперт? Где ты был?

– От тебя не утаишь. Потом расскажу.

– Сейчас говори. Спер что-нибудь? Вставил богмэну пломбу, чтобы создать сенсацию?

Но Фил уперся как бык, отобрал у меня шляпу, натянул себе на глаза и притворился спящим. Я так и не выяснила тогда, что он там натворил, но было ясно, что он неспроста вцепился в свой рюкзачок. Он долго отнекивался, а потом пригрозил, что если я не отстану, он сам начнет приставать ко мне и даже будет ломиться в дверь номера всю ночь, по-

тому что выпьет виски. Это Фил-то?

Случай 5. *Чужая душа – потемки*

Папа Марты был невысок, светловолос, жилист для своих лет. Он мне напоминал Паниковского, только покрепче и без шляпы. У него были гнилые зубы, множество морщинок на лице и противный голос. Кроме того, он был ужасно болтлив. Я подумала, что это он так пытается отвлечься от грустных мыслей и предположений о судьбе дочери. Арвис Виляускас отвечал на вопросы Стива, тот делал пометки в папочке и иногда выбегал позвонить оперативникам. Сначала мы долго сидели в кабинете, потом сели в машину и поехали по городу. Арвис не знал ни одного адреса наизусть. Говорил он много и утомительно (для меня), указывал из окна машины на различные дома, где жили его знакомые и знакомые Фархада, где жил сам Фархад и его многочисленные братья. Братья тоже пропали куда-то. День кончился, мы отвезли его в гостиницу к жене и внукам и договорились продолжить на другой день. Стив оказался общительным офицером. Мне показалось, что он наблюдает за мной во время работы. Мне от этого становилось тревожно и неприятно. Но, как говорится, когда мерещится – крестись. Днем еще ничего, а с наступлением темноты его глаза провалились за очки и оттуда посверкивали недобрым огнем. Даже по дороге домой я не сразу согрелась в своей машине.

Дома Катька лежала на полу и творила. Ее новый шедевр был очередным автопортретом, но на этот раз углем. Несмотря на пару развернутых газет, на полу были видны черные полосы, и я тут же наступила на обломок угля и раздавила его. Но рассердиться на нее я не смогла. Я велела ей убрать все и лечь спать. Она не верила, что уже почти одиннадцать вечера. Кот путался под ногами, ломился за мной в ванную комнату, нагло распахивая дверь. Мне же был оставлен холодный ужин в виде салата из тунца и макарон.

– Не могла Сэмэна покормить?

– Я его кормила двадцать раз, – прозвучал ответ с лестницы, – это наглая клевета с его стороны.

Но ругаться не было сил. Как уже не было сил и на еду. Я опять стала разваливаться на куски, как только вошла в дом. А все вчерашние похождения в болоте, коллективная пьянка и обратный путь в состоянии похмелья. После поездки в Ирландию меня не особо мутило, но осталась какая-то противная усталость. Там у нас получился старый многонациональный анекдот: собрались как-то русский, англичанин, француз и американец водки выпить... Но вот конец анекдота остался мне неизвестен. Фил в тот вечер проводил до номера и спросил напоследок:

– Ты как?

– Как видишь, – ответила я.

– Ну, не так плохо, как я думал. Вот только глаза блестят. Ты уверена, что мне не нужно тебя караулить?

– Фил, ну что я сделаю теперь? Через час-другой мой упятерившийся от водки тестостерон придет в норму, и я опять стану слабой женщиной. К тому же – больной.

– Тогда ладно. Я вообще не знаю, как ты на ногах стоишь.

– Чему быть, того не миновать...

– Говори по-английски, пьяница.

– Я говорю, любишь кататься... имей сто фунтов стерлингов.

Фил махнул рукой и пошел к себе в номер.

– Взялся за гуж – полезай в кузов! – бросила я ему вслед и закрыла дверь.

В общем, стыдобища! Но пора переменить тему. Все это нытье выеденного гроша не стоит. Да и ломаного яйца – тоже.

Итак, в понедельник мне удалось отпроситься из школы, так как в спортивный день и без классного руководства это несложно. Началось все с поездки на индюшину ферму, где Арвис подрабатывал во время визитов к дочке. Он опять рассказывал, Стив задавал ему вопросы, а он отвечал. Вероятно, от горя ответы путались и часто были просто неправдоподобными. Хотя иногда старик был даже весел, держался молодцом и всхлипывал только тогда, когда речь снова заходила о том, какая замечательная женщина – его дочка Марта. Однако Стив переборщил. Весь день мы мотались без отдыха и обеда. Ну, ладно сам Стив привык так работать. Следствие тоже торопило, каждая минута была на счету. Мне то-

же подобное не впервой. Но тут пожилой человек без обеда и передышки, уже измученный беспокойствами за дочку, наконец затолканный в какую-то каморку на стул, отвечает на вопросы шестой час подряд. Немудрено, что он сорвался.

– Знаете что? – сказал он вдруг в ответ на попытку Стива прояснить какое-то несоответствие в его ответах. – Я больше ничего говорить не буду. Я, что ли, преступник? Вы, вместо того чтобы искать дочку мою, трясете меня, как на допросе.

А Стив, сволочь, извинился и выскочил из комнаты звонить. Я осталась с закипающим Арвисом. Был у меня случай. Вот так же вышел полицейский, оставив меня с пьяной иркутянской, а она возьми и кинься на меня в гневе. Я увернуться не успела, а потом ходила, как боксер, с красивым тахим фонарем под глазом. Пришлось срочно заговорить:

– Арвис, Стив же не один. Их там человек двадцать сейчас бегают по всему Эссексу, звонят, допрашивают, ищут – посторонние для Марты люди. А вы так много знаете про то, как она жила, какой он, этот Фархад. Вот они и спрашивают о том, что вам покажется ерундой, а на самом деле – зацепка.

Когда Стив вернулся, Арвис, в отличие от меня, был спокоен. И даже рвался еще помогать по мере сил. Но решено было отвезти его в гостиницу и продолжить в другой день. Обратном к участку мы со Стивом ехали одни. Он задавал вопросы уже мне, отвлекая меня и себя от тяжелых мыслей. Посыпались шуточки. Я высказала ему, что Арвиса нужно было устраивать поудобнее, бутерброд ему купить, чаю побольше,

перекур устроить. А то загнал бедного дядьку. Стив согласился, и разговор перешел на детей. Оказалось, что Стиву тридцать четыре года, он женат и его дочке – годик. Потом он долго ахал и охал, реагируя на возраст моей дочери. По-лилось обычное вежливое:

– Вам не так много лет, чтобы иметь такую взрослую дочь!

А я заученно отвечаю:

– Мне много лет, через пару лет будет сорок.

– Ах, вы выглядите на десять лет моложе!

– Ерунда! Вы мою маму не видели!

– Значит, это наследственность! А позвольте, сколько лет вашей федоре?

– Она старше меня, это память о дедушке.

– Очень вам она идет!

Стив осторожно флиртовал. Ну, ничего не поделаешь. Я на работе. В конце концов, на посту офицеры крайне редко рискуют расслабиться. Законы здесь суровые на предмет ухаживания на службе. Живо можно «загреметь под фанфары» за элементарный харассмент. Мой самый первый случай в полиции был с одним пьяным калининградцем, который проспал последнюю электричку и заночевал на платформе. Приперлась местная девица и попросила сигарету. Ну он ее хватанул там за что-то играючи. Она в полицию – хлоп – заявление. Повязали его на той же скамеечке, к его величайшему удивлению. Он мне ныл, что случись такое на родине, этой девке сами менты сказали бы, что у них настоящих за-

бот полно, чтоб шла домой и не болталась в три утра по вокзалам.

Вот и в самой полиции, как нигде больше, свои собственные правила мало кто решится нарушить. Но со мной история другая. Не такая уж я роковая женщина, просто переводчик существует как бы за рамками обыденности. Я не одна из полисвуменш, которые носят форму, отнюдь не подчеркивающую женскую красоту. Это вам не кино: тут все глухо, мешковато, черно-бело, без каблуков и косметики. Я и не свидетель по делу, не арестант. Этих строго защищают статьи по правам человека, и которых без надобности и нудных объяснительных отчетов никто пальцем не тронет. За это может грозить статья и потеря работы. Я и не юрист, строго одетый сноб, который слишком хорошо знает все законы. Я не дежурный медработник, который приходит без малейшего энтузиазма, отработывает и тут же убегает, часто и справедливо уверенный, что зря время потерял. Это же касается прочих регулярно приходящих представителей экспертных и надзорных служб, соцработников, попечителей, курьеров, охранников, ответственных взрослых, механиков, айтишников и уборщиц.

Я редкий в следствии персонаж, почти инопланетный и загадочный для полицейского, особенно рангового. Вроде бы я чужак и в то же время допущенный к самому главному – к той стороне иностранного подозреваемого, которая остается невидимой для следователя. Она доступна только

мне в той тесной комнате для собеседований. Джулия и Фил однажды объяснили, что такое иногда действует как магнит. Вот и прячусь я обычно под шляпой, ношу брюки и кутаюсь в плащ, чтобы не скомпрометировать себя.

Домой я добралась достаточно рано, чтобы приготовить нормальный ужин. Катюши дома не было, но кот выглядел сытым. Я вытащила из холодильника сметану, купленную давеча в польском магазине, бросила на горячую сковороду пригоршню нарезанной говядины, покрошила лучку с грибами, сварила картошку и смастерила неплохой бефстроганов.

Дочь явно загуляла. Я села прямо у тарелки готовить план урока и очнулась, когда часы прокуковали десять. За дверью послышалось Катькино хихиканье. Она ввалилась в дом и стала кого-то гнать от двери.

– Кто там у тебя? – спросила я из кухни.

– Это Кайлам.

– Привет, Кайлам! – гаркнула я, как в классе. – Как дела в колледже?

За входной дверью стало тихо. Кайлам – это такое непонятное существо в виде английского тинейджера, с которым моя дочь почему-то дружит. Причем их дружба проявляется в виде взаимных оскорблений, розово-пушистых подарков Кате и телефонных счетов – мне. Пацан что-то вежливо пролаял и утопал домой. Катька уже включила телевизор и принялась за еду. До кровати еще надо дойти. Я вытянулась

на диване и закрыла глаза. В дверь позвонили.

– Кайлам забыл получить пинка, – сказала Катька и пошла открывать.

Но в комнату вошел Фил. Такого никогда раньше не было.

Случай 6. *Возвращение богмэна*

– Привет? – сказала я, удивляясь. У Фила был вид довольно странный, но на плохую новость он не был похож. – Ты пришел мне предложение сделать или вернуть долг, про который я не помню?

– Тонья... Прости, что я так поздно, я ехал мимо и подумал, что если свет горит, заеду и все расскажу сегодня. До завтра я не выдержу.

– Кать, чаю ему налей, пожалуйста. С молоком и без сахара.

Ехал он мимо! Как бы не так! По А127 до его деревни, конечно, мимо, но чтобы по улице моей проехать, нужно дать крюк в пару верст.

– Тонья, дело открыли!

– Какое дело?

– По богмэну. Назвали операцию – «Лаз».

Я села на диване. Я ничего не поняла, но по позвоночнику пробежал знакомый алчный демон и зазвенел в ушах. Фил был у меня дома только дважды. Один раз в компании

на шашлыках отмечавших новоселье, а второй раз с одной лишь Джулией сразу после похорон жены. Раз пришел, значит, все не так просто.

– Так ты все-таки напакостил там?

– Постой. Помнишь, я тебе показывал свой портативный набор для отпечатков пальцев? Ну, с гелем в тубике. Я взял тогда его с собой в Ирландию и...

У меня перед глазами встала как наяву рука с почерневшей от болотной грязи кожей, торчащая из целлофанового свертка, в ванной мутной жижи раствора PEG. А Фил уже рассказывал, как он долго смотрел на эту руку, думая, что взял отпечатки уже у всех знакомых и незнакомых людей, а вот у богмэна еще не брал; как он задержался в вагончике и быстро вытер мертвую ладонь платком и намазал гелем. Пока гель сох, с Фила сошло семь потов. Потом он содрал серые пленочки пинцетом и покидал их в стеклянный цилиндр с пробкой. Он благополучно вернулся в группу. Его трясло, но кроме меня, никто ничего не заподозрил.

– Ну и что? – я уже пришла в себя от выходки Фила. От него такого можно было ожидать. Я не знаю второго такого человека, который жил свою жизнь, как киноприключение. Может быть, ему так легче потерю пережить? Все мы что-то живем, а что-то переживаем.

– Я их пропустил через систему, – Фил сделал большие глаза, – вчера!

– И оказалось, что богмэн воровал глиняные горшки сот-

ни лет до нашей эры? – засмеялась я, но Фил даже не улыбнулся на шутку.

– Не горшки, а детей. И не до нашей эры, а всего восемь лет назад.

Катька маячила на кухне с наушниками в ушах и не слышала моей реакции. Фил продолжал:

– Наши эксперты выезжают за ним завтра. Привезут и сразу к форензикам. Болото тоже прочешут вдоль и поперек. А вдруг там еще чего. Голова его, например.

– Я не понимаю, как могли ученые принять его за мумию?

– Тонья, он был только что найденный. Полевики еще не могли знать, что он сравнительно свежий труп. Они бы и без меня это выяснили, только чуть позже. Зато теперь этим будет заниматься именно наша дивизия, я сам, ну и тебе работа будет.

– Мне-то с какой стати?

– Потому что звали его Константин Свиридов.

По полу со звоном покатались моя челюсть и глазные яблоки.

– Фил...

– Я не шучу! Сам он, конечно, не нуждается в переводчике, но нам придется искать его знакомых и беседовать с ними. А они, возможно, будут русскоязычными. Есть целые группы эмигрантов, живущих и работающих вместе, которые и после десяти лет так и не выучили язык и просят переводчика. Да не мне тебе рассказывать.

Я снова принялась громко не верить ему, он ждал, а я все не верила. Затем после получасового рассказа я сдалась.

Пока все было туманно. В девяностые годы хваткие люди России принялись посылать своих детей на учебу в Англию. У них для этого появились и возможности, и деньги. А организаторы таких мероприятий тоже нашлись, и немало. Даже одна моя знакомая оформляла визы, курсы, билеты и проживание для подростков фунтов тысяч за тринадцать с носа за семестр. Родители платили, а дети тут то ли учили английский, то ли бездельничали за папин счет. И вот один пацан, вырвавшись из дому, решил, что попал в Лас-Вегас, стал сорить деньгами и пробовать на вкус все радости жизни. Свиридов тогда уже жил здесь, за плату занимался организацией досуга и возил детей на микроавтобусе по городу и за город. Послушал он, как сынок кричит на всех углах, что его папа заплатит за то и за это, ну и придумал себе занятие поинтереснее. Пацан в один прекрасный день исчез, а папе был выставлен счет по телефону в пятьдесят тысяч долларов наличными, иначе он получит от сына лишь рожки да ножки. Папа деньги нашел, привез в Англию и выкинул из окна вагона поезда где-то за городом, повинувшись немедленным телефонным инструкциям. Этот способ получения выкупа Свиридов содрал из какого-то боевика. И ведь получилось.

Сын вернулся на родину, даже не зная своего похитителя в лицо, а на Свиридова тогда никто и не подумал. Работу он не бросил, а наоборот, стал усердно и весело общаться

со студентами пансиона, не хуже мамы родной о них заботиться, а в минуту острой ностальгии быть им жилеткой и твердым плечом. Он таким образом щипнул шесть или семь семей. А вот один раз у папы денег на выкуп не оказалось. Не был он олигархом. Родители продали дачу, чтобы отправить дочь учиться. Она по дурасти шикавала, а Свиридов поверил, что она из нового гнезда. Папа денег не стал занимать, а позвонил в Интерпол. Как Свиридова вычислили и арестовали, Фил еще не выяснил, но за недостатком доказательств сначала его отпустили условно. Адвокат постарался. А когда было все готово для предъявления обвинения, он исчез и до сих пор числится в розыске. Четыре года назад пришло в полицию письмо из Москвы, что Константина Свиридова видели в Новгороде. Это его родной город, и его там многие знают. Однако эти данные не подтвердились, на снимке был другой человек, которого с арестованным ранее в Англии Свиридовым ничего не связывало. Мало ли в России Константинов Свиридовых. И вот теперь его отпечатки пальцев оказались на ирландском богмэне. Бред.

Фил подошел к бару и плеснул себе в чайную чашку «Лафройг», купленный для папы. Я никак не могла переварить новость. Надо же! Мало того что богмэна опознал не кто иной, как Фил. Ну он-то особенный человек, это все знают. Но то, что богмэн в ирландском болоте оказался русским, это вообще кошмарный сон. Да еще и с моим участием. Я поморщилась на виски и открыла кьянти. Самое смешное, что в

52-м году нашедший одного из богмэнов фермер вызвал полицию, решив, что это недавний труп. Потом оказалось, что это мумия. А тут – наоборот.

– Фил, а что теперь?

– Сначала его просветят и просканируют по всем правилам. Будет вскрытие. Жаль, что головы нет. Можно было бы по зубам многое сказать. Установят время смерти, начнется следствие. Его кто-то обезглавил и утопил. Это серьезно. Это убийство. Нам придется к нему домой съездить и собрать описания, фотографии, поговорить с друзьями и близкими, если найдем их. Есть вариант, что это кто-то из пострадавших родителей тех детей его ухайдокал. С помощью киллера, конечно. Поедешь с нами?

– Куда ж я денусь. Вот только школа...

– Это будет уже поздним летом, наверное. Холодные дела никогда не спешат.

– Фил, ты меня сегодня убил.

– Всегда пожалуйста, обращайтесь в любое время.

– Ма-а-ам! Я спать пошла, – прозвенел Катин голос сверху.

– Я тоже пойду, – сказал Фил, вставая. Мы проболтали до полуночи.

– Спокойной ночи.

– Завтра работаешь?

– Не знаю, Стив позвонит.

– Ты знала, что у него есть кличка – Волкодав?

– Нет. Он что, такой крутой коп?

– Так их команда по регби называлась в школе. «Волкодавы». Клуб распался, а он один так и остался Волкодавом.

– Смотри, как бы тебя Богмэном не прозвали. Правда, есть английская фамилия Богмен. Фотограф знаменитый...

Уснуть долго не получалось. Как только я погружалась в сон, вокруг меня вставали из зловонной лужи богмэны, шипели по-русски. Мне было страшно. Один безголовый, по колена в воде, уверенно, но неуклюже направился ко мне. Я пыталась бежать, но у меня не получалось. Богмэн впился в спину когтями. Пришлось проснуться и скинуть кота на пол. В ванной слишком яркий свет слепил меня, и я долго дышала перед зеркалом зажмурившись. Когда я наконец открыла глаза, из запотевшего зеркала на меня смотрела размытая мумия.

Утром, по счастью, у меня было всего два урока с малышкой. Старшеклассники теперь к экзаменам готовятся и на уроки не ходят. Стив не звонил, и вечером я заставила себя пойти в тренажерный зал. Работать было тяжело, и я сократила свою программу с восьмидесяти минут до часа. Все это время я думала только о вчерашней новости. В бассейн прыгать мне было лень, и я спряталась в парилке. Там были полумрак и тишина. У меня нет таких больших денег, чтобы оплачивать круглосуточный абонемент, а за пределами час пик – с семи вечера до семи утра – меня даже больше устраивает, да и стоит вдвое дешевле. Вечерами в зале наро-

ду меньше, прохладнее и музыка спокойнее.

Я почти задремала, сидя на полке в горячем тумане, как вдруг в сауну вошел красавец Донован. Я кивнула ему в ответ на приветствие и закрыла глаза. Донован мой чернокожий инструктор по кардио-тренингу. Он очень красиво сложен, его бритый череп идеальной формы всегда блестит от трудового пота, а полные губы напоминают мне грибы боровики в сибирском лесу. На нем нет ни жиринки, каждый мускул отточен, а голос глубокий и проникновенный. Однако при первом же взгляде на него видно, что Донован – дамский баловень. Это не удивительно. Просто невозможно устоять перед такой красотой. И я бы тоже не устояла, не будь он так молод, а я так ленива.

Я приоткрыла глаза. Донован тоже успел покрыться каплями пота, но это из-за сауны. Он как раз следил глазами за ручьем, бегущим по моей ключице. Увидев, что я это заметила, он отвел глаза и спросил:

– Какие новости? Были интересные дела?

– Нет пока. Все тихо. Одни карманники.

– А я машину разбил.

– Молодец.

– Ты чего такая вялая сегодня была. А ведь заметил, что ты рано с педалей слезла. Опять не спала?

– Не спала.

– В следующий раз выспись, не то я на беговую буду гнать.

Он выбежал из сауны и нырнул в бассейн. Я посмотрела

сквозь стеклянную дверь, как его плечи бьются по подсвеченной голубым светом воде, и вздохнула. Не хочу я на беговую. Там думать вообще не получается. Может быть, врет? Пустые угрозы. Весь он какой-то ненастоящий. Сплошные стероиды и белковый порошок.

Одевшись после душа, я проверила телефон. Стив так и не позвонил, но сообщение маячило. Я прослушала его и принялась быстро сушить волосы феном. Потом позвонила по оставленному номеру, сказала, что выезжаю, и побежала к машине. Этим делом закончился мой день. Обычный пьяный водитель. У него ко всему прочему оказалось косоглазие. На юридической консультации один его глаз смотрел на меня, а другой – на юриста. Очень неудобно было с ним разговаривать. Он только что приехал из Таллина и не имел постоянного адреса. Поэтому ему назначили суд на следующий же день. У меня завтрашний день был занят под завязку, и я позвонила подруге Лане – лондонской переводчице. Вот кто роковая блондинка. У нее томный голос и глаза с неземной поволокой. Я прямо видела, как она в длинном халате и с телефонной трубкой в руке повалилась на диван и медленно затянулась, прежде чем сказать с московской певучестью:

– Але. Привет, То-онечка.

– Привет. Хочешь завтра поработать?

– Где?

– У тебя там рядом, в Хайбери. Быстренький такой суд. Я не могу завтра далеко ехать. Одно дело есть, а второе висит

на старте.

– Не-а. Я тоже не могу. Что-то мы с мальчиком заболели малость. Он всю ночь кашлял. Да и няни завтра не будет... Пстой. А что я, собственно, выделяюсь? Бабки нужны, козел папаша приходил наш, вот пусть он завтра сам и сидит...

Вообще-то эта речь была длинная. Сигареты на две. Но ее я опушу и вернусь к делам. Ведь именно в этот самый момент произошел перелом. Как будто кто-то в шумной комнате прошелся и выключил сначала телевизор, потом – магнитофон, плеер и DVD. Оставил только радио, которое еле слышно бормочет на заднем плане. Примерно на неделю стало тихо и спокойно. Целых пять дней не было вызовов. Никто не отвлекал меня от уроков, проверки тетрадей, работы со Стивом и мыслей о богмэне.

Случай 7. *Все там будем*

Я сменила постельное белье, приняла душ после пробежки, сонно поболтала на ночь с Катюшей о ее делах, выпила слабого чаю с ликером и блаженно вытянулась на прохладной простыне с чувством выполненного долга. Завтра в школу не надо. Там у нас сегодня тренинг, дети отдыхают, а меня отпустили по условиям контракта. В темноте тикали часы, кот по-пластунски постепенно подбирался к кровати, замирая при каждом моем движении, как партизан. В соседнем

лесу тьякали лисы и изредка стонала сова. Время от времени проезжал автомобиль, и тогда по потолку пробегала световая геометрия. Сон отсек одно за другим все органы чувств и перемотал время вперед, как пленку видеозаписи. Из мира снов передо мной возник морской берег и старый дом. Я уже точно знаю, что это мой дом, но мне опять будет незнакомо расположение дверей и комнат. Я снова буду искать что-то по коридорам и ездить вверх и вниз на лифте, про себя отмечая, что надо бы сменить обои и покрасить плинтуса...

Телефонный звонок прозвучал сначала из-за какой-то двери. Второй раз совсем рядом, почти над ухом. Мне понадобилась долгая минута, чтобы понять, где я нахожусь, и узнать собственную спальню. Телефон я уронила. Пришлось включать свет и искать его на полу. Почему электрический свет так раздражает меня последнее время? Мы с Сэмэном предпочитаем полумрак.

– Да! – сказала я чужим голосом.

– Тонья.

– Да! – я никак не могла перейти на английский.

– Это Стив.

– Привет.

– Прости, что разбудил. У нас кое-какой прогресс по делу

Марты.

– Это хорошо...

– Нет. Прогресс – не совсем удачное слово. Мы нашли тело.

Мне стало жарко. Стив дал мне секунду и продолжал:

– Мы должны сообщить родственникам. Можешь сейчас приехать?

– Могу, но почему не дать им спокойно поспать до утра? Они же потом больше не лягут. Господи! Вот ведь горе-то...

– Мы должны это сделать до того, как их начнет волновать с утра пресса. Они что-нибудь не так поймут. Мы должны первыми им сообщить.

– Сейчас приеду.

Положив трубку, я посмотрела на часы. Всего час ночи. А мне казалось, что я спала долго. Прошло больше недели с тех пор, как пропала Марта. Как была – не накрашенная, одетая в первое попавшееся, – я закуталась в плащ и сунула ноги в кожаные монки. Я плеснула в лицо холодной водой, волосы наспех заколола в пучок и заглянула к Катьке.

– Я в полицию, а ты спи.

– Мхм... – сонно промычал мой ребенок, широко раскинув конечности под одеялом. Совсем как когда ей было года три.

В машине меня знобило. То ли с недосыпу, то ли от волнения. В голове почему-то всплыла из подсознания и закрутилась давно забытая песенка: «Наша служба и опасна, и трудна...», только почему-то на мотив из «Розовой пантеры». Что за глупости. Какая у меня служба? Моя роль суфлерная...

Стив ждал меня на полицейской стоянке и вышел из тени,

как призрак дурной вести. Видимо, он заметил мою растрепанность, потому что снова извинился за поздний подъем. Мы пересели в его служебную и поехали к гостинице. Мне чего-то не хватало, и я поняла, что забыла взять из машины шляпу. По дороге он рассказал, что поступило заявление в полицию о том, что на стоянке у одного дома, где паркуются только жильцы, вот уже неделю стоит незнакомый «форд». У машины плохо пахло. В багажнике нашли труп в таком ужасном состоянии, что даже цвет волос было трудно определить, – так они слиплись. По одежде узнали Марту, но точное опознание будет позже. Я предположила шанс, что это не она. Стив ответил, что очень удивится, если это не она. Я сжалась, а Стив вдруг взял меня за руку. Я подумала, что это очень чутко с его стороны. Он-то закаленный в таких делах. Не то что я.

Мы вошли в гостиницу и вскоре постучали в номер. Прошло минуты две, когда Арвис открыл дверь в одних трусах. Мы пригласили его спуститься вниз, чтобы сообщить новости. Он оделся и пошел с нами. Нам разрешили посидеть в темном баре за столиком. Стив был полосато освещен светом уличного фонаря сквозь жалюзи, а мы с Арвисом забились в темный угол напротив него. Он довольно сухо сказал по-английски то, что уже говорил мне. В тех подробностях, в которых это можно было рассказать на данный момент. Я ждала, пока он закончит, а сама думала, как это странно, что плохая новость уже произнесена, а реакции еще нет, потому

что человек не понимает, о чем ему говорят. Я начала переводить. Мне показалось, что я переходник... устройство, в которое влилась информация электрическим током, а наружу вышла горящим топливом. Я не просто переводила. Я пропускала через себя, через свое сердце эти слова. Я сделала их русскими, понятными и, хоть и точными, но более прочувствованными. Иначе я не могла. Иначе это жестоко. Иначе просто не получилось бы. И не без последствий для меня. С первыми же словами Арвис заплакал. Он в один миг стал похож и на глубокого старика, и на маленького потерявшегося мальчика. Он прижал всеми пальцами глаза, словно хотел вдавить их, закачался на стуле и зашептал молитву то ли по-литовски, то ли по-польски. У меня защемило в носу и глаза затопило. Я изо всех сил старалась сдержаться и договорить до конца. Но Арвис, по-моему, меня уже не слышал. Стив посидел минуту смирно, а потом стал выражать соболезнования. Он говорил обычные и вполне правильные вещи. Меня это успокоило, а вот Арвис еще долго не мог ничего сказать. Наконец он отнял руки от лица и спросил, глядя куда-то в сторону:

– Как она умерла?

– Мы еще точно не знаем, – ответил Стив, – эксперты доложат через несколько дней.

– Она не мучилась?

– Будем надеяться, что нет.

– Почему через несколько дней?

– Потому что разобрать машину можно только после того, как каждый сантиметр изучен на месте. Потом так же осторожно по сантиметру будут разбирать багажник. Там ищут отпечатки и возможные следы участников преступления в виде ДНК. Каждая ниточка или ресничка может привести на след. Вы жене сами скажете или нам ее теперь позвать?

– Нет-нет! Я сам.

Поговорив еще немного, Арвис поднялся и побрел вверх по лестнице, к себе на второй этаж, где в номере его ждали жена и внуки. Там он решил постоять немного сначала, а мы со Стивом пошли к дверям номера мужа Марты, Валерия. Тот быстро проснулся и пригласил нас в номер. Он тоже заплакал, но тут же ушел в ванную комнату. Мы простились с ним через дверь и договорились о встрече на завтра. Он извинился, что не может проводить нас, но мы просили не беспокоиться.

Мы шли по коридору, когда услышали ужасный крик Веры, матери Марты, из номера Арвиса. Тут я не выдержала. К горлу подкатил ком, я остановилась и зажмурилась. Меня затошнило. Не дай бог никому потерять своего ребенка. Да еще так... Какой ужас! Как страшно, когда это все так близко, чуть ли не на глазах. Мы часто слышим новости о похищениях и убийствах. Гораздо чаще, чем хотелось бы. Но когда это не по телевизору, а наяву, это ужасно больно. Хотя вроде бы чужие люди. Стив оказался прямо передо мной и обхватил меня руками. Он прижал меня к плечу и что-то

сказал, но я его не слушала, так как переводить ничего и никому не надо было. Я пришла в себя уже у него в машине. Пришлось извиняться за дозволенную себе слабость. Все-таки в первый раз такое дело. Стив признался, что ему самому пришлось трудно. Он проводил меня до моей машины и снова обнял, заявив, что мою поговорку «Утро вечера мудренее» теперь прекрасно понимает. Я была какая-то размякшая от потрясения и вдруг почувствовала его губы на шее. Решив, что мне уже черт знает что кажется, я отшатнулась и заторопилась домой. Прощаясь, я глянула на Стива и поняла, что мне ничего не кажется.

По дороге домой меня трясло, но теперь от злости. Рядом на сидении лежала федора. Можно было думать вслух. Ах ты скотина! Кобель паршивый! Ну нет ни стыда, ни совести! У людей горе неопишваемое, а этот тут как тут. Воспользовался моментом, сукин сын! А я-то – тоже хороша. Ну разве можно так раскисать? Распустила нюни, сопли на полверсты. Еще подумает, что я ему подыграла. Ну я тебе устрою завтра, мало не покажется! Пусть я потеряю эту работу, но...

Федора все терпеливо выслушала. Мне стало легче.

А что, собственно, «но»? А что он такого сделал? Ну ты расплзлась по швам, а он прислонился так кстати. Каждый по-своему переживает. Может быть, это у него реакция такая. Может, тебе от слез легче, а у него слеза скупая, мужская... То есть вместо слез ему нужно кого-то обнять, стать ближе...

Я покосилась на шляпу, у которой был насмешливый вид.

Ну, хватит ерунду пороть. Уже защищаю его? Я реагирую совершенно иррационально. Завтра прикинусь, что ничего не было. Да и он, скорее всего, сделает то же самое.

– Сегодня же свожу тебя в химчистку, – сказала я федоре.

Когда я вошла в дом, уже светало. Кот требовал завтрака. «Ям бы тока жрать!» Я разделась и завернулась в одеяло, как в кокон. Мне было холодно, стыдно и обидно. В ушах звенело. Теперь я злилась только на себя. Где-то в Саусенде плачет семья Виляускасов и Валера Жербень. Теперь вся их жизнь станет совсем иной, изуродованной страшным шрамом. Им бы твои проблемы...

Проснулась я уже в десять утра. Катя притащила мне кофе и потребовала поездки по магазинам. Мне этого не хотелось. Я вся была разбитая, на душе лежал булыжник. Но мы все-таки поехали, потому что я вдруг посмотрела на Катку и увидела, что мне нельзя ничего валить на ночной кошмар. У нее был детский, счастливый вид. Серые глаза смотрели с надеждой. От нее пахло кукурузой и молоком. Давно малая любимая пижама сбилась на спине, а постоянный локон на затылке лохматился, как и пятнадцать лет назад. Сердце екнуло на секунду.

Часа через два мы уже входили в здание торгового центра «Лэйксайд». Впереди полдня примерок и споров, потом обед в «Нандосе». Время до встречи с Виляускасами и Стивом хотелось отложить на бесконечный срок. Нам было хоро-

шо вместе. Не так уж много осталось у нас общих дел. Помимо подобных поездок, мы еще смотрим кино, иногда читаем, ходим в спортклуб и в ресторан, вместе ездим отдыхать, ну и все. Гулять уже дочь ходит по своим друзьям, скоро ей со мной будет вовсе неинтересно. У нее все больше своих дел, в которые меня посвящать не обязательно. Ее музыку я уже не понимаю, а она уже не хочет ходить со мной в гости к знакомым и избегает моих друзей. Скоро она вовсе обособится, а потом и вовсе кроме денег ей ничего не надо будет от меня. А когда она уйдет и начнет жить самостоятельно, мне останутся только редкие визиты и звонки. Ну, это я уже так, предполагаю самое худшее. Катерина – неплохая дочь. Я просто еще многому не научила ее. Это еще не поздно исправить, и мы с ней будем ближе, чем большинство...

Мы успели прийти домой и отдохнуть. Готовиться к урокам я не стала. Ерунда у меня выйдет сегодня, а не уроки. Чтобы отвлечься еще, я пошла по интернету и нашла кучу материала по богмэнам. Ключевые слова «bogman», «bog bodies» и «bog people» открыли мне целый архив информации. Это даже интереснее великой исчезнувшей цивилизации майя в камбоджийских джунглях, статьями о которой мы с Филом зачитывались в прошлом году. Только тогда мы разошлись во мнениях. Я удивлялась качеству и сохранности архитектурных и скульптурных находок в лесах Центральной Америки, а Фил – размерам пропавшего в лесу города Ангкор, который был больше современного Нью-Йорка.

ка, судя по руинам.

Стив позвонил уже в четыре вечера. Все хорошее настроение тут же испортилось. Я ехала к нему как на каторгу. Это был тяжелый вечер с пострадавшей семьей. Они от горя со всем поехали не в ту степь и почему-то вызверились на бедного Валерия. Теперь он был во всем виноват. Он позарился на скудные сбережения Марты, захотел наконец забрать детей себе и подкупил любовника Марты, чтобы тот убил ее. А то с чего бы еще Фархад покусился на свою женщину, если они жили душа в душу несколько лет. От такой чепухи мы со Стивом слегка опешили. Больше часа мы там и не сидели. Он рассказал все новости, выслушал вопросы Арвиса и Валерия и даже ответил на некоторые из них. Договорился на следующий раз и повез меня назад, к зданию полиции. Сначала он молчал. Я тоже не провоцировала, а терпеливо ждала. Потом мы наконец разговорились о деле, поделились впечатлениями и посетовали на жизнь. Стив снова замолчал, и я приготовилась к прыжку. Припарковавшись, Стив сложил руки (а ручонки-то у него... меньше моих!), вздохнул и уставился в окно. Полицейские машины всегда с центральным замком. Это значит, что сама я не могу открыть дверь, а должна ждать, пока он сам ее мне отперет. Вот я и заложница. Стив повернул голову и посмотрел на мой профиль.

– Ты, наверное, знаешь, что я хочу сказать.

– Понятия не имею.

– Но догадываешься?

– Нет.

Он почесался и покряхтел. Я ждала. Волкодав.

– Я был очень непрофессионален. Верно? Можно было, конечно, обвинить экстремальную ситуацию и эмоциональный шок. Но это будет несолидно.

Я молчала.

– Я вижу, что ты мне не собираешься облегчить задачу.

– И не подумаю.

– Ладно, раз уж начал, я скажу. Ты мне нравилась с самого начала, и работать мне было не легко. Я думал не о том, смотрел не туда, хотел не того...

Я повернула голову и посмотрела на него. Он тут же замолчал.

– Ты что? С ума сошел? Более неподходящих обстоятельств ты и придумать не мог.

– Согласен. Но это ты сама виновата... и шляпа эта... Словом, я должен был это сказать. А теперь я надеюсь, что ты не надаешь мне по фейсу и все это не повлияет на наши рабочие отношения.

– Лучше бы ты мне этого не говорил.

– После моей вчерашней выходки нужно было объяснить-ся. Я не сдержался.

– Да ладно...

– Честное слово. Прости меня.

При этом он взял меня за руку, и я не отняла ее.

– Все вы одинаковые. Дома жена и годовалая лялька, а он,

видите ли, смотрит не туда.

Он сам отпустил мою руку и сел прямо. Голос его стал громче, чем надо. Руки он зачем-то положил на руль.

– Я не собираюсь изменять жене. Я ничего не предлагаю и не прошу. Это просто признание в том, что я получаю огромное удовольствие в твоей компании. Уже десять дней я лечу на работу, как на свидание, а когда ты уходишь, я думаю о том, когда я увижу тебя снова.

– А что ты на меня орешь-то? Мне-то какво? Как мне теперь спокойно работать? Зачем мне об этом знать?

– Мне просто ужасно захотелось выяснить, взаимная ли это реакция? Я мог бы льстить себе фантазиями, но знать все же лучше.

– Ты женат. Я женатых сразу блокирую.

– А если бы я был холост?

– Если бы да кабы... Может быть... Я не знаю. Да и тебя я не знаю.

– Гора с плеч. Я боялся, что ты скажешь, мол, ни в коем случае.

– А какая разница?

– Ну теперь мы просто можем остаться друзьями. Правда?

– У меня критерии к понятию «друг».

– Ну, коллегами по работе.

– Пожалуй, но при одном условии.

– Ох, нет! Какое условие?

– Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни словом, ни

взглядом ты мне не напомнишь об этом разговоре.

– Это будет трудно.

– Не облезешь, – я сказала по-русски и подумала, что слишком груба.

Волкодав схватил себя за челюсть и внимательно посмотрел на меня прищурившись. Потом протер запотевшие очки, покачал головой и снова вздохнул.

– Наверное, это в русских традициях...

– Открой дверь.

– Ну, хорошо. До завтра?

– Позвонишь, когда надо приехать.

Он открыл дверь и нацелился клюнуть меня в щеку. Я увернулась.

– Спокойной ночи.

Домой я ехала и терялась от смешанных чувств. С удивлением я прислушивалась к себе. С одной стороны, мне льстило. Не так уж и часто я кому-то нравилась, а тут такая страсть! Это было приятно. С другой стороны, мужики просто плохо контролируют себя. Даже самые лучшие из них. Вот и этот тоже. Верный муж. Как же! Еще не известно, как бы он себя повел, ответь я ему взаимностью. Мне стало обидно. Везет же мне на рыцарей. Как не кандидат, так хлыщ, тряпка или психопат. Первый муж, Катькин отец и моя первая любовь, был дитем неразумным и беспомощным до предела. Второй – самое бесполезное существо на свете, но с замашками диктатора. Причем по всякой ерунде. Важные

решения все равно приходилось принимать самой. Мне понадобились годы, чтобы разглядеть все эти качества и избавиться от них. Больше меня никто не проведет... По крайней мере, мне так хотелось бы думать. Есть ли на свете мужик, который будет ни лучше и ни хуже? Кто-нибудь, похожий на меня. С таким же взглядом на жизнь и на людей. Такой же небалованный. С такими же нормами и недостатками, как у меня. Мы бы тогда поладили. Хотя, на самом деле, мне нужен кто-то в чем-то лучше меня. Я бы у него училась, а он бы – у меня. Мы бы оба болели объективной реальностью, как неизлечимым гриппом, вместе росли и строили бы свой мир без мистицизма, куда ни одно противоречие бы не пролезло. И это не фантастика. Ведь если я этого хочу, значит, должен быть кто-то еще, кто хочет того же...

Случай 8. *Остров невезения*

Я забралась с ногами на диван и взяла в одну руку кружку, а в другую – телефон.

– Рассказывай.

– Он был убит ударом по голове. Череп проломлен на затылке. Нашли голову почти рядом. Ее отрезало уже потом экскаватором. Одежды нет, никаких вещей тоже не нашли. В желудке осталось много протеина. Мясо ел пред смертью. Причем с острым перцем. По ногтям и волосам определили, что он принимал наркотики. Пыльцы в носоглотке не на-

шли. Значит, убит он не весной и не летом. А затопили его не сразу, а после того, как он уже разложился частично. Энзимы успели поработать под кожей, а бактерии – еще не очень. Дней пять, если дело было осенью или зимой. Он именно от этого почернел, а кожа болталась на нем, как тряпка. Потом его утопили в трясине. Отчего он такой сплюснутый, я не знаю, но там он уже вступил в реакцию с веществами болотной воды и изолировался в холодной грязи от микроорганизмов. Там для них, как ты знаешь, высокая кислотность и недостаток кислорода. Так что ничего удивительного, что его приняли за богмэна. Он внешне от них почти не отличался. Только если вскрыть... Похоже, что убийцы знали, что делали. Замаскировать труп под мумию – такое, вообще-то, уже делалось в Египте. Там свежие трупы коптили, сушили, а потом пытались выдать за археологическую находку туристам. Большое судебное дело было еще в шестидесятых.

– Фил, погоди. А как долго он в болоте лежал?

– Не меньше шести лет. Может быть, все восемь. Эксперты потом точнее скажут.

– Это означает, что его убили почти сразу после освобождения. Он поэтому и исчез.

– Вот именно.

– Как же его могли видеть в России?

– Это был не тот Свиридов.

– А опознание? Ах да! Его теперь мама родная не узнает.

– Не скажи. Знаешь, какой приказ поступил? Отправить

его голову археологам. Она-то не расплющена. У них программа есть по восстановлению внешнего вида по черепным костям. Помнишь воскового Клоникавана в музее?

– Конечно. Это жутко интересно. Если бы я начала жизнь сначала, я бы выучилась на это дело.

– Когда будет готово, они сделают снимки, добавят к нему описание роста и телосложения, и мы с тобой поедem в Москву, в Петербург и даже в Новгород.

– Сомневаюсь, что это дело профинансируют ваши бюрократы.

– Ну, это в лучшем случае.

– А в худшем?

– А в худшем с теми, кто его знает, будут просто переписываться для начала.

– Ну вот.

– Переводами завалю.

– Не обещай, пока сам не знаешь.

– Следствие началось. А это самое главное.

– Для тебя. А то ты скис от безделья.

– Моим исключительным мозгам нужны стимулы.

– Книжки читай.

– Некогда.

– Велика Россия, между прочим! Там, наверное, наберутся десятки Константинов Свиридовых.

– Возможно. Но круг сужается. Во-первых, за последние двадцать лет легально в Англию въезжали только четыре.

– Вот именно. Легально!

– Надо быть оптимистом. Во-вторых, есть люди, лично знавшие именно этого Свиридова: работодатели из агентства, ученики, приезжавшие тогда на учебу и которых он развозил по домам. Есть непосредственные пострадавшие, то есть похищенные дети и их родители. Есть данные с его ареста, включая восьмилетней давности снимок, описание внешности и особых примет, крошечная татуировка на локте и отпечатки пальцев. Хе-хе! А вот ДНК нет, его тогда еще не у всех брали. Теперь еще будет реконструкция лица, хотя и компьютерная. Так мы утвердим его личность и происхождение, потом найдем его друзей и близких, а тогда, может быть, и подозреваемые в его убийстве найдутся.

– Ага! Сами придут с повинной.

– Я понимаю, почему это выглядит хлипко, но мы обязаны попытаться. Его бы сразу списали как безнадегу за давностью. Но тут-то он международный! Потому-то мое начальство и получило добро на попытку. Полгода профинансируют для порядка, а потом либо закроют, либо Новый Скотленд-Ярд его у нас отберет.

– Ну, время покажет, я думаю.

– Как ты там говоришь? Утро вечера...

Да что же это такое? Далось вам...

Вечер выдался спокойный. Мы вернулись из школы лишь немного на взводе. Обе! Катька опаздывала с курсовой работой и сетовала на недостаток времени. А у меня сегодня

был урок с десятым У2. Прошлогодний поток был полон ангелов по сравнению с этими. Мальчишки там еще ничего, а вот девицы на заднем ряду – сплошная беда. Сегодня я сделала то, на что еще никто не решался. Одна из девиц по имени Рэйчел нагло достала косметичку и начала красить глаза прямо на уроке. Эта туса никогда не работает. Недавно они перестали носить на урок даже тетради. Обычно я неплохо дрессирую таких. А тут их слишком много. Я могу справиться с тремя, ну с пятью... и даже с шестью в группе. Но когда их подобралась золотая дюжина, я не успеваю вести урок и одновременно гонять паршивых овец. Тут они меня достали. Я схватила косметичку и с заднего ряда необычайно метко отправила ее в мусорную корзину у доски. Попасть я не рассчитывала. Пацаны восторженно охнули. На заднем ряду поднялся визг, а Рэйчел гордо поднялась и пошла к двери.

– Ты уходишь из класса без разрешения! – напомнила я.

– Наплевать! Я в офис. Мать подаст на тебя в суд! – протявкала Рэйчел и ахнула дверью.

Стало тихо, а потом подружки принялись возмущаться. Пришлось выкинуть за дверь еще двоих, а остальные притихли. Я довела урок. По окончании учебного дня меня одобрили коллеги, но косметичку достали и посоветовали вернуть по принципу: не тронь дерьма... Рэйчел была отвергнута моим начальством, но дважды пыталась подступиться ко мне с тем же агрессивным макарон. Она даже рвалась на мой урок с восьмиклашками. Я сказала, чтобы она

зашла на перемене, и, если у меня будет время, мы поговорим. Причем она будет слушать не перебивая. Я тоже ее выслушаю, а потом мы договоримся на моих и только на моих условиях. Тогда я отдам ее вещь. Если она позволит себе хоть одну грубость, я уйду, и второго шанса уже не будет. Рэйчел не слушала, вопила, топала ногами. Не на пользу было и то, что за ее спиной голосила ее подруга Рика. Ну, ничего. Поживем – увидим. По крайней мере, я их задела. Обычно они мне столько внимания не уделяют. Я уже повернулась к ним спиной, когда услышала, как маленький Алистер сказал Рике:

– Зря стараешься. Она же в полиции работает, законы знает. Кто ты ей после русской мафии?

Рика что-то прошипела мне вслед, но оказавшись со мной без свиты в кабинете директора, она кусала губы и кивала, соглашаясь со всем и вся. Главное – быть последовательной. Вот уж чего я не собираюсь делать, так это принимать школьные стрессы близко к сердцу. Мне и так хватает переживаний. Алистер прав. Что мне эти девицы с их мамами, да и со всей школьной администрацией, если меня богмэн ждет.

Фил оставил сообщение, что позвонит вечером с новостями, и я дома торопливо готовила ужин. Диета действовала. Я на шесть кило легче, жизнь полна приключений, и вечером я еду на сальсу.

И вот я попрощалась с Филом и положила телефонную трубку. Телефон снова зазвонил. Я тоскливо понадеялась,

что это Фил забыл что-то сказать.

– Мисс Тринити? Офицер Ралтон Патил из аэропорта Станстед. Я взял ваши данные из списка переводчиков с русского. Свободны?

И имя, и акцент были из Дели, а не из аэропорта Станстед.

– Когда? – я цеплялась за последнюю надежду, что мне дадут еще часок.

– Как можно скорее. У нас тут четверо.

Захотелось плакать. Но корысть принялась напоминать, что моя работа – это главное, и я должна радоваться вызову.

Пришлось сказать:

– Доберусь за час.

– Отлично.

В предбаннике тосковал знакомый юрист, затребованный одним из арестованных. Меня удивило, что полицейские, занятые этим делом, были не знакомые ребята в униформе, а солидные парни в костюмчиках. Явно не простой случай. Алчный демон зашептал в ухо: «Не прошляпить бы...»

Они оказались из полиции Сити Лондона. И не просто следователи, а из дивизии по финансовым махинациям. Главным там был красавчик Терри Бренн. Он был очень умным и таким привлекательным, что пришлось приложить много усилий, чтобы работать качественно. Забегая вперед, скажу, что по этому делу мне пришлось переводить для него больше года, в том числе и в суде. Так долго может длиться процесс. Если мои нарушители сидят в предварительном за-

ключении, то при назначении им наказания это время будет отнято от общего срока.

Задержали одного эстонца и трех литовцев, все четверо были русскими. Литовцы летели в Барселону, а эстонец их провожал. Билеты оказались купленными на фальшивую кредитную карточку. У одного из них нашлись поддельные испанские паспорта на всех троих, а у второго в чемодане оказалось (ни больше ни меньше) пятьдесят поддельных кредитных карточек на те же имена, что и паспорта. И это еще не все. У эстонца в багажнике машины нашли (вы готовы?) около трехсот клонированных карт, а на компьютерном чипе USB – десяток тысяч банковских данных на разные имена. У меня глаза на лоб полезли от таких масштабов. Демон мой плясал мирангу в голове, а адвокатик сделал стойку. Только ничего у него не вышло. Вызвавший его литовец оказался глуп и самонадеян. Имя его было Глеб Лукьяновс. Он явно насмотрелся «Операцию „Ы“». Потому что, вместо того чтобы выслушать юриста и попытаться понять, как работает английская система правопорядка и защиты прав человека, настаивал на том, чтобы адвокат точно назвал ему срок лишения свободы за вменяемое нарушение. Бедняга пытался объяснить ему, что здесь все зависит от степени участия, от величины роли и смягчающих обстоятельств. Ну нет у него такой книжки, где можно прочитать точно статью и количество лет, за нее полагающихся. Мне ужасно хотелось сказать этому Глебу: дурак, погоди, послушай сперва, а потом поду-

май... Но нельзя вмешиваться. Осталось только переводить и наблюдать, как на твоих глазах резвится глупость человеческая.

Эстонцу я не переводила. Он неплохо сам говорил по-английски. Все на допросе вели себя по-разному. Глеб взял вину на себя. Ведь это в его сумке нашли карточки. Он, видите ли, выполнял поручение и вез их какому-то знакомому. Один из его приятелей, самый молодой, по имени Андрей, знать ничего не знал и ехал в Испанию подработать на стройке. Поддельный паспорт на свое имя он не смог объяснить, потому что первый раз о нем слышал. Второй, постарше, которого звали Миша Волдбаум, вез паспорта, сказал, что получил их перед вылетом от Глеба, был этим недоволен, но взял обещание быть введенным в курс дела по приезде. А русский эстонец Максим Чех вообще собирал бесполезные карточки для друга художника, который творил в стиле нетрадиционного жанра и создавал шедевры неожиданным материалом. «Овес-то нынче...» – вспомнилось мне.

Я провела там не меньше восьми часов. Полицейские взяли мой номер телефона, оценив мои старания. Я тогда еще не знала, как много мне придется работать на этот отдел. А в тот день было интересно и легко. Вот только Терри меня раздражал. Как и все красивые мужики, он практиковал со мной свою, вероятно, обычную и хорошо отработанную манеру поведения. Шутил, закидывал удочку, поддразнивал и кокетничал. Говорят, в таких случаях лучше всего подыгры-

вать в той же манере: не смущаясь, отвечать на колкости колкостью, соглашаться с намеками, но так, чтобы никто не принял этого всерьез. На высоких каблуках я обычно имею преимущество быть минимум на полголовы выше большинства англичан. Это помогает кидаться сверху шишками и поливать кипяченой смолой. Но этот сам был высок и знал об этом. Поэтому мне было неудобно. Я не стала ему подыгрывать. Решила, что это будет противоречить моей позиции, а я не верю в противоречия. Терри был прекрасно слеplенным шатеном с такими бровями, что ему мог позавидовать Мэл Гибсон. Не люблю таких. Они вызывают во мне отчаянную безнадежность и создают впечатление, что хорошим, добрым человеком такой красавец быть никак не может. Он отличается от Донована только умом и сообразительностью.

В какой-то момент я уже поехала домой, когда Терри позвонил на мобильный и потребовал, чтобы я срочно вернулась. У них появились новые данные, и пришлось задать еще вопросы арестованным. И это уже после того, как всем четверым было вынесено официальное обвинение. Я убеждала себя, что нет худа без добра.

Первый предварительный суд состоялся на той же неделе. Ничего интересного, кроме того, что прискакали представители четырех адвокатских фирм, почуяв запах жареного. В тот день я переводила для всех, но было ясно, что позже понадобятся четыре переводчика. Сразу нашли только двоих. Тогда я позвонила Марии и Петру. С ними я знакома дав-

но, и мы часто подбрасывали друг другу работу, когда было чем поделиться. Нельзя же быть в двух местах одновременно. Они подхватили дело и с этого момента работали на защиту. Я же превратилась в переводчика обвинения. Так работает судопроизводство, ничего не поделаешь.

Однако в тот день произошло нечто такое, что неожиданно повязало меня и богмэна с командой Терри. Как именно, я расскажу позже. В суд добровольно заявили двое молоденьких эстонцев. Совсем еще пацаны, лет по двадцать каждому. Они заявили, что являются соседями по съемной квартире с Максимом Чехом. Полиция уже успела у Максима в комнате произвести обыск в их отсутствие и нашла пятнадцать тысяч фунтов стерлингов наличными. Максим был безработным, но жил не по средствам. Выводы были однозначными. Эти деньги сразу же стали вещественным доказательством и были изъяты до выяснения. Мальчики Алик и Гера заявили, что эти деньги принадлежат им. Они все лето зарабатывали на ферме и накопили эти средства на свадьбу одному и для матери другого. А друг и сосед Максим должен был отвезти эти деньги на родину, так как собирался ехать домой. Ребятам был показан кукиш. Однако им предложили прийти в полицию позже с доказательствами, что деньги действительно заработаны честным трудом. Я надолго забыла о них и о Терри.

А в ту памятную ночь на телефон пришли целых три сообщения из разнообразных, но параллельных миров моей жизни.

ни, но лишь одно из них было по-английски – от Филадельфии: «Новости пока нет». Ничего мне не снилось, и никто не звонил. Всегда бы так.

Случай 9. *Палата номер шесть*

В конце недели в три утра меня разбудил звонок. Я уже привыкла к этому и, прежде чем взять трубку, совершила обычный ритуал. Во-первых, я вспомнила, что сегодня суббота и в школу не надо. Во-вторых, я прокашлялась, чтобы не хрипеть спросонок. В-третьих, я разлепила глаза и посмотрела на часы. Девять утра. Не так уж и плохо, учитывая, что я проплясала до часу, а домой добралась в два. Предполагая, что звонок из полицейского участка которого мне звонят, я взяла трубку.

Поездка в полицию Ромфорда в этот раз мне показалась ужасно неинтересной. Никакой связи с богманом. Мне сразу сказали, что для начала придется уговорить арестованного выйти из камеры на понятном ему языке, прежде чем применять к нему силу. Когда дверь камеры открылась, полицейский, забывший проверить в окошечко, не пользуется ли арестованный туалетом, вздрогнул и попытался заслонить от меня ее содержимое. Но было поздно. Совершенно голый парень, белый и жилистый, как корень хрена, с энтузиазмом отжимался на полу. Однако он тут же, ни на кого не глядя, подскочил, вытянулся по стойке смирно и прогавкал имя,

звание и какой-то многозначный номер.

– Вот, – сказал полицейский, – кроме этих слов он ничего больше не говорит. Простите за неожиданный поворот. Мы думали, что он переоденется, когда выдали ему одежду. Скажи ему, чтоб хоть штаны надел.

– А где его собственная?

– Пришлось забрать на экспертизу. Она кровью залита.

При звуке моего голоса у неподвижного парня дрогнула рука, и он этой рукой прикрылся, моргнул и порозовел. Он снова выкрикнул имя, звание и номер, но уже не так бойко.

– Ваня, – сказала я ласково, – оденьтесь, пожалуйста. Мне с вами поговорить нужно.

Иван Некуров из Наро-Фоминска, конечно, не оказался ни лейтенантом, ни даже рядовым. Он быстро натянул выданный ему чистый оранжево-красный тренировочный костюм и чешки. Он еще долго пытался накрутить себе значимости легендами про принадлежность к группе «Альфа», про убийство какого-то подрывника, но кровь на одежде оказалась свиной кровью из мясницкой, где работал его знакомый. После этого вся история быстро вылезла наружу. Он сбежал из-под следствия в Бельгии за мошенничество, и ему грозила расправа от собственных братков за какой-то слив. Поэтому он решил переждать непогоду в британской тюрьме, где ему было бы значительно удобнее в индивидуальной камере. Он наслышался, что в личной комнате у него был бы телевизор, пособие и доступ в спортзал. Он очень рас-

строился, когда я ему шепнула, что привилегии там нужно заслужить и что в тюрьмах приходится работать на территории за наличные на сигареты. Вот так. Разве можно доверять фильмам и байкам? Он был депортирован в Бельгию неделю спустя, а я успела домой еще до завтрака.

Правда, завтракать я села уже почти в десять. По дороге домой разыгралась мигрень, и весь мир стал звенеть, как колокол, мучительно и больно. А ведь надо было съездить в супермаркет и отовариться продуктами на неделю. Потом времени может и не быть. Стиральную машину лучше сразу загрузить. Голова болела. Я собралась ехать и... в муках ткнулась в диван, скорчившись рядом со шляпой. Что же это за пытка? А ехать надо. Если не я, то кто? Попросить некого. И отвязаться не на ком. А поход с Джулией в спортклуб, похоже, придется отменить. Не могу. Снова зазвонил телефон. Это был Фил.

– Ты будешь сегодня свободна после семи?

– Куда я денусь?

– Я заеду? По поводу «Лаг» поговорить надо.

– Заезжай.

В третий раз мобильник зазвонил уже в машине. «То тюлень позвонит...»

– Алло!

– Тоша, привет. Это Мария. Работать можешь сегодня? Мне звонили из Харлоу, сказали, что у тебя было занято. А я не могу, я уже перевожу в Колчестере.

Вместо магазина я поехала в Харлоу. Там меня сразу предупредил знакомый дежурный по имени Рори, что клиент у меня нынче не совсем в себе. Его арестовали ночью бегущего трусцой по опасному скоростному шоссе М11. Ничего не добившись и без состава преступления его отпустили, но тут же снова взяли, сняв с крыши какого-то дома. Урмасу сразу вызвали и адвоката, и консультанта из психушки. Адвоката – для защиты его прав, а врача – чтобы определил, нужно ли его госпитализировать. Тут, похоже, дела покруче, чем были у Вани Некурова. Зато этот случай еще на шаг приблизил меня к богмэну.

Дверь в камеру была открыта, на пороге сидел на табуретке тюремщик, имени которого я, естественно, не помню. Он при этом занимался своей работой и возился с какими-то бумагами на коленях. В камере у стены стоял человек лет двадцати. Он поздоровался со мной и сказал, что его показания вот уже записали (при этом он ткнул пальцем в тюремщика), что все на мази и что он мне потом позвонит. Смотрел он вполне осмысленно, поэтому все сказанное прозвучало еще более нелепо. Говорил он по-русски довольно хорошо. Юристу не хотелось проводить консультацию в камере, но тут пока рулил сам Урмас. На вопросы адвоката отвечал так, что это можно было принять как за увиливание, так и за бред сумасшедшего в равной степени. У меня была очень нелегкая задача. Вы когда-нибудь переводили бред на английский язык?

- Когда вы приехали в Англию?
- В первый раз?
- А вы были здесь раньше?
- Здесь? Нет, первый раз замели.
- Я спрашиваю, в Англию приезжали раньше?
- Ездил я туда.
- Куда?
- В Англию.
- А вы знаете, где вы сейчас?
- Где я сейчас обитаю? В Лапесе.
- Где это?
- Дома.
- А в Англию вы с визитом приехали или живете здесь?
- Приехал я.
- А к кому вы приехали?
- Работать я приехал.
- Значит, вы тут живете?
- Как тут жить? Смотри, даже стола нет. Сам тут живи.
- Вы знаете, где вы находитесь?
- В камере.
- Это верно, но в каком городе?

И здесь Урмас отколол такую штуку. Он сидел спиной к стене, а тут повернул голову так, словно в соседней комнате был его собеседник, и крикнул, глядя в сторону:

- Жирный, какой это город?

Он прислушался, посмотрел на меня и кивнул в сторону

стены.

– Слыхала?

– Нет.

– Жирный не знает.

Адвокат поерзал и спросил:

– Как долго вы находитесь в Англии?

Урмас задумался.

– Ну... Вот как Дариус уехал, так я за ним через месяц.

– И когда это было?

– В пятницу, конечно! – удивился Урмас такому непониманию.

– Месяц назад? Два? Пять?

– Да. Примерно так.

– Какое время года было? Зима или лето? Было тепло?

– Прохладненько так. Дождь шел.

Я прыснула в кулак. Учитывая английский климат, вопрос можно назвать более чем неуместным. А вот Урмас молодец, так толком и не ответил ни на один.

– Урмас, послушайте меня. Зачем вы залезли на крышу?

– Оглядеться. Дорогу искал.

– Что вы делали на шоссе?

– Домой шел.

– А где вы живете? Адрес знаете?

– Знаю. Литва... Записывайте, записывайте... Лапес...

– Я имею в виду ваш английский адрес.

– А я по-английски не говорю. Щас, погоди. Жирный! Эй!

Какой адрес у нас? У тебя сигареты есть? Мне покурить надо, – после чего он обратился ко мне: – Курить есть? Нет? А у тебя?

Обычно люди говорят именно со мной, даже обращаясь к английскому собеседнику. А этот разговаривал с адвокатом по-русски и воспринимал мой перевод как мои собственные слова. А сказанное адвокатом для него было совершенно отдельное дело, которое он понимал как-то по-своему. Надо было срочно менять тактику и упираться на фразу «Он вас спрашивает...».

Урмас был алкоголиком с белой горячкой. Он, по его же словам, пил каждый день, жил в Англии с подругой Эдитой, а теперь торопился на ее похороны, потому что она «сгорела вчера, а тетка сама не справится». Адвокат бросил попытки и предложил Урмасу написать все на бумажке. Он написал что-то про то, как она ушла в магазин и не вернулась, а Жирный не виноват, но он во всем признался, поэтому надо выпить. Написанное он тут же разорвал и спустил в унитаз, тут же в камере. Адреса он так и не назвал. Полицейские заинтересовались было «сгоревшей» Эдитой, но ничего в базе не нашли, а от Урмаса ничего логичного не добились ни о месте, ни о времени, ни о личности Эдиты. Приехавшие трое из клиники установили, что Жирный находится в соседней комнате, где бы ни был сам Урмас. Сам Урмас прислушивался к нему, требуя при этом тишины. Он слышал голоса, которые раздражали его. Сначала мы все думали, что

это он нам время от времени кричит: «Тихо!» Но потом оказалось, что он нас плохо слышит, потому что разные голоса одновременно что-то говорят ему. На вопрос, есть ли у него телефон на тот случай, если надо позвонить друзьям, шизофреник ответил, что телефон есть, разряженный, но он ему не нужен. «А я всегда на связи!» При этих словах он хитро улыбнулся, коснулся пальцем виска и тут же ткнул им в потолок. Типа «ку». Когда консультанты вышли совещаться, я обратилась к Урмасу сама.

– А ты не прикидываешься часом?

Урмас не ответил, но косо посмотрел на меня и снова улыбнулся. Глаза его были красные, блестящие, но вполне ясные. Я опять засомневалась и оглянулась на полисмена у двери. Урмас снова качнул головой к стене и прислушался.

– Нет, не блондинка. Брось, Жирный. Лучше сигарету дай.

Пусть специалисты разбираются.

Я провела в Харлоу несколько часов. За это время Урмасу стало хуже. У него из головы полезли провода. Он снимал их пальцами и стряхивал в мусорное ведро. Причем делал это так, что действительно можно было подумать, что у него руки в паутине, которую только он и видит. Перед фотографированием Урмас полминуты прихорашивался перед зеркалом, которого не было. При этом казалось, что он и вправду видит свое отражение в стене. Потом у него в камере обрушилась несуществующая полка. Он беспокойно кричал и

утверждал, что вот же, только что полка была и он на нее опирался. В комнате с ним находилась целая толпа народу, в которой затерялся Жирный. Но когда мы его повезли в Витамскую клинику в полицейской машине, Жирный сидел рядом с ним и горячо о чем-то спорил, а Урмас тряс головой и вяло отругивался по-литовски. В клинике Урмаса передали здоровенным санитарам. На вопрос врача, сколько будет дважды два, он всех послал таким пятиэтажным матом, что я поперхнулась. Он уже вообще не говорил ничего такого, что можно было назвать осмысленной речью. Последнее, что я перевела, были его вопли, когда включили свет. Срочно пришлось выключить, так как «посыпались искры и обожгли его». Принесенную сигарету он прикурил не с того конца и крикнул Жирному, что курево местное – фуффло.

– Жирный, ты бы позвонил Скрипу. Скажи ему, что я завтра на логово бумаги притащу. Пусть пробивает меня по вордпэю.

Я попрощалась с полицейскими и поехала домой. Переводить Урмасу можно будет только несколько дней, после лекарств и ломки. Я так и не поняла, кто он – шизофреник или хороший артист. Да и не мое это дело. Главное, что у меня прошла головная боль. Как хорошо. Теперь я все успею.

Мы с Джулией провели два часа в спортзале. Джулия – моя любимая англичанка во всей стране. Он крупная и красивая женщина. Я люблю видеть выражение на лицах мужиков, которые после нее занимают место на тренажерах. Ведь

они вынуждены скидывать с них груз, чтобы потянуть свою программу. Там, где они тягают пятьдесят килограммов, она тянет шестьдесят пять. А я – только тридцать. В сауне она рассказывала мне про свою овчарку, а я ей – про школу. О мужиках мы обычно не говорим. Такие разговоры всегда кончаются тем, что она начинает сватать меня за Филиппа. Мы оба уже устали доказывать ей, что наша любовь братская, по отношению друг к другу мы существа бесполое и не хотим никаких перемен.

Потом мы поехали ко мне домой чай пить и смотреть по DVD «Двойную страховку». А к семи подъехал Филипп, страдающий от жажды, и выпил чаю целый галлон. Досмотрев кино, я спросила Фила:

– Ну, что там нового про «Лаг»?

– Ничего такого, что стоило бы рассказать.

Он лишь на миг метнул взгляд в сторону Джулии, а я вдруг поняла. Он хотел рассказать мне то, о чем, вообще-то, младшему следователю говорить нельзя с кем попало. А тут мы повязаны богмэном, и его распирало. Джулия уже ахала по поводу того, что слышала о богмэне. Это не ее отдел, по следствию она не работала вообще. Мы с Филом заговорщически отмалчивались, мямлили что-то с равнодушным видом.

Пришла Катюша и привела целую гвардию волосатых пиратов и подругу Молли. Продуктов я в тот день так и не успела купить. Мы все дружно поужинали заказанной по телефону пищей из пяти огромных коробок и посмотрели еще ка-

кой-то фильмец под чаек с плюшками (про диету я решила подзабыть в этот раз). С Филом не удалось поговорить, потому что все разошлись только после того, как меня вызвал Стив.

Лечь пораньше опять не получилось. Зато, поздно в тот вечер быстренько уладив для примерно себя ведущего Синклера небольшой финансовый скандалчик с Виляускасом, который, горюя по дочке, не забывал торговаться и ныть про деньги, я обнаружила, что меня все-таки выследил и теперь поджидал Фил. Он, будто тайный любовник, томился возле ксерокса, когда мы со Стивом пришли делать копию с моей платежки. Стив отдал мне копию, сжег Филадельфию взглядом поверх очков и стал прощаться со мной:

– Еще раз спасибо. Да ты у нас дипломат!

– Какой там... – я запротестовала. Полиции досталось на орехи от Арвиса, я просто не все переводила. – Ты ему напомнил, что содержание всей семьи в гостинице обходится в две с половиной тысячи в неделю. Вот он и посчитал в уме.

– Ну, пойдем, я провожу тебя до машины. Уже совсем темно.

– Да вот меня Филипп проводит. Спасибо. Похоже, мне еще поработать придется.

– Добрый вечер, Браун, – Стив был учтив и официален.

– Привет, Синклер, – а Фил, как всегда, был прост.

– Разве ты не до семи сегодня?

– Так оно и было, да вот появилось неотложное дело.

– Ясно.

Я напряглась. Они, по-моему, тоже. Еще не хватало, чтобы Фил теперь сказал что-нибудь типа: «Иди сам домой, тебя ждут жена и дети». Но Филипп не дурак. Он повернулся ко мне и сказал:

– Это по поводу моего звонка. Переводить много не надо, но хорошо бы это сделать завтра. Лучше всего до двух дня. Справишься? Проверь.

При этом он достал из папочки конверт и вручил мне.

– Ну, тогда всего доброго, – сказал Стив. – Я позвоню, когда будет о чем.

– Да, конечно, – мне было неловко, – звони.

– Спокойной ночи, – сказал Филипп.

Когда Стив ушел, Фил выхватил у меня конверт и потащил меня за руку в общий офис, к своему столу.

– Волкодав всю жизнь работает с людьми, а так и не научился читать их. Я ему не соперник, а ты ему не добыча. Все это скучно и просто, как обувная ложка. Вот, смотри!

Фил выложил на стол несколько фотографий. Одна из них была старая и, судя по качеству, явно сделанная в полиции. Это теперь снимает компьютер, а я еще застала время, когда снимали старой, какой-то ископаемой камерой, внешне похожей на наш славный «Зенит». Остальные были снимками новыми, но сходство обнаружилось, хоть и слабое. На фотографиях был изображен парень лет тридцати. Густоволосый, красивый, с типичной славянской ладностью в лице. Он мог

быть русским, мог быть украинцем или белорусом. Но никак не истинным прибалтом, которых я только недавно научилась отличать от скандинавов. Большого ума в этом лице не видно было, но между фотографиями была огромная разница. На старом снимке парень смотрел прямо в объектив. Смотрел нагло, чуть ухмыляясь почти джокондовской улыбкой, с издевкой и самоуверенностью. Только если сильно приглядеться, то можно было увидеть в его глазах страх. Чем дольше смотришь, тем яснее, что он боится, но боится не тех, кто его снимает. А вот на более новых снимках был тот же парень, но лицо его было жесткое, глаза – слепыми, а выражения на лице не было вовсе. Это лицо было мудрее, но какое-то неживое, и смотрело оно в никуда.

– Это он?

– Он самый. Это – восемь лет назад снимали, сразу после ареста. Мы раскопали архив. А это – его восковой образ. Глаза сделаны из стекла.

– Лицо без лица... Настоящий скульптор поработал.

– Да уж. Выражение, оказывается, придавать нельзя. Не знаю почему. Что им, трудно его глаз прищурить или губы растянуть.

– Фил, они же только и могут, что напялить на черепной муляж мускулы да кожу. Как эти мышцы были развиты и как он ими двигать привык, мы не знаем. Ты ведь, когда улыбаешься, не скалишься, как Джулия. А когда разговариваешь, ты же не хмуришься, как Стив. Мы свое лицо меняем и с

возрастом, и с настроением, и по опыту пережитого, и по отношению к жизни. Меня, например, родная дочь не узнает во время урока. А вот кости наши почти не меняются. Пусть хоть так будет, а иначе можно сделать его совершенно неузнаваемым.

– Верно. Смотри, у него на старом снимке нос чуток кривоватый. Его ему явно сломали в прошлом. А на муляже нос прямой, как новенький.

– Нос формирует не кость, а хрящи. Они не сохранили форму. Тут только гадать можно. Ему сделали стандартный нос, и почти угадали.

– Хорошо иметь собственного биолога! Уши тоже хрящи?

– Ну, да. Их тоже помяло?

– Нет. Уши-то как раз более-менее сохранились, в отличие от носа, – Фил вынул еще бумажки и несколько рентгеновских снимков. – А это мы показываем дантистам, всяким зуботехникам.

Я подняла черный лист к свету. Это был снимок челюсти, но сломанной. Я посмотрела на Филиппа. Он покивал сокрушенно:

– Да. К сожалению, экскаватор от нижней челюсти мало что оставил. Она держалась еле-еле, и только на мягких тканях. Но зато наш эксперт сказал, что повреждения верхней челюсти парень получил либо сразу после смерти, либо во время борьбы. Сильный удар в лицо, нос и губы раздавлены, три передних зуба или были выбиты, или потом выпали. Для

опознания нам остаются только коренные зубы в верхней и кусочек нижней челюсти, но с очень характерной пломбой в клыке. От него, похоже, был отколот кусок, а потом там подлатали.

– Ну и нашли что-нибудь?

– В Лондоне, где он жил, его не знает ни одна зубная клиника из тех, что практиковала в те годы. Но один частный дантист имеет карточку на имя Геннадия Свиридова, который поставил себе мост и коронку в 95-м году. Но с тех пор он больше не появлялся и к данным зубам не имеет никакого отношения. Мы даже его снимки смотрели. Клыки в порядке, огромная щель между передними зубами, все не так.

– А бывшие работодатели?

– Тоже плохо. Знали его лично всего двое организаторов того обучения. Здесь нашли обоих. Живут себе, язык знают. У них уже давно другие проекты. Один, Александр Вязов, имеет свою лавку в Баркинге, торгует продуктами из стран бывшего Союза. У него там колбаса какая-то, хлебный напиток, селедка и жирная такая холестериновая штука вроде бекона, но ломтем. Смотреть страшно. А другая – Ольга с новой фамилией Уэбстер – теперь домохозяйка. Детей растит. Оба заявили, что это вообще не он. И даже не похож.

– Выгораживают?

– Зачем им это? Они на него оба еще злятся, что он им бизнес испортил, но не узнают этого лица вовсе. Мы в тупике пока. Однако они нам дали зацепочку, и у нас теперь есть

еще несколько имен и адресов в России, где его могли знать. Так что готовься. Скоро будем запросы рассылать.

– Куда?

– Пока только в Москву, с жертвами его знакомиться. Только одна похищенная живет здесь и не далеко. Всего лишь в Нориче. Большинство обитает в Москве и двое – в Петербурге. Но это не завтра, не бойся. Переписка долгая предстоит. В Норич поедем через неделю. Отпрашивайся с работы, эта жертва по-английски плохо говорит.

Случай 10. *Фантом мыльной оперы*

Я возвращалась из полиции Челмсфорда голодная и вымотанная, то есть в своем обычном состоянии. Да, опять! Жизнь такая, и я ее такой и люблю! Пришлось ехать сразу после уроков, и я не успела даже перекусить. Там вышло дело почти комичное, если бы не серьезность последствий. Пять лет назад одна молодая москвичка с шестилетним сыном вышла замуж за англичанина почти вдвое ее старше. Он был типичный средний класс, но и с типичными потугами выглядеть лучше, чем на самом деле. Он требовал музыкального образования новому пасынку, за которое платила мать, отработав помощницей учителя в школе. Он заставлял их обедать вместе за столом под музыку Моцарта, по особым правилам пользоваться ножом и вилкой. Подарком на день рождения мальчику были билеты на концерт знаменитого пиани-

ста, а жене – книги с фотографиями королевской семьи. Он все время нудил, а после десяти минут разговора с ним любому человеку хотелось лезть на стену. Характер у него был очень вспыльчивый, и он орал на членов семьи так, что от него ушли одна за другой четыре жены. Под старость лет он, видимо, решил, что русская жена будет терпеть все из страха, что он ее вернет в Россию. Он нашел мать-одиночку по интернету и женился на некой Олесе Хавротской. Она быстро стала учить английский язык, нашла работу и была благодарна старому мужу. В России ее прижало крепко в свое время, и она готова была платить за все любовью и заботой. Ну и поначалу он вел себя прилично. Потом началось протупывание почвы под ногами, и Олеся действительно долго старалась замять и загасить скандалы, чтобы сын не пугался. Я здесь познакомилась за многие годы с доброй полусотней русскоязычных жен. Они сначала держат марку, а как выпьют – воют в голос. Я ни одной из них не видела счастливой и довольной жизнью. (Вру! Одну счастливую пару я все же знаю.) Я убедилась, что заграничных жен активно ищут те англичане, которых местные леди никогда не будут терпеть.

Однако любому терпению, даже русскому, есть предел. На каждую вспышку Олеся теперь отвечала таким грохотом, как, наверное, только и умеют ругаться тетки в московских коммуналках. И вот, на беду (или к счастью), во время водяного перемирия они пригласили в гости ее маму. Она совсем не понимала английского, и когда начались ссоры в ее при-

сутствии, она старалась пересидеть в спальне с книгой. Однажды, во время очередного скандала, снизу послышалась возня, и она поспешила на помощь дочери. Увидев, что зять, который был всего на четыре года ее самой моложе, заломил молодой жене руки за спину и пытается отобрать у нее телефон, теща закричала по-русски, но тот ее, естественно, не понял. В руке у нее в это время оказалось любимое чтиво, вот она и засветила зятю по лбу той книжкой. Он отпустил жену и кинулся к зеркалу. На лбу появилось покраснение. Зять обрадовался и вызвал полицию, обвинив тещу в нападении и телесном повреждении. К приезду полиции он расцарапал лоб, залил очко кровью и берег это дело, как вещественное доказательство, не позволяя жене вытереть ему лицо. Бабушку пришлось арестовать, ее отвели в камеру, как и всех остальных моих подопечных. Вызвали меня, и пока я ехала, ей стало плохо. Она не понимала, что ей говорят, перепугалась камеры, понятия не имела, что теперь с ней делают. Работники из скорой помощи (здоровые мужики в темно-зеленых комбинезонах) измерили ей давление и сказали, что надо госпитализировать. При этом идти ногами ей нельзя, а в кресло на колесиках она отказывалась садиться, думая, что ее уже везут депортировать или в психушку.

К моему приезду дежурный сам был близок к обмороку. Он мне обрадовался до истерики. Как только я растолковала бабушке, что к чему, она вцепилась в меня мертвой хваткой: «Тонечка, не бросайте меня...» Я объяснила, что у полиции

есть долг и обязанности разобраться во всем, поэтому мы тут все и собрались. Дочка ее уже едет. Мужа дочкиного тоже допросят, а я помогу бабушке все рассказать полиции, как было. У санитаров тоже есть ответственность и правила. Если давление высокое, они должны отвезти человека к врачу со всеми предосторожностями, то есть в кресле, завернув в одеяло. Ремнями пристегивают не потому, что приняли бабушку за буйную, а потому что обязаны и чтобы не уронить по дороге к машине. Провода эти присоединены всего лишь к монитору, а кислородная маска для успокоения, а не для вырубки. Лекарство здесь дают строго по правилам, поэтому бояться не надо, а доверять и слушаться – обязательно. Олеся подъехала уже к больнице, когда бабуле стало лучше и она уже успела рассказать мне большую часть своей жизни. Хорошая и приятная семья. Москвичи. Нормальные люди. В благодарностях рассыпались. Я сама в Москве была всего два раза у подруги детства, которая уехала туда с родителями еще в школьные годы. По фильмам я москвичей судить не берусь, а тут мне всякие попадались. Мой бывший босс в газовой компании был москвич с супругой. Отличная пожилая пара. А вот мой знаменитый московский издатель, который издал и продал мой перевод известной детской книжки, меня кинул и не заплатил мне ни копейки. Эти же – простые интеллигентные люди, которые знают, что Моцарта под ножи и вилки не слушают и не моют потом посуду под Рахманинова. Я сама на интеллигентность не претендую, но в свое время в

России безденежные люди обычно были тоньше, воспитанней и образованней большинства богатых. А уж с англичанином ниже среднего класса и не сравнить. Тут много показухи. Настоящие английские интеллигенты хороши тем, что никогда этого не выставят на витрину. Супругов по интернету они не ищут. Их внешний вид мало о чем говорит, но если приглядеться, то в большинстве случаев у них обнаружится другой язык, простая, но добротная одежда, отличное здоровье, хороший вкус, а достаток происходит именно от ума и настоящего усилия, а не от хватки и изворотливости.

Эти мама с дочкой в жизни испытали все типичные для женщин трагедии, мужа и отца алкоголика, нехватку денег, очереди, лечение по знакомству, потерю работы, украденный в метро кошелек со всеми сбережениями, сына и брата в тюрьме, боязнь собственной лестничной площадки. И вот теперь новая стадия. При всем при этом они учат мальчика играть на рояле и читают классику. Удивительная порода. Подумаешь, Булгаковым по лбу! Не сапогом же в пах. Могло быть и хуже. В общем, они мне очень понравились.

Закончилось это дело благополучно. Бабушке дали предупреждение и отпустили с богом. Она уехала через несколько дней в Москву. Перед отъездом она позвонила мне попрощаться и, узнав, что я опять сижу весь день в полиции, чуть было не отправила мне с Олесей пельменей. Олеся ушла от мужа, теперь они разводятся, и она, заразившись моим примером, уверена, что справится и вытянет сама. Мужа аре-

стовали и осудили за жестокое обращение с женой. Он получил шестьдесят часов исправительного труда за те выкрученные руки. Вот такой здесь справедливый закон. В Англии женщины могут чувствовать себя в сравнительной безопасности. Здесь можно судимость получить за простую оплеуху. И неприличную репутацию в резюме – за следы пальцев на руках. Попробуй трудоустройся потом в коллективе... Только есть у этой палки и другой конец. Об этом – в другой раз.

У дома на лавочке сидели грустная Катерина и такие же грустные друзья ее, Джамол и Энди. По асфальту перед домом был размазан Сэмэн. Его голова была далеко запрокинута, лапы вывернуты, одна – подергивалась. Вся шерсть была в пыли. Кот Сэмэн крепко спал. Его ухо дернулось на мои шаги, а спина еще больше выгнулась. Он перекатился на другой бок и снова вытянулся во всю длину. Мальчики поздоровались со мной, а Катя вздохнула.

– Что случилось?

– Я ключи дома забыла.

– Давно сидите?

– Час с небольшим.

– Будешь знать.

Дальше мы подняли кота и на руках внесли его в дом. Парней теперь можно было отпустить домой.

После ужина я проверила очередную стопку тетрадей, а затем – электронную почту и нашла там документ на перевод от Фила. Это были два письма из России, первые отве-

ты на запрос опознать человека на фотографиях. Оба были, как ни странно, отрицательными. Оба указывали, что лицо на снимке им не знакомо, во время похищения с обоими сыновьями-студентами имел дело совсем другой человек, а про Свиридова им известно не больше, чем другим участникам. Один мальчик по имени Алексей вообще ничего не помнит. Ему тогда было всего четырнадцать лет. Он помнит само похищение, помнит, что сидел два дня в палатке в наручниках, похитителя не видел, так как тот завязывал лицо платком, как Зорро. А вот время в Лондоне до похищения у него несколько стерлось в памяти, и он не присматривался к водителю микроавтобуса во время своей единственной экскурсии. Да, его спрашивали про то, где он живет, в какой квартире, какая у папы работа и машина, но он тогда не придавал этому значения. Он был предпоследним похищенным, его выкупили быстро и увезли домой без разборок со школой и организаторами. Опознавать уже арестованного Свиридова его не пустила мама, послав английскую полицию подальше. Теперь уже взрослый Алексей ничего не помнит и в Англию ехать сам не хочет. Второй парень – Владимир – был постарше. Ему тогда было уже шестнадцать. Он был вторым на счету Свиридова. Он тоже не рвался возвращаться и помогать полиции. Когда ему предложили опознать арестованного восемь лет назад Свиридова, он это сделал по видеосвязи, но не опознал его. Он сказал, что не уверен, является ли этот человек тем самым водителем, что возил его группу на

пикник и спорил с мальчишкой, что его мама не может быть банкиром, потому что для этого нужны мозги, а у женщин они куриные. Володя тогда с пеной у рта доказывал, что его мама самая умная и крутая, что она может купить и самого Генку с потрохами, и его фургончик с прицепом. Только у водителя этого, у Генки, были темные очки с зеркальными стеклами и кепка бейсбольная. Поэтому он ли это на снимке, Владимир и тогда не мог сказать, а теперь и подавно.

Я перевела оба письма и отправила их Филу. А на следующий день, в субботу, пора было ехать в Норич. Там жил третий из шести похищенных. А именно похищенная. Звали ее Наташей, ей было уже двадцать пять. Норич действительно расположен недалеко, всего два часа на машине. Я была рада, что можно не брать свою, и собиралась поехать с Филом. Однако Фил не поехал сам. Ему что-то там поручили. Он в этом деле был только помощником лидера своей следовательской группы, Тома Хаммера. Этот сам заехал за мной, встретил меня приветливо и посадил в свою машину. Около половины пути мы не могли с ним разговориться. Однако потом оказалось, что он совершенно согласен со мной по поводу школьной системы воспитания, а именно – постепенного ее развала. Беседа полилась рекой, и доехали мы быстро. За окнами машины лилась летняя зелень, погода была идеальная, дороги – без пробок. Последние сорок минут пути проходили по A140. Это не скоростное шоссе, и мы медленно проезжали деревни и фермы одну за другой. Том мне

показался несимпатичным, усталым, но он был явно очень умным мужиком. Он знал свое дело. Он не был похож ни на одного из моих знакомых, кроме разве что Джима Блумфилда. Он не откровенничал, не загружал меня проблемами, смеялся шуткам, шутил сам, рассказывал мало, коротко, но интересно. Он не засыпал меня вопросами личного плана и не бросал пустых комплиментов. Одет он был в дорогой, но старый костюм, к которому моя федора подошла бы лучше, чем к моей джинсе. От него не воняло сигаретами. Руки у него были грубые и большие, как у садовника. Про глаза ничего не могу сказать, так как смотрел он не на меня, а на дорогу. На вид он был немногим старше меня, а говорил, как повидавший виды старик, хотя и без брюзжания. Он пока не влезал ни в одну из построенных мною ниш, и поэтому мне не было скучно. Как было бы спокойно и хорошо работать, если бы все мои копы такими были.

Наташа ждала нас дома. Я ожидала увидеть столичную штучку, а дверь нам открыла девушка очень больная, уставшая от всего на свете. Том принялся расспрашивать ее по делу, а мне было интереснее всего, почему она живет в Англии после того, что с ней произошло, и почему она до сих пор не говорит по-английски. Видимо, полицию это тоже интересовало, и все скоро прояснилось. Она тоже не хотела больше видеть эту страну, где напугали ее саму и родителей до смерти. Ее не обижали похитители, но ей, семнадцатилетней девчонке, пришлось просидеть пять ночей в машине где-

то в пригороде, без туалета, на хлебе и воде (это фигуральное выражение: на самом деле это были кола и картофельные чипсы, на которые она теперь глядеть не может). Когда уж совсем становилось невтерпеж, какой-то парень в темных очках и с фальшивой бородой водил ее в кусты и вежливо отворачивался. Но ей было очень неудобно и горько. Однако в Англию пришлось вернуться по состоянию здоровья. Ее сюда привез полгода назад один светило, специалист по головному мозгу. Когда он ездил в Россию в 2000 году, он познакомился с пациенткой Наташей, которой онкологи уже тогда поставили диагноз. Отец ее готов был продать душу, лишь бы ей помогли, но светило согласился на награду поскромнее. Называть ее вам точно не буду, чтобы не расстраивать. Родители отправили дочь с родным дядькой в Англию за сумму, достаточную на покупку приличной яхты. Светило оформил ее поездку как полезную для науки и для финансовой поддержки его частному медицинскому центру. Теперь он собрался делать ей операцию по удалению активизировавшейся проблемы. Папа Наташи не доверял российской медицине, даже если и считал, что врачи у нас лучше. Наташе и ее дяде Саше сняли квартиру в Нориче, поближе к тому медцентру и подальше от ненавистного ей Лондона. Наташа была очень больна и худая. Ее сон был беспокоен, аппетит плох, ее раз в две недели рвало, она даже теряла сознание четыре раза. Однако никаких болей не ощущала. Только сильнейшую усталость и беспокойство.

Том разложил перед ней снимки.

– Взгляните. Этот ли парень был вашим водителем по Лондону?

– Нет, – голос у Наташи был тусклым, – тот был плечистым, некрасивым. Уши оттопыренные и зубы кривые. Волосы вроде посветлее, да я все это уже плохо помню.

– Может быть, этот парень держал вас в машине?

– Трудно сказать. Он так глупо пытался замаскироваться. Я его не разглядывала. Мне видеть его было тошно.

– Но это лицо вам знакомо?

– Вроде бы... Не знаю. Столько лет прошло.

– Опишите того, с бородой.

– Ой, смогу ли? Ну... высокий, сам шатен, а бороду черную прицепил. Все курил самокрутки страшно вонючие. Одет был в джинсы. Нос кривой, кепка, очки. Все. Больше ничего не помню...

Письменные показания заняли не больше четырех страниц. Описывать похищение ей уже приходилось один раз, восемь лет назад. Том не стал заставлять ее делать это снова, да и она не вспомнила бы всего так хорошо. Я записала все на двух языках, а Наташа подписалась на каждой странице.

– Если что-нибудь вспомните, позвоните нам, – сказал ей Том на прощание и протянул свою визитку.

– А можно я лучше вам позвоню? – повернулась ко мне Наташа.

– Если офицер не возражает, пожалуйста.

– Конечно, так будет лучше.

Я оставила Наташе свою визитную карточку, и мы ушли. Прежде чем отправиться в обратный путь, мы зашли выпить кофе в маленькую кондитерскую. Том оказался сластеной и принялся за шведские кренделя с абрикосом. Я позавидовала ему, но есть не стала.

– А ведь она его действительно не помнит. Такие вещи просто хочется вычеркнуть из памяти, – сказала я.

– Я не понимаю, почему никто не узнает Свиридова, – Том жевал сердито, глядя в чашку. – Он возил их из аэропорта и по городу. Он таскал их чемоданы и ходил с ними по магазинам. Ну, ладно, мы тоже не помним своих водителей такси, но они вместе гуляли на пикнике. Они обращались к нему с мелкими проблемами. Ольга Джессоп говорит, что сама она столько времени с детьми не проводила, везде с ними возилась Свиридов.

– Но он же сам не занимался похищением. Кто-то ему помогал, как я поняла. Вы же сами сказали, что его даже не подозревали до последнего.

– Если в нем никто не узнает похитителя, то должны были узнать шофера.

– Он прятался за очки и под кепку.

– Он похитил семерых всего за два сезона, и никто не знал. И во всех случаях оба организатора тогда получили письма от родителей, что ребенку срочно пришлось уехать домой. Все сделано без них, и ни о чем не надо было беспо-

коиться. Они только рады были.

Все это было не мое дело, но я не удержалась:

– Том, как вы думаете, почему человек на фотографиях обязательно Геннадий Свиридов?

– Его арестовали во время операции, и он назвался. Паспорт не был найден, но тогда его личность подтвердили соседи, хозяин микроавтобуса, сдающий ему машину в прокат в частном порядке, хозяин квартиры и один нетронутый ученик, которого родители отозвали последним. Хотя он-то, скорей всего, просто врал, чтобы отвязались. Остальные успели уехать в спешке раньше, избежав расспросов.

– Значит, тогда его узнавали, а теперь не узнают? И это тот самый человек, что и на фотках?

– Он, наверное, не был достаточно яркой личностью, чтобы запомнить. Опять-таки очки, кепки...

– Наташа говорит, что Свиридов был страшный.

– Что?

– Извините меня, Том. Если бы мне было шестнадцать лет и моим водителем был бы этот красавец на снимке, я бы его запомнила.

Том проглотил последний кусок и внимательно посмотрел на меня.

– А тебе, пардон, сколько?

– Тридцать семь.

– Никогда бы не подумал, – сказал Том и допил кофе. При этом он прополоскал им рот, прежде чем проглотить. Ужас!

– А тебе? – я спросила назло. Мне Том вдруг резко разонравился.

– Сорок два.

– Никогда бы не подумала.

– Я хотел сказать, что ты выглядишь моложе.

– А я – наоборот.

– Ха! Спасибо. Буду знать, как спрашивать женщину о ее возрасте. Секретом поделишься?

– Щитовидка не очень активная, – ответила я со злостью, – Левотироксин жру. Все процессы замедлены – волосы и ногти плохо растут, порезы и ожоги по месяцу заживают, седых волос нет, но это может быть и по другой причине.

– Понял. Сочувствую.

Он примирительно улыбнулся, встал, заплатил за кофе и галантно подал мне руку. Он перестал быть неприятным, будто переоделся.

Мы снова поехали мимо ферм. Поля были красивого зеленого цвета, и каждое было окаймлено полосой из кустов и деревьев, служивших границами каждой маленькой империи. На одном поле паслись коровы, другое было бархатным от низкорослых злаков. Осенью коровьи угодья превратятся в месиво грязи и навоза, а пшеничные пожелтеют, и по ним раскидают огромные золотые цилиндры скатанной соломы. Но это осенью. А пока здешняя зелень свежая и яркая. При приближении машины с асфальта неохотно стартовали сороки, чуть ли не из-под самых колес. Наверное, потом, посето-

вав, они снова возвращались доклевывать непутевого грызуна, не вовремя решившего перебежать кому-то дорогу.

Назад доехали быстро. По дороге я наконец услышала о деле подробности, о которых мне не решался рассказывать даже Фил. Следователь Хаммер тоже лишних секретов выдавать не стал, но многое стало понятнее. Я торопилась домой, и Том высадил меня на моей улице, а сам принялся звонить по телефону.

Войдя в дом, я, как всегда, проверила автоответчик. Оказалось, что звонила Наташа. Уже? Я выскочила, чтобы позвать Тома, но он уже уехал. Ну и черт с тобой. Пусть уж эту новость первым узнает Фил. Сообщение было не таким уж и кратким. Я снова прослушала запись, записала оставленный номер и стала его набирать. Долго никто не отвечал. Потом трубку взял незнакомый мужчина. Я представилась.

– Здравствуйте, Антонина. Я Наташин дядя, по просьбе ее отца я тут за ней приглядываю. Она позвонила вам через полчаса после вашего отъезда. А час назад ей стало плохо, и я отвез ее в клинику на скорой.

– Что с ней?

– Обычное дело. Потеряла сознание. Это здесь уже несколько раз случалось.

– А что еще она хотела мне передать?

– Я не знаю. Не успел спросить. Но если она мне скажет потом, я сам вам позвоню.

– Спасибо.

В решающий момент важный свидетель попадает в больницу. Это какой-то мексиканский сериал, а не жизнь.

Случай 11. Семимильными

Я положила трубку и задумалась. Потом взяла бумагу, ручку и стала прослушивать запись сообщения снова и снова, пока не записала каждое слово. Потом включила компьютер и стала переводить. В ногу впивались кошачьи когти, но я отлягивалась и быстро печатала: *«Тоня, здравствуйте. Простите, но мне только что пришло в голову... Я ведь помню того водителя. Вернее, я на него внимание не обращала, пока нам поход в театр не организовали. Он сам не ходил, а только привез нас. Когда я выходила из машины, он подал мне руку. Я заметила, что он мои часики разглядывает и колечко мамино с сапфиром, которое я только в театр и решила надеть. Я руку выдернула, а он оскалится. Противный такой, зубы как у бобра и глаза хитрые. Парень на снимке точно не он. Позвоните мне, я расскажу вам больше о том, как он выглядел и как разговаривал... не со мной, а с другими. Мой номер...»* Наташа говорила быстро и горячо, будто боялась, что снова все забудет.

Я пошла на кухню, покормила кота и сама сжевала бутерброд с паштетом. Я никогда не смогла бы быть ни следователем, ни сыщиком, ни даже дилетантом. Мои мысли отказывались организоваться, никаких логических ступеней они не

строили, и никаких идей не рождали, и выводов не делали. Все, о чем я могла думать, это кому звонить? Тому или Филу? И что именно им сказать? А главное – как? Какими словами? Пусть они думают дальше, что с этим делать. Но что-то мне мешало. Какая-то деталь, которая не желала определяться и пугала меня своей значительностью. Я должна была уловить эту деталь и убедиться, что она доставлена по адресу в целости и сохранности. Если я не подберу правильных английских слов для передачи этой мысли, то она может потеряться в процессе. А сделать это я могу, только поняв ее сама.

Мы с котом поднялись к себе и улеглись на кровать. Здесь гораздо тише, и я смогу поразмышлять спокойно.

Давайте думать не по мере поступления информации, а по порядку событий. Я уже знала от Тома и Фила все имена и порядок похищенных: Славик, Владимир, Наташа, Петр, Дима, Алексей и Инна. Первые трое были похищены осенью в 96-м, а остальные – позже, в течение летнего семестра.

Славик валял дурака и подал Свиридову первоначальную идею. Подготовка к похищению заняла не меньше месяца, а сама операция заняла ровно четыре дня.

Владимир сам рассказал похитителю про маму-банкиршу, поплатился за это наследством бабушки – квартирой в центре Москвы. Свиридов обработал его маму в две недели.

Наташа не кичилась состоянием отца. Свиридов сам распознал в ней богатую невесту. Папа Наташи заплатил за

больную дочь коллекцией драгоценностей, но приложил к ним письмо в одном из чехлов, где угрожал Свиридову. Он потом сам сказал полиции точное содержание письма, где одна строчка была незабываемой: *«Я тебя из-под земли достану и скормлю тебе твою требуху. Ты подохнешь, но хоронить я тебя не дам»*. Неделю назад именно из-за этих слов папу сильно подозревали в сотворении богмэна, но у него оказалось железное алиби, а деньги шли на лечение дочери, а не на киллеров.

Угроза так и осталась пустой, однако Свиридов притих до самой весны. Может, он решил, что ему хватит и пора завязывать, раз уж врагов нажил. Но к летнему семестру пришла новая партия учеников, и один из них приехал со своим компьютером, да такой навороченный, что сам просился в пасть. Папа заплатил за своего Петеньку круглую сумму, но досаду выместил на самом Петеньке, отправив его на родину предков, за Урал, осваивать ремесло лесоторговца.

Семнадцатилетний Дима просто швырял деньгами направо и налево. Оказалось, что он мстит отчиму за то, что тот избавился от него на срок медового месяца с мамой Димы. Отчим отказался платить, сказав по телефону удивленному Свиридову: «А Дмитрию передайте, что за такие шуточки он пойдет теперь в армию как миленький. Мне тут он все равно не нужен». За него выкуп, как ни странно, так и не заплатили, если не считать единственного богатства мамы, какой-то дорожкой бирюльки и обещания обеспечить молча-

ние. Убивать пацана Свиридов либо не собирался, либо поостерегся.

Алексей был самым маленьким, но и самым балованным из всех. Его перепуганные родители были таким легким и богатым уловом, что Свиридов, видимо, обнаглел и свою последнюю жертву выбрал необдуманно, не проверив.

Инна никогда не держала в руках больше сотни. Поэтому ей показалось «небо в алмазах», когда родители с трудом наскребли нужную на учебу сумму. Ей так хотелось пройтись по магазинам, как Джулии Робертс в «Красотке», что она так и сделала. Сияющая, размахивающая яркими пакетами, она привлекла внимание Свиридова, развозящего детей по домам из торгового центра, и это был конец. На ноги была поднята полиция, когда папа Инны получил первый же звонок с требованием. Интерпол подключился к телефонной связи и вышел на след Свиридова. Папа врал ему то, что посоветовали следователи. Свиридова стали водить за нос и вышли на него через два дня. Понадобился еще день на подготовку к захвату, и его взяли. Это было за городом, в лесочке, где он бросил накаченную героином Инну и уже мчался в неизвестном направлении, почуяв, что пилюля готовится не по его рецепту.

Дальше произошло что-то совсем непонятное. Хорошо застрахованные организаторы курсов, быстренько доказав свою непричастность, дали полиции списки учеников последних групп, вернули их родителям деньги, закрыли ла-

вочку и сменили род занятий. Дети разлетелись по домам, не дождавшись окончания учебы. Школы не могли сообщить вообще ничего, а Свиридов оказался человеком-невидимкой. Кого бы ни спросили о нем, уже тогда толком никто ничего не мог сказать. Об этом надо расспросить Фила. Я так и не поняла, почему тогда похищение не сразу связали с организаторами курсов.

Я открыла глаза и принялась сосредоточенно разглядывать люстру. Сегодня по дороге в Норич Том рассказал мне, что восемь лет назад пострадавшие семьи сами объявились, как только прозвонили по всем учащимся тех курсов. Он подозревает, что их могло быть больше, но кто-то не захотел огласки. Да и эти, дав минимум показаний, пошли на попятную и отказались ехать узнавать арестованного Свиридова. Только две семьи сказали, что, может быть, и приедут на суд, если он состоится.

Хлопнула входная дверь. Катерина пришла домой. Надо было срочно додумывать.

В полиции Свиридов все отрицал, но назвал свое имя и адрес. Соседи по квартире сказали, что Свиридов снимал комнату два месяца с приятелем, а потом приятель исчез и появлялся только по выходным – и то поздно вечером. И тогда они пили по-черному, кололись, смотрели порнуху, а утром приятель исчезал. Один из соседей по дому, Павел, который по молодости лет решил сделать доброе дело, признался, что сам иногда покуривал с ними, но потом бросил.

Он даже приехал в полицию на второй день после ареста и опознал Свиридова. О черных делах Свиридова он ничего не знал и никогда не видел у него больших денег. А вот приятель Гены, имени которого Павел не знал, часто привозил дорогую снедь и выпивку. И машина у приятеля была крутая. Один раз на Рождество он привез таких девочек, что Павел был готов поклясться, что дешевыми они не были. Это был подарок Свиридову. Сам Павел не захотел жить больше в той квартире и съехал, прожив там в целом чуть меньше полугода.

Кот покинул комнату тихо, как призрак. Только половица скрипнула. Я встала во весь рост на кровати и вытерла с люстры пыль салфеткой. Катерина уже включила внизу телевизор и зазвенела ложками. Ну, что там дальше?

Хозяин квартиры подтвердил слова Павла один к одному, а также сообщил о своем заявлении Свиридову, чтобы духу его там больше не было. Свиридов тогда ответил, что хрен ему с маслом, потому что уплачено до конца года. Том Хаммер не мог мне объяснить, почему хозяин не настаивал. Кроме того, когда Свиридова отпустили условно, одним из условий было жить и ночевать каждую ночь по тому самому адресу и нигде больше. А еще он должен был отмечаться в полиции по месту жительства три раза в неделю. И вот ведь интересно... Отмечался ли он? Для этого нужно удостоверение личности или нет? Мои мозги страшно зачесались под скальпом. Почему-то мне казалось, что это очень важно. От-

мечался ли? И нужен ли для этого паспорт? Почему это было важно, я не могла сказать. Ладно. Спросим Филя, если не забудем. Хотя я почти точно забуду.

Катя в дверях уронила тарелку с нарезанным яблоком.

– Фу ты! Ты чего меня пугаешь? Ты что, дома?

– Дома. Машина тоже, между прочим.

– Ты же не на машине сегодня.

– А ты чего это ко мне в спальню с тарелкой? Тут жрать нельзя. Думала, меня дома нет?

– А ты чего сидишь тут тихо, если дома? Засада? Захожу, темно, а ты стоишь на кровати. У меня чуть сердце не остановилось.

– Отвечай на вопрос.

– Какой?

– Мне что, замок на дверь вешать?

– Купи мне телевизор в комнату, и не буду я сюда заходить.

– И не подумаю. Тебе заниматься надо, к экзаменам готовиться. И так музыка все время...

Этот спор был вечным. Я его проиграю, если не уйду сейчас же в сад. В саду я села на лавочку возле ящика с геранью и попыталась восстановить процесс анализа – не так уж много оставалось событий. Что там было потом? Хозяин микроавтобуса опознал Свиридова уже после того, как обнаружилась его связь со школой, а после его исчезновения подал заявление на угон. Нашли его драндулет перед Рождеством

брошенным без номеров у дороги под Бирмингемом. Это теперь совершенно не удивительно, учитывая, где нашли самого богмэна Свиридова. Вот и все. Таинственный приятель Свиридова, прежде чем самому кануть в неизвестность, нанял ужасно дорогого адвоката – на деньги от выкупов за детей, конечно. В полиции вышел скандал. Адвокат так нажал на систему, что, как ни верти, а прямого доказательства у полиции, что это именно Свиридов занимался похищениями, за двадцать четыре часа не нашлось. И даже за дополнительные двенадцать. Все прошлые жертвы находятся в России, новая жертва госпитализирована. За руку его в лесу возле самой Инны не схватили, телефона не нашли. Он сказал, что просто совершал пробежку в парке и телефона у него вообще нет. Связи водителя микроавтобуса с похищениями в непосредственный день ареста еще никто точно не видел. Организаторы курсов о причастности шофера тоже ничего не знали. Оказывается, что все, кто сразу опознал Свиридова, не имел отношения к машине и к школе. А те, кто могли опознать водителя, почти ничего не знали о нем, кроме имени. Адвоката не смогли перевесить и доказать, что арестованный Свиридов, опознанный Павлом и хозяином квартиры, это тот самый Свиридов, школьный шофер. И не могли доказать на сто процентов, что он совершал похищения, потому что судмедэкспертам нужно время на отпечатки пальцев и прочие заключения. А отпечатков было полно. Их брали и с палатки в лесу, и из квартиры, и даже с вещей самой

Инны. Эх! Им бы тогда «Лайфскан», да не было его еще в те годы.

На забор передо мной уселся лесной голубь. Жирный, как индюк. Он дергал головой, будто от икоты, и долго разглядывал меня, не решаясь на дальнейшие действия. Потом решил мне не доверять и, застонав, грузно перелетел к соседу. Там он облил соседский забор белым и улетел обратно в лес.

Дело начали было расследовать в конце сентября, и Свиридова отпустили условно до 15 декабря. К Рождеству эти самые заключения были готовы, доказательств наличия неизвестного сообщника и причастности Свиридова к похищениям хватило бы на срочный арест. Но до даты его возвращения оставалась пара дней, и занятая под завязку полиция не нагрянула к нему. А зря. В назначенный срок Свиридов в полицию не явился. Был выписан ордер на арест, но квартиру нашли пустой и тщательно протертой. Исчез не только Свиридов, но и его приятель, возможный сообщник. Бывший уже сосед Павел не исчез, а сам уехал домой в Россию несколько месяцев спустя. В Англию он не вернулся и к делу был непричастным. Поискав некоторое время, полиция бросила тратить свои средства впустую, а ложный след в Новгороде поставил точку в этом следствии. Свиридов числился в розыске с тех пор, и ничего больше.

Стало холодно, и я пошла назад в дом. Все, что я поняла пока, это то, что похитителей было двое, одного из них звали Свиридовым, один из них стал богмэном в Ирландии.

А также один из них водил машину школьников и выбирал жертв. Один из похитителей жил по соседству с Павлом. Один из похитителей был очень богат. Один из похитителей сломал клык, а другой имел редкие зубы. Один похититель, видимо, убил другого. Который из них Свиридов и кто был тот другой? Вряд ли это Павел, ведь он был очень молод, а обоим похитителям было годков под тридцать, согласно показаниям хозяина квартиры, описанию богмэна, платежной выписке работодателей шофера и заключениям экспертов. Кроме того, Павел аккуратно работал каждый божий день уборщиком в местной больнице. Да и отпечатки сообщника подошли бы Павлу в случае его участия. Его ведь проверяли на вшивость, несмотря на алиби, как сказал Том.

Вроде бы все. Я уже взяла в руки телефон. Нет... не все. Что-то еще. А что? Не вижу. Так и не вижу. Да что же это такое? Что я забыла? Надо позвонить Филу, а он перезвонит Тому. Это его работа, а не моя.

Я набрала номер. В ухе загудело.

– Хелло? Хаммер слушает.

– Том. У Свиридова щель между зубами. У вас есть письмо от дантиста. Богмэн не Свиридов.

– Что такое? Мисс Тринити? Вы с ума сошли?

– Звонила Наташа, оставила сообщение. Она опишет вам водителя автобуса. Он был тем самым Свиридовым, с щелью.

Том молчал целую минуту, а потом как-то по-лисьи тявкнул и сказал:

– Приезжайте сейчас же. И захватите сообщение Наташи.

Случай 12. *Ребус*

Перевалило за двенадцать, а я все так же сидела в офисном кресле в полиции. Вокруг стоя и сидя расположились «лаговцы» – сонные члены хаммеровской команды. Их было восемнадцать человек. На белой доске, такой же как у нас в школе, была прикреплена магнитиком фотография арестованного восемь лет назад богмэна. Рядом с ней был нарисован фломастером бесформенный силуэт человеческой головы с кроличьим ртом. Под ним было написано «Г. Свиридов», а под фотографией богмэна стоял вопросительный знак. Над обоими разлетались разноцветные стрелки к списку похищенных детей, их родителей и организаторам курсов. Под портретами стрелки вели к тем, кто опознал Свиридова в день его ареста. А с одного боку в углу было написано «Доктор Ким, дантист» и стояла дата – 4 февраля 1995. Между богмэном и Свиридовым был нарисован человечек с бородой и в черных очках, похожий на певца из группы «Зизи Топ». От него тоже шла стрелка к детям и к богмэну, и стоял знак вопроса. Я правильно угадала. Свиридов не богмэн, но его создатель. Найденный в Ирландии бедолага – кто-то другой. Возможный друг, сообщник, сосед по комнате, парень из палатки? Свиридов бы рассказал, да где он? Что у них там произошло, теперь одному богмэну известно.

Я приехала к ним несколько часов назад, и половина уже тогда была в сборе. Многих я давно знала, но имен не помнила. Однако Том представил мне всех, поэтому краснеть не пришлось. Фил и остальные подошли позже. Меня напоили кофе и внимательно выслушали. Своих выводов я им не рассказывала, а просто перевела слова Наташи с автоответчика и объяснила, почему я решила, что это важно было передать сегодня же. Кто-то куда-то бегал, были сделаны звонки. До дантиста не дозвонились, но дозвонились до дяди бедной Наташи. Тот сказал, что уже был в больнице и сейчас опять поедет. Я переводила ему по телефону, и он обещал взять с собой мобильник, и если Наташа сможет поговорить, он нам позвонит. Поэтому улизнуть втихаря домой мне не удалось. Мне дали еще кофе, мандаринку, посадили в углу и велели ждать звонка дяди Саши.

Фил шепотом похвалил меня за то, что я подчеркнула, выделила и обвела нужную деталь, которую запросто могли потерять в переводе. А я сказала ему, чтоб не ставил мне оценку. Я ведь не говорю ему, молодец, мол, хорошо арестовал вора. Вот тебе четыре с плюсом. В следующий раз подготовься получше. Я была рада, что не проигнорировали. Мне за переводы хорошо платили, а вот кофе у них всегда был дрянной.

Том толкал речь:

– Вот и получается, что надо многое заново начать. Опросить еще раз всех похищенных, взять описание того, кто во

время похищения их кормил. В Новгород придется писать, обращаться за особыми приметами того, другого Свиридова. Проверить у службы иммиграции пропавших из виду нелегальных и легальных русских. Приметы розыска пересмотреть, проверить еще раз базу данных, а именно – фотоснимки. Саймон и Хелен, займитесь этим лично. Если настоящий Свиридов жив, то только тогда, боюсь, нам удастся найти и похитителя, и убийцу богмэна, и установить личность этого богмэна наверняка...

В комнату вернулась одна из полисвуменш с бумажкой в руке и подошла прямо ко мне.

– Меня Стефани зовут. Окей? Вот тут номер телефона в России. Это должен быть номер соседа по квартире, Павла. Сейчас, наверное, не время туда звонить? – она оглянулась на Тома. – Босс?

Я посмотрела на номер и адрес. Ничего себе! Город Чита? Как его туда занесло? Откуда у них этот номер, он же вроде бы... Не знаю даже. Я посмотрела на часы.

– У них сейчас седьмой час утра.

– Попробуйте набрать, – Том хмуро посмотрел на меня, – если Павел ответит, спросите у него, как выглядел этот таинственный приятель лже-Свиридова.

Я не надеялась, но, наверное, мне в тот день просто везло. Трубку сначала взяла женщина с сонным голосом. Я не стала объяснять ей, кто я на самом деле. Сказала, что это срочный междугородный звонок со срочным сообщением и по сроч-

ному делу. В трубке торопливо кого-то расталкивали, кто-то что-то уронил и шепотом выругался, а я ждала. Потом ответил мужской, но сравнительно бодрый голос:

– Да!

– Павел Николаевич?

– Я!

– Простите, что разбудили. Вас беспокоят из британской полиции. Не беспокойтесь, ничего страшного не произошло, просто нам нужна ваша помощь. Помните дело Свиридова, в котором вы оказали содействие британским властям в 97-м?

– Как же забыть. Допрашивали меня, как преступника, отпечатки брали.

– Сожалею, но это делалось не для того, чтобы вам дело пришить, а чтобы исключить вас из числа подозреваемых. Порядок такой. А подозреваемыми тогда были все, кто его знал.

– Ладно, теперь-то чего?

– Вы говорили, что у Свиридова был богатый приятель. Не помните, как он выглядел? Это срочно нужно.

В трубке слышалась возня. Павел кого-то шепотом выгнал и устроился поудобнее.

– Ну, он был такой коренастый, футбол любил и пиво. Волос белесый, нос такой, брови... Руки мозолистые, рабочие. Пел хорошо, только очень уж хрипло. Особо не кололся, так... травку покуривал.

– А особые приметы? Родинки, наколки, шрамы?

– Да нет... ничего не помню. Татуировок не видел. Родинки и шрамов я у него не искал. Ну, че еще? Глаз – рыбий, зубы редкие.

– Щель?

– Че?

– Щель большая была между зубами?

– Была, помню. Знатная. Харкал он через нее.

– Спасибо вам огромное... А имени не помните?

– Нет. Генка Скрипом его называл.

– А откуда он родом?

– Не знаю. Генка поговору вроде был типичный хохол, а этот – не знаю. Волжанин, наверное.

– Еще раз спасибо. Можно вам еще позвонить, если вопросы будут?

– Звоните, если застанете.

Я положила трубку и увидела, что все тихо наблюдают за мной.

– Русский язык на слух гораздо приятнее немецкого, – сказал офицер по имени Рой.

– Все языки приятнее немецкого, – ответила я и принялась переводить описание, сверяясь с пометками, только что сделанными мною на бумаге.

Стефани все записала за мной подробно и передала Тому. Тот взял описание и прикрепил над головой Свиридова на доске, где уже были описания от Наташи, Ольги, Александра и прочих.

– Итак, внешность Свиридова нам известна уже достаточно для того, чтобы составить фоторобот. Будем полагаться на скорое выздоровление Наташи. Фоторобот лучше сделать с ней, а потом показать остальным. Если она будет не в состоянии в ближайшем будущем нам помочь, придется рассчитывать на тех, кто в России. Значит так, Геннадий Свиридов невысок... – Том провозгласил описание нового Свиридова со всех слов. – ...и особенно редкие передние зубы. Кличка – Скрип!

Детективы стали выражать свои мысли и предложения. Где-то я уже слышала это слово, подумала я тупо и тут же оборвала себя. Слово как слово. Скрип-скрип, скрипят колеса. Тут у меня к Тому есть вопрос поинтереснее. А Скрип? Фидл-ди-ди. Я не буду думать об этом сегодня. Я подумаю об этом завтра. Я поджала губы, как О'Хара, и толкнула Филиппа в бок.

– Фил, у меня тут есть чего сказать. Не попадет мне, что не в свое дело лезу? Я всего лишь переводчик, а рвусь расследовать преступление.

– Опять дуришь? Как ты понять не можешь, что в «подвале» ты, может быть, и есть только переводчик, а тут ты у нас занята в роли языкового эксперта. Как медэксперты, как те специалисты археологи. Благодаря их мнению у нас и движется дело. И тут ты уже указала нам на важный факт именно потому, что ты профессионал. Целое новое направление нам в руки дала. Так что валяй.

И тут я Филу поверила. Я подняла руку, и Том дал мне слово. Все слушали меня серьезно.

– Мне кажется, что нужно кое-что пояснить. Это не по Свиридову, а по личности богмэна. Павел сказал, что Свиридов показался ему украинцем, значит, есть смысл справляться с иммиграционниками и о пропавших украинцах тоже, а не только русских.

– А есть разница? – спросила Хелен.

– Это теперь другая страна, у них посольство и другая речь, – ответила я. – В России, конечно, много народу с Украины живет, но сильного акцента у них уже не будет. Или будет, но реже. А по словам Павла, он догадался именно поговору, что тот якобы-Свиридов был украинец.

– Спасибо, мисс Тринити. Кевин, это тебе поручение. Все?

– Все, – сказала я, и тут меня как ударило током, – а в Витамской психушке есть пациент, который знает человека по кличке Скрип.

Что было потом, лучше бы описал Фил со стороны, но он не пишет по-русски. Ребята, переводчик полиции – это самая лучшая профессия на свете. Я выступила с хитом, забила решающий мяч, спасла утопающего. Я самый счастливый в мире человек. Мне полагается мороженое, два билета на цветочное шоу в Челси, восемь часов сна и отпуск вне школьных каникул. Я жадничаю, но, пардон, заслуженно. Том велел мне выйти к доске и рассказать все. Я засомневалась бы-

ло, не нарушаю ли я чего, но передо мной были не посторонние люди, а английские полисмены. Я не собеседование с Урмасом пересказывала, а его разговор с призраком-Жирным. Я поведала лаговцам о шизофренике в Харлоу и о его последних словах в клинике. Все поерничали над случаем и выразили надежду, что ему там стало настолько лучше, что он сможет дать показания. Вот только если по делу будет проходить некто Жирный, то тут далеко идти не придется, он в соседней палате.

И тут позвонил дядя Саша.

– Ничего не выйдет пока, – сказал он мне. – Вы уж там простите, но ее будут оперировать утром. Она пришла в себя, но врач не велел ее беспокоить. Голову обрили. Бедная девочка. Мне еще родителям звонить.

– Конечно, – мне было ужасно жаль Наташу. – Это вы нас простите.

Все были разочарованы, но не так, чтобы обозвать их черствыми англичанами. В конце концов, это всего лишь означает, что фоторобота в ближайшие дни не будет. Наташина жизнь куда важнее. Было уже два часа утра, когда Том всех отпустил. По виду офицеров было видно, что хоть работать по ночам им и не в радость, а делать это приходится часто. Привыкли. На следующий день было запланировано договориться с администрацией клиники об удобном дне и нанести визит Урмасу. Поручили это, конечно, Филу и мне. Я воистину стала членом команды, хоть и на время

следствия. Вот только «черную штучку» мне не выдали. Это такой электронный ключ, которым открывается в полиции большинство дверей. Поэтому выйти я сама не могла, а провожать меня пошел сам Том Хаммер. Я опять подумала, что он выглядит моложе сорока двух, а ведет себя как шестидесятилетний. Он был не толстым, но грузным. Интересно, что это, мускулы или сало? Он поднес мигнувший зеленым светом ключ к черной табличке у двери, и в ней щелкнул замок. Я вышла в летнюю темень.

– Спокойной ночи.

– Всего хорошего. И спасибо за помощь. Это все было очень необычным, но полезным и перспективным.

– А вам разве не приходилось с переводчиками раньше работать?

– Почему же? Приходилось. Были албанские, польские, французские... и даже суахили.

– Ну вот, значит, все нормально... раз уже приходилось...

– С такими... еще не приходилось, – Том засмеялся, а я опять ошетибилась. Кажется, у меня вырабатывается условный рефлекс.

– Вы о чем?

– Ну... Скажем, что я ни одного из них сам не ходил провожать.

– Я польщена.

– Я хочу сказать, что никогда не был так благодарен раньше переводчику за помощь, – выкрутился Том Хаммер.

– Ну, и на здоровье, – ответила я с облегчением, нахлобучила шляпу и позволила черной ночи поглотить себя. За спиной я слышала лязг закрывающейся решетчатой калитки и удаляющиеся шаги посвистывающего сыщика.

Было еще совсем темно, через час-другой начнет светлеть, проснутся птицы и забазелят. В городских садах в это время года у всех начинают цвести всякие летние баловни и воздух благоухает остро и терпко. Пожалуй, даже слишком крепким запахом. Наверное, быть грозе. Такая необыкновенно теплая ночь – редкий случай в здешнем климате. В такое время воздух становится сухой, наэлектризованный. Небо от туч не просто темное, а черное... Чернее ада. Так и кажется, что в нем через минуту вспыхнет вулканическая топка, посыплются красные угли, а воздух задрожит маревом.

Дороги были пусты. В машине мне страшно захотелось спать. Я чуть не вывихнула челюсть, зевая. Дома я упала на кровать, едва не придавив кота, который раздраженно мяукнул и убежал к Катке в комнату. Однако я успела снять рубашку и одну туфлю. За окном пророкотало. Где-то очень далеко. Мне снова приснился богмэн. Он не был страшным и противным. У него было красивое неподвижное лицо со стеклянными глазами и улыбка Моны Лизы. Он пел песню, которую часто напевала моя подруга Мила:

*– Сидить голуб на черешні,
А голубка на вишині*

Ой скажи, ой скажи, сердце дівчино,

А що в тебе на мислі.

– Подпевай.

– Я не знаю слов. И языка тоже, к сожалению.

Я проснулась на миг из-за фотографической вспышки молнии за задернутыми шторами, а не из-за грома, за ней последовавшего. Лес за садом зашипел от ливня. Я сняла вторую туфлю и залезла под одеяло. Сон изменился. Я ехала по пустой улице. Это было шоссе М25. И вот я еду в сторону аэропорта Хитроу, но не улетать и не провожать. Я вообще не заеду в аэропорт. Я еду дальше. Куда, не знаю. Рядом сидит черноволосый парнишка. Совсем молоденький, но плечистый. Его знобит.

– Не ссы, – говорю ему я чужим скрипучим голосом, – скоро будешь дома.

Я включаю радио. Оно поет:

«Там десь милий чорнобрівий співає – гуляє. А я плачу літа трачу його виглядаю».

Проснулась я от звонка будильника. Голова была как с похмелья. На мне все еще были вчерашние юбка и майка, только мятые. Я спустилась на кухню, держась за стены, и большими глотками выпила четверть пакета апельсинового сока. Надо сказать Филу, что их кофе хорошо бы послать форензикам на экспертизу. Пусть ищут там кроме кофеина что-нибудь покруче. Мне от него плохо и снится всякая нелепица. Душ особо не помог. Наступая на кота, я долго возилась,

звала Катюку, корчась от боли, и собиралась в школу. Дочь не вставала, а что-то кричала мне, пока не раздались сердитые шаги по лестнице, и Катерина вышла злая и лохматая.

– Ты что делаешь?

– Уже полвосьмого.

– Мама! Сегодня суббота!

– Не может быть.

– Совсем вы там в полиции с ума посходили, – она уже собралась уйти обратно к себе, но заметила мое состояние и остыла. – Пошли еще поспим. Ты уработалась и не выспалась. Давай же, а то сейчас опять кто-нибудь позвонит.

Я поплелась за ней и с наслаждением повалилась обратно в постель. Похоже, Катерина тоже вчера поздно вернулась. Ну и хорошо, что выходной. Можно поваляться. Чуть-чуть. Проснулась я в час дня. От звонка.

Случай 13. *На какие шиши*

Терри провел меня в комнату для собеседований одного из лондонских отделений и познакомил с приехавшим юристом. Оба парня, те самые – из суда, бывшие соседи Максима Чеха, послушно явились в назначенный день доказывать, что конфискованные у Чеха деньги на самом деле принадлежат им, что они мирно их заработали законным путем и хотели бы получить всю сумму назад. Теперь юрист должен с ними побеседовать с моей, естественно, помощью, а

сами детективы пока сматаются к ним на квартирку с ордером на обыск и посмотрят, нет ли там чего интересного. Алик и Гера по очереди получили консультацию у юриста. Адвокат представился, но я забыла его имя уже после обеда. Беседы парней с ним были почти одинаковые. Оба приехали из Эстонии честно заработать денег для себя и для своих семей. Так приезжают многие. Работали через агентство там, где есть требование на рабочую силу. И на стройке-то они бетон месили, и машины мыли, и на ферму ездили салат резать, и на фабрике упаковывали ветчину, делали бутерброды и расфасовывали синими пальцами мясо внутри огромного холодильника. В общем, брались за всю грязную и малооплачиваемую работу, которую сами англичане делают, но делают, только если уж совсем подопрет. Жить на пособие по безработице гораздо выгоднее – спасибо, миссис Тэтчер! – но предпочитающие независимость люди с чувством личного достоинства получают образование и хорошо оплачиваемые должности. Но именно они в большинстве своем часто начинают трудовую деятельность с таких низкооплачиваемых подработок. Почему бы и нет? На престиж это не повлияет, скорее наоборот – свидетельство трудолюбия и стойкости. В Англии вовсе не обязательно срочно после школы куда-либо поступать. Мои самые успешные ученики ничего не имеют против того, чтобы год-другой помыть посуду в столовой или поофициантить перед главной карьерой. Как сказал один из моих английских отличников Кирон: «Не на

папины же деньги я вашу Катю в кино поведу...»

Вот и моим молодым прибалтам я тогда не могла не верить, так как встретила здесь не только воров и преступников из Прибалтики, но и нормальных ребят, честно зарабатывающих на жизнь, но попавших в полицию по недоразумению. Например, пара мальчишек была задержана в аэропорту за то, что билеты у них были куплены на ворованную кредитку. А потом оказалось, что их надул какой-то земляк. Дело в том, что куда-то ехать, стоять в очереди за авиабилетом теперь не обязательно. В любом городе есть своя Хай-стрит. Это центральная улица со всеми банками и магазинами, почти совершенно одинаковыми, куда ни сунься – в любой город. На каждой будет свой филиал прокатного видеосалона, агентства по продаже недвижимости, свой «Макдоналдс», свое турагентство, обменный пункт и свой индийский, итальянский, китайский ресторан, церковь и несколько пабов. Есть там и свое интернет-кафе в местной библиотеке. Достаточно зайти в ближайший, сесть за компьютер и купить билет онлайн. Тебе дадут данные рейса и номер заказа, по которому можно получить посадочный талон уже по прибытии в аэропорт. Проблема лишь в том, что оплатить заказ можно только картой. А у работяг таковой, как правило, нет. Одни наличные, так как счет в банке открыть не просто, если приехал на короткий срок. Они заработали за шесть месяцев тысячи четыре, экономя на всем на свете. И теперь пора было везти эти деньги к родным. Вот тут и появ-

ляется земляк-доброжелатель со своей картой и предлагает деньги за билет отдать ему, а он на свою карточку закажет им места на самолет. Потом его ищи-свищи. Имя у него ненастоящее, кто его с ними познакомил, сам накололся. Сколько этот тип таким макаром настриг, никто не знает. Парни ни себе, ни полиции ничем помочь не могли. Их отпустили, они улетели другим рейсом, потеряв целый день в камере и деньги за первый билет. Я помню, как один из них удивлялся и говорил мне: «Надо же, у нас все забрали в полиции, а теперь отдали назад. Все до копейки! Весь заработок! Если бы нас дома арестовали, не видать бы нам этих денег, как вчерашнего дня!» Интересно, а это правда? Я не знаю, никогда в жизни не была в Латвии.

А у Геры и Алика дела обстояли хуже с конфискованными деньгами. Они принесли выписки из банков с историей своих счетов. Там были суммы входящие и выходящие по триста и четыреста фунтов. Объяснили они это тем, что народу тут знакомого много работает. Они часто занимают друг другу деньги, а потом возвращают. Уловить какой-то порядок по цифрам не удавалось, так как выписки эти были с прерванной хронологией. Такими же нерегулярными были рабочие платежки. Это все, что у них сохранилось, и то случайно. После истории с Чехом они поменяли место жительства, о черных делах его знать не знают. И вообще «моя хата с краю»... Адвокат спросил их прямо, найдут ли полицейские в доме что-нибудь эдакое? Оба ответили спокойно и отрицательно.

Терри говорил мне, что будут они отсутствовать пару часиков. Но приехал этот долговязый и бровастый со своими коллегами через четыре часа. Они привезли с собой огромные пластиковые пакеты, набитые под завязку, и еще одного парнишку в наручниках. В пакетах были коробки с мобильными телефонами числом около десятка. Там же были три компьютера-лэптопа и куча неопределенных бумаг. Пришлось консультацию с парнями проводить заново, так как теперь нашлись недостающие бумажки, и им пришлось объяснять, как удалось так быстро восстановить изъятые суммы, работая на резке салата. К парням на счета приходили сотни фунтов и тут же изымались наличными. Куда делись эти наличные? Ушли на покупки по заказам от друзей и родственников в Эстонии, в основном – мобильные телефоны. А компьютеры они сами купили для себя. Третьего мальчика полицейские взяли у них дома. Он как раз вернулся из банка, где по просьбе Геры он положил на три разных частных счета около шести тысяч. Чьи эти счета и что это за деньги, юный Аркаша не знал, так как находится в Англии проездом из отпуска на Майорке. На положенный вопрос о состоянии здоровья он сказался ужасно недужным, с плохими и нервами, и сердцем, и простатой. Этому двадцатилетнему парню, больному по-стариковски, вызвали врача, но тот заявил, что для задержания и для собеседования парень годен.

Интервью с ними я вам пересказывать не буду. Это был довольно нудный допрос, где все сводилось к тому, что маль-

чки живут явно не на зарплату. Откуда деньги? Что это за перегонки со счета на счет? Зачем товару набрали? Что в компьютерах? Что это за заработок по интернету? С какой стати вам кто-то заплатит за то, что вы приняли монету к себе на счет и тут же перевели кому-то? Вы ничего такого не подозревали? Знаете, ребятки, на что это похоже? На отмывание грязных денег. Не может быть, чтобы вам это было неизвестно. Что вы, дети малые или просто идиоты? Почему сняли деньги со своих счетов? Почему храните их в чулке, а не в банке, где у вас есть счет? Что значит не доверяете английскому банку? Тут что, бывают скачки инфляции опасные или что-то фунту стерлингу грозит? Или тут банки коррумпированные? Ха-ха! Не клеится. А еще, мальчики, расскажите нам, как ваши имена попали на диск Чеха, готовый к выпуску новой партии клонированных и фальшивых карт? Ах, он без вашего ведома? А как же вы такому пройдохе свои тысячи доверили?

Терри веселился, однако парней пришлось отпустить условно, забрав паспорта. Всех троих интересовала судьба компьютеров, но их полагалось отправить на экспертизу к форензикам. Все конфискованное надо было разобрать на атомы, чтобы было с чем работать. На это ушло много времени. Я знаю, что назначенный им срок новой явки потом отменили до новой повестки, и они надолго пропали из моего поля зрения. А в тот вечер после многочасового перевода у меня болели голова, горло, спина, ноги, а желудок начал

переваривать сам себя от голода.

– Мисс Тринити, не желаете отужинать со мной?

Терри смотрел на меня сверху вниз. Видимо, у меня на лице появилось нечто потустороннее и демоническое. То ли глаза налились кровью, то ли клыки стали расти на глазах, то ли дым повалил из раздутых ноздрей, потому что он испуганно и поспешно сказал:

– Нужно еще немножко поработать. Мы из бумаг хватали все подряд из того, что написано не по-английски. Может, пока заказ ждать будем, рассортируете, чтобы лишний раз вам в Лондон не мотаться? Нам, конечно, было бы очень приятно, но вам и так придется побывать у нас не раз, судя по делам.

Я снова приняла человеческий облик. Мне страшно хотелось есть, а до дому еще полтора часа езды на электричке. Я не просто согласилась, а обрадовалась.

В милом таком итальянском ресторанчике, недалеко от станции Ливерпуль-стрит и от отделения по борьбе с финансовым мошенничеством, Терри отправил официанта с заказом, а передо мной положил толстую папку.

– Вот, – сказал он, – пока мы там беседовали, Марк их пронумеровал, подшил и зарегистрировал. Что в них, я не знаю, но было бы хорошо, если бы вы отобрали то, что уж совсем не имеет отношения к делу. Переводить все подряд было бы непрактично. Вы согласны?

Я была согласна. Принесли красное вино. Я принялась

за свои маринованные оливки, а Терри – за брушкетту. Потом мы почти молча жевали совершенно шикарную пиццу размером с велосипедное колесо. Я листала бумажки, а Терри наблюдал за мной и возился со своим мобильником. Изредка мы обменивались короткими фразами. Многие бумажки действительно были ерундой: любовные письма зеленых подружек в Эстонии с отвратительными и пошлыми заморочками типа «я соскучилась по моему пушистенному котенку...» или «Хочешь, я приеду к тебе и раздую твои угольки...». Были всякие распечатки из интернета рекламных страниц, статей и электронной почты. Было даже одно школьное сочинение, неизвестно чье и неизвестно почему оказавшееся в вещах Алика. Я, как любой другой нормальный человек, не люблю чужих писем, а Терри радовался им, как бабка на лавочке. Когда у меня вытянулось лицо над одним очень откровенным письмом, он потребовал, чтобы я его зачитала. Он хохотал над ним до самого десерта. Наверное, работа такая.

И тут мне попало письмо от Чеха из тюрьмы. Когда он понял, что суда придется ждать долго, он просил носков, трусов и книжек. Потом опять: второе, третье. Всего – одиннадцать штук. Одни были адресованы Гере, другие неизвестным именам. Зачем Гера их сохранил? Почему не выбросил? Ну, те, что про носки – ладно. Но некоторые письма были четкими указаниями, инструкциями... Терри слушал, забыв про свой porto, а я, допив кьянти, быстро читала с листа по-

английски и размышляла, что теперь с ними будет. Чех говорил Гере, кому заплатить, чтобы взял вину на себя, что сделать с его компьютером, с кем иметь теперь дело, а с кем не иметь. Было одно серьезное и строгое письмо, запрещающее Герке даже разговаривать с каким-то В.С.О. и поручающее ему выпросить любым путем у какого-то Никиты какой-то диск с очень важными записями. Когда я добралась до конца пачки, пометив письма Чеха, Терри выхватил ее у меня и засиял.

– Я сделаю с них фотокопии сегодня же и пришлю почтой. Как скоро сможешь их перевести?

– Ну... пару недель. У меня много дел.

– У меня тоже. Две недели – это хорошо.

Он расплатился и подал мне руку. Мы вышли на стемневшую улицу, и холодный, насыщенный влагой воздух долбанул меня по пьяной голове. Все поплыло. Вот тебе и красное вино после голодного и трудного дня. Лондонский туман в наше время – не тот знаменитый «смог», а именно «фог», так как угольного дыма в нем больше нет. Однако уличные фонари в нем расплываются ничуть не хуже, и мокрые дороги отражают звук шагов так же гулко. Терри проводил меня до станции Ливерпуль-стрит. Мы оба покачивались и держались друг за друга. Со стороны можно было подумать, что мы парочка, которая никак не может расстаться. Какая-то тетка на остановке даже вздохнула, умиляясь. Терри решил подыграть:

– Ты доберешься?

– А ты?

– Приедешь, позвони, а то я буду беспокоиться, – он взял меня за локти, наклонился и зашептал в ухо: – А из телефонов я пришлю распечатки потом. Если они посылали друг другу сообщения по-русски, то нам нужно знать, о чем. Они могут оказаться так же важны, как те, что ты переводила из телефонов Чеха и его литовских друзей.

– Но там почти нечего было переводить. Одни цифры. Много цифр, потом пара слов. Опять шесть строчек цифр и одно слово. Я вообще ничего не поняла.

– Ну, перевела же?

– Перевела, а сама не знаю, что я перевела.

– Зато для нас все встало на свои места.

– Ну, и хорошо.

– Из компьютеров тоже распечатки пришлю, но не скоро.

– Что там? Куча документов по-русски?

– И разговоры тоже. Чаты всякие.

– А они разве сохраняются. Я думала, что это все стирается.

– Есть такая вещь в компьютере, называется «куки».

– Печенька.

– Что?

– Это по-русски.

– Они образуются без твоего ведома после каждой операции. Так вот наши эксперты все из этих куки достать могут.

Даже то, что ты сам стер.

– Это ужасно неприятно узнать. А как же права человека? Прямо личный шпионаж и полный контроль над личностью.

– Зря я это тебе сказал. Теперь я должен тебя ликвидировать, – он засмеялся.

– Я пьяная. Я завтра уже ничего не вспомню.

– Это хорошо. А то потерял бы я переводчика, и мне пришлось бы другого искать.

– Пойду я, пока ты не передумал.

– Тогда поспеши. До встречи.

Он даже приобнял меня, а поцеловать не решился. Мало выпил. Этот последний разговор и приблизил меня к разгадке богмэна, но я еще ни слухом, ни духом...

В вагоне мне удалось сесть. Час возвращения британцев с работы давно прошел, и народу ехало значительно меньше. За окном туманный Лондон быстро улетал назад, на запад, фонари – тоже. За городом до сих пор и светлее, и суше. Летний пасмурный вечерок праздновался в каждом видном из окна садике. Народ после ужина повылазил курить под свои брезентовые парасоли. Несмотря на сумерки, дети гоняли черно-белые мячи по сырой траве. По их майкам можно было понять, кто за что болеет. Вот мелькнула красно-белая. Это «Арсенал». А вон там пацаненок похож на алый парус. «Манчестер Юнайтед». Этот, может быть, болеет за «Челси» или «Вест Хэм». Вон мелькнул сине-белый и ненавистный мне лично павлин «Тоттенхэма». А этих черно-желтых я да-

же не знаю. В Лондоне можно найти болельщиков и за «Ньюкасл», и за «Мадрид». И это вовсе не означает, что один жил на севере Англии, а второй испанец. Просто у них свои герои. Тронет детское сердце игра Майкла Оуэна где-нибудь в Риме, и вот у знаменитой английской команды есть маленький болельщик в Италии. Это только лет до девяти. Потом начинается воинственный патриотизм и выбор «своего» клуба. У взрослых болельщиков выбор более одержимый и менее честный. А жаль.

Я чуть не задремала. Кончалась моя выходная среда. Завтра в школу. До летних английских каникул, которые длятся всего шесть недель, осталось чуть больше месяца.

Случай 14. *Век живи, век учись*

Класс гудел. Пока Санил медленно, вразвалочку, вызывая паясничая, выходил в коридор, я напонила всем о задании, которое, если его не выполнят за десять минут, будет добавлено к домашнему. Я вышла за тринадцатилетним мальчиком следом и закрыла дверь. Санил сразу прислонился к стене, сполз по ней на пол и закрыл лицо рукавами.

– Встань, – сказала я, – и объясни, почему мне не нужно отправлять тебя в офис.

– Я ничего не делал, – пробубнил он не двигаясь.

– Я жду.

После минуты ожидания он все-таки встал, но опять при-

валился к стене.

– Сюда.

Он отлип от стены и встал на ту точку коридорного ковра, на который указывал мой палец.

– Ну и что это было?

– Я ничего не делал. Вечно вы ко мне придираетесь. Это потому что я черный, да?

Я вздохнула. Опять эта песня. Время от времени некоторые детки начинают проверять учителя на прочность подобными провокациями. «Это потому что я...» дальше вставляется соответствующее: черный, девочка, гей, иностранец, из бедной семьи, из благополучной семьи, мусульманин, христианин, атеист, аутист... хотя нет, никто из моих учеников с такой пометкой в досье никогда на дискриминацию не претендовал. Им это в голову как-то не приходило.

– Санил, посмотри на меня внимательно. Ну да, у тебя темная кожа и слуховой аппарат. Я иностранка и женщина, говорю с акцентом, да еще и левша. Тебе не кажется, что как раз нам с тобой тут уже давно никакая дискриминация не угрожает? В вашем классе половина приехавших из разных стран, из них только семеро белых, а Габриэла настаивает на том, чтобы я ее Эриком называла, и носит форму для мальчиков. С чего ты взял, что этот трюк сработает со мной? Я понимаю, если бы ты это сказал вашему физруку...

– Ага... щас...

– Зачем ты Патрика пнул?

– Он расист. Он меня обезьяной обозвал на перемене.

– Какой?

– Что значит какой? Какая разница?

– Большинство видов обезьян имеют и белую, и черную кожу. Шимпанзе, бабуины, мартышки. Ты поищи в интернете картинки.

Санил вытаращил на меня свои и без того большие карие глаза, и его рот стал растягиваться в счастливую, но коварную улыбку.

– А у какой там обезьяны синий зад? – спросил он, оглядываясь на дверь.

– Даже не думай об этом. Ты же не одобряешь дискриминацию, а самые подверженные на данный момент – это белые, традиционно ориентированные англичане мужского пола.

– Ой не верю.

– На работу пойдешь устраиваться, согласишься. Извинишься перед Патриком? Я с ним тоже поговорю... про обезьян.

Санил крепко задумался потом кивнул и сказал:

– И «Харибо» его верну.

Пока Санил входил в класс, я украдкой проверила телефон. Звонков не было, но по электронной почте пришли новые распечатки от Терри. По новым делам меня не вызывали уже почти две недели.

Дома я просидела за столом весь вечер, зато с курсовыми работами старшеклассников в этом году было поконче-

но, заключения переписаны, графики переделаны и вспомогательные источники указаны. Я открыла письмо от Терри и принялась за те телефонные сообщения, которые были впечатаны хоть и латиницей, но по-русски.

Когда Катька пришла от своей Молли, я тупо сидела над одним из переводов письменного разговора между Аликом и какой-то неизвестной мне Заюшкой. Катя что-то спрашивала, но я не слышала. Я сидела с потными ладонями и не двигалась, пока она не заорала мне в ухо, что мне пора в отпуск и что я совсем уже...

Несмотря на пустую болтовню про день рожденья и любовные сюсюканья, там были упомянуты огромные долги и махинация со страховкой автомобиля. Пришлось переводить. И вот посреди всего этого Заюшка вдруг заявляет Алику: «А ты у босса своего монету попроси. Сколько тебе твой Скрип должен? Ты с этим вордпэем уже полтора года как дома не был». От этих слов я и застыла на целых пять минут.

Мы с Катькой съели разогретый вчерашний борщ и перегладили наши с ней рубашки. Кот где-то гулял, а она все радовалась, что всего через год ей в школу не нужно будет ходить в школьной форме. Она перейдет в нижнюю шестую. Совсем взрослая.

Она уже давно спала, когда я все возилась и возилась со старыми и новыми переводами из дела Терри. К утру я наверняка знала про пользу от вордпэя не меньше его самого. По крайней мере, я понимала, как работает эта систе-

ма... в принципе. Но мне ни разу больше не попало слово «Скрип», Алик успешно переменял тему в той распечатке и больше не позволял Заюшке даже начинать разговор о деньгах.

Случай 15. *Безумство храбрых*

– Врач объявил его способным давать показания. Я всего два дня назад звонил, а он ни в какую. А сегодня визит разрешил. Ничего не понимаю. Прямо дурдом какой-то!

– Фил, это и есть дурдом.

– Ну, я и говорю.

Мы ехали в Витам на встречу с Урмасом. В этот раз машину вела я, а Фил рассказывал мне о новостях по делу.

– После отбора не осталось никаких пропавших без вести ни русских, ни украинцев. Том меньше всего интересовался теми, кто подозревается в побеге дальше за границу. Он искал совсем потерянных. Так вот и нет никого. И мы сделали вывод, на который нам придется пока опираться. Если богмэн не Свиридов, но был за него выдан, то Свиридов сам стал тем богмэном. Поняла?

– Нет. Богмэн ведь не Свиридов.

– Это наша мумия не Свиридов. А Свиридов жив, но носит имя того, кто стал богмэном. Он поменялся с ним ролями, подставил его под арест, а потом убрал за ненадобностью. Он не только жизнь у него отнял. Он отобрал у него

его жизнь.

– Ты со мной не философствуй, когда я за рулем.

– Ищем сами не знаем кого.

– Вы знаете, как он выглядит, прозвище его знаете и настоящее имя. Осталось только установить новое имя и местонахождение. Совсем ничего.

– Умно! – Фил, кажется, восхищался Свиридовым. – Выходит, что он купил его с потрохами в прямом смысле. Оплатил ему жилье, еду-питье, наркотики и девочек. Взамен дурочок везде назывался Свиридовым и, наверное, гордился этим. Хозяин дома, владелец микроавтобуса и соседи – все думали, что наш еще живой богмэн и есть Свиридов. А сам Свиридов стал Скрипом и, когда стало горячо, подставил богмэна под арест, где тот продолжал играть свою роль из страха или за деньги, а потом Скрип его вызволил и убил. Оставлять его в полиции было нельзя. Правда бы скоро вылезла наружу, а сам богмэн сдал бы Скрипа рано или поздно. Тело он увез в Ирландию и бросил в болото. Это очень умно. Тело могли не найти много лет, а найдя, приняли бы за мумию. Так и вышло. Только рановато, да и мумией он недолго был. Благодаря мне!

Фил распушил усы и снова похвастался своим повышением. Он наконец стал каким-то там детективом какого-то уровня. Теперь в лейтенанты будет идти. Команда Тома Хаммера работает сразу над несколькими делами одновременно, но Фил больше всего возился теперь с богмэном. Он всегда

был любителем археологии, истории, живописи и мечтал о своем собственном деле с кодом Да Винчи или с историческим расследованием.

Все эти дни были сумасшедшими во всех отношениях. Фил, как и обещал, завалил меня переводами, затеяв активную переписку с большим количеством людей в России и на Украине. Хорошо, что проверять тетради в школе больше не надо было так часто. Иначе меня бы выгнали. Он и так меня и с уроков норовил сорвать, и среди ночи звонил, получив электронную почту по российскому времени, и сам требовал звонить им, не подумав о разнице в поясах. Мне катастрофически не хватало часов в сутках. Терри тоже прислал писем и компьютерных распечаток ICQ целый вагон. Казалось, что он торопил меня не потому, что не мог подождать, а потому что его раздражало простое бабье любопытство. Читать чужие разговоры он любил, и мне пришлось строчить с русского на английский как пулемет. Но особенно внимательно я искала там слово «Скрип» или хотя бы намек на него.

А мне еще надо было работать со Стивом Синклер раза два в неделю. Тот, похоже, без особой надобности вызывал и устраивал очередные переговоры с семьей погибшей Марты, которые всегда заканчивались довольно пошлыми финансовыми разборками. Родственники не хотели кремировать Марту, а хотели везти тело на родину в закрытом гробу. Бедняжке Марте не так повезло, как богмэну. Прележала она в нагретой солнцем машине несколько дней, и опознали ее

только форензики. Родной отец не узнал того, что осталось от бедной женщины. Но везти гроб на самолете дорого, занимается этим специальная похоронная служба. Тем не менее родственники настаивали, а заплатить за те услуги, по их мнению, должна была британская полиция. Мне уже так надоело переводить скандалы. Стив-то твердил только о правилах, а вот папа Арвис не скупился на оскорбления и угрозы. После таких нервотрепок Стив потом долго отрывался в машине, жаловался мне и объявлял новую дату для вызова. Это было невероятно, но очевидно. Однако обещание он пока держал и не пытался больше заговорить со мной «о нас». Я разрывалась, мне все на свете надоело. Но алчный демон мой не давал мне продыху. Он будил во мне все самое скверное, жадное. Он заставлял меня работать по ночам, потакать всем и убеждать их в моей безграничной преданности. На самом деле я извертелась так, что сама себе стала противна. Я самый двуличный... или даже трехличный лицемер на свете.

– Приехали.

Дом скорби выглядел немного санаторием, немного больницей, немного тюрьмой. Наверное, так выглядит он в любой стране. Однако здесь, в Англии, он был не страшным, а скорее... надежным. Врачи здесь не носили белых халатов. Они были в костюмах, но не строгих. Санитары носили одинаковые светло-зеленые полотняные куртки с рукавами до локтя и с именованным значком. Все они были низкорослыми крепышами, похожими на игроков в регби. Вид у них был

такой, что они в любую минуту могут очень организованно навести порядок в любом хаосе. Врач был очень не похож на Стравинского. Он был скорее похож на попа, толстого, бородатого и длинноволосого попа, который носит под бородой галстук и коричневую пару. Он сидел за столом и тщетно пытался попасть толстым пальцем по микроскопическим кнопкам мобильного телефона. Когда мы вошли, он сердито сунул телефон на соседний стул и поздоровался. Потом он долго описывал нам состояние больного по фамилии Каурас и читал список лекарств и их действие. Я покосилась на Фила. Тот сидел с прямой спиной и кивал, выкатив глаза. Вид у него был умный, но я видела в его мрачных глазах что-то похожее на панику. Из сказанного он понимал меньше меня. Все, что ему нужно было, это встреча с Урмасом. Больше он ничего знать не хотел.

– Так что вы сами видите, что я не могу вам порекомендовать встречу с ним наедине. Санитар должен присутствовать. Так будет мне спокойнее, да и Урмасу тоже.

Фил шумно вдохнул воздух и хотел что-то сказать, но не сказал. Он просто согласился с врачом-психиатром и спросил, когда можно начинать.

– Они только что пообедали. Сейчас его приведут. Он сегодня в хорошем настроении.

Врач ушел, и я тут же забыла, как его зовут.

С того самого дня, когда Урмаса сюда увезли из полиции Харлоу, я видела его только раз. Он уже не говорил ни с Жир-

ным, ни с другими. Он не смотрелся в стену и не искал проводов в волосах. Он глядел строго и спокойно. Врач у него тогда был другой. То была женщина лет сорока пяти, маленькая и ужасно умная. Она носила прическу под принцессу Диану и очень ярко красила ногти. Шея у нее была, как у индюшки, но я заметила в морщинистых складках очень дорогую ниточку настоящего морского жемчуга. Она хотела знать об Урмаса всю подноготную, и мне пришлось перевести кроме дат, имен и названий и такой диалог:

– Вы когда-нибудь пытались сам себе повредить?

– Повредить? Себе? А как же?

– Как именно и когда?

– Как все... пью, курю, жру что попало каждый день.

– Я хотела сказать, пытались ли вы покончить жизнь самоубийством?

– Чего?

– Не вешались, не стрелялись, не резали себе вен?

– Не резал я вен! Я че тебе, самоубийца, что ли? Че я, с ума сошел?

– Отравиться не пытались?

– А че пытаться? Поел в «Йо-Суши» – и привет.

– А у вас в роду никто не...

– Нет. Никто не одурел покамест. Дед так спился. Бабка утонула во время купания в озере. Одного дядю задавило машиной, а другой свалился с балкона. Наверное, пьяный был. Я тогда только в школу пошел. А еще двоюродная сест-

ра была. Кристина. Она точно съела что-то не то... откачали, а она опять съела.

– А большая ли у вас семья?

– Большая. Мать дома, брат есть старший.

– А отец? Жив?

– А хрен его знает...

– Ясно. Вы давно пьете?

– Я не пью.

– Как же так, вы же в полиции были пьяным.

– Был.

– Вы пьете.

– Я давно уже ничего не пил. Шутишь, бабуля? Скоро неделя, как у меня ни капли во рту не было. А этот, – Урмас кивнул врачу на санитаря со значком «Макс», – даже пива не дает. Обещает и не дает.

– Значит, вы раньше пили много и часто.

– Каждый день. Жизнь такая.

– А давно вы начали так пить?

– Давно.

– Как давно?

– Очень давно.

– Год назад? Два? Три? Пять?

– Да.

Урмас подобный номер уже выкидывал в полиции. На вопросы он не просто не отвечал четко и ясно. Он в итоге не отвечал на них вообще. Хотя было впечатление, что отвеча-

ет. Вот только мне было не ясно, видит ли это врач. Должна видеть. Она же без пяти минут профессор.

Сегодня Урмаса привел санитар со значком-табличкой «Джефффри». Как было бы просто мне жить на этом свете, если бы все люди носили свои имена на груди. Фил уселся перед Урмасом, Джефффри встал у него за плечом, как телохранитель, а я села сбоку. Между нами стоял большой стол переговоров. Мы обменялись приветствиями. Фил подумал и попросил меня прямо:

– Спроси его, знает ли он Скрипа? Скажи, что мы из полиции. Пусть расскажет, где тот живет, кто он и как его найти?

Эх, Филипп! Я не психиатр, но он сейчас может все испортить. Что ли рискнуть и попробовать помочь? А кто меня поймает? Это же не официальное собеседование и даже не на запись. Урмас не арестован. Я спросила его:

– Урмас, вы не знаете, у Скрипа номер не изменился? Не найду его никак.

– Не изменился. Все тот же, – неожиданно легко и просто ответил Урмас.

Может быть, он действительно не отдает себе полного отчета в том, что происходит. Я продолжила, не оглядываясь на Фила.

– Какой у него номер?

– Я не знаю. У меня в мобильнике все номера.

– А как вы с ним познакомились?

– Через Эдиту. Он бывший Эдитин хахаль. Он мне ее сам

подарил.

– Почему?

– За хорошую работу.

– Какую работу?

– А не скажу... А то обратно отберет.

Я почувствовала, что Урмас уводит меня в сторону. Филипп шевельнулся.

– погоди, – сказала я Филу и снова спросила: – А скрип все еще в Лондоне?

– Он все еще в Кенте, дура, – вдруг рассердился Урмас, а Джеффри напрягся. – Ты че, не помнишь, что Жирный сказал? В Лондоне нельзя пробивать счета. Надо за город ехать всем. Атлас принес? Таки да! Эдита уже живет на востоке, поэтому я – к ней. Андрюха человек северный, Санька с этой... с латышкой. Ну, а наш носатый – на юг. Ты не соображаешь ниче? Он какой тебе район дал?

Урмас уставился вопросительно. Надо было отвечать.

– Северо-восток от Лондона.

– По вордпэю?

– Да, – в этот раз я даже не удивилась.

– Ну так и работай там. Че ты ему?

– Мне надо с ним срочно связаться. Плохи мои дела.

– Так ведь сказано, чтоб не приезжали. По «аське» все...

Я сначала не поняла, а потом вдруг вспомнила, что «аськой» называли программу ICQ эстонские мальчишки из переводов для Терри. Мне стало нехорошо, но дело было не

в «аське». А я-то голову ломала, где я слышала это слово «пробивать», когда переводила разговоры из компьютеров и телефонов. Урмас уже произносил его в первый день нашего знакомства. Он именно тогда и Скрипа упомянул.

– Урмас, так в том-то и дело, что у меня комп сломался.

Не могу я по «аське».

– Дело твое. Поезжай.

– А адрес?

– Не знаю.

– Хоть город скажи. Помоги мне, пожалуйста.

Урмас перестал сердиться.

– Хорошо. Я спрошу у Жирного. Когда он на связь выйдет.

– Мне срочно надо.

– А я не помню... Брут Старз... кажись... Точно. Оттуда баба такая шикарная приезжала. Лариска. Во-от с такими дойками! Твои отдыхают.

– А как он хоть выглядит? Как я его узнаю?

– Скрипа-то? А я его че, видел, че ли? – и тут Урмас обратился к Филиппу: – Доктор, сигаретку дай. Не дашь? А пивка? Козел ты, доктор. Жирный говорил, что все вы тут козлы. А ты вообще тyani-толкай, бля. Щас я...

Джеффри, видимо, что-то не понравилось в Урмаса, и он положил руку ему на плечо. Урмас не оглянулся, но замолчал и уставился в стол.

– Урмас, – спросила я снова. – А ты не знаешь фамилию Ларисы?

Но тот даже не шелохнулся. Я попробовала еще раза два и поняла, что прием окончен. Урмас сосредоточенно разглядывал поверхность стола, каждую крапинку и не обращал на меня внимания. Я не могла не удивляться, почему он говорил со мной так, будто знает меня давно. Перепутал меня с кем-то? А, может быть, он помнит мое лицо по прежним встречам, но нечаянно связывает меня со своей компанией. Это возможно потому, что говорю я с ним на языке, ему понятном. Значит, он и вправду ненормален. Или это у него от лекарств? Вот тебе раз!

Я посмотрела на Фила. Он был недоволен, но ждал. Он меня слишком хорошо знает, чтобы прерывать. Особенно когда у меня такой обеспокоенный вид, а я действительно беспокоилась. Я на всякий случай, боясь нарушать эту зыбкую связь с Урмасом, поволокла Филиппа к двери, шепча:

– Можно тебя на минутку?

– Ну и что сейчас там произошло? – Филипп спросил меня строго, когда мы оказались за дверью. – Почему ты не перевела мне ни слова?

– Ты мне доверяешь?

– Пока да.

– Он принял меня за кого-то другого, и я побоялась, что если заговорю по-английски, он нам не поможет. Ты видел, как он замер в конце? Я думаю, что он решил, что я пришла к нему одна, со свиданием, как другие приходят. А ты для него был просто очередным работником больницы.

– Ну и что он сказал?

– Он никогда не видел Скрипа. Но, по его словам, тот живет в Кенте с какой-то красавицей Ларисой. Они занимаются отмыванием денег по банкам через интернет, причем адреса и ветки банков рассыпаны по всей стране. Один из сайтов называется «Вордпэй». Возможно, что сам сайт и не левый, но свой человек дает свое имя, свой адрес и банковский счет. Скрип его пробивает... открывает там в сети счет, но уже с новым именем, хоть и по тому же адресу. Потом он кидает оттуда суммы по этим счетам. Ребята эти деньги снимают наличными, часть оставляют себе, а часть кладут на его же счета этих самых сайтов. Это делается под видом продажи какой-то глупости вроде телефонной музыки. Причем многие сайты на самом деле существуют и знать не знают, что как интернет-банк они используются для отмывания небольших сумм, от четырехсот до двух тысяч фунтов в неделю.

– Вот это да! – Фил обалдел по-настоящему. – И это он тебе сам рассказал? Он что? Ненормальный?

– Нет... то есть да. Но это не он мне рассказал. Он так... шестерка. От него нужно было только имя с адресом и двухлетним счетом. А потом он бы только деньги туда-сюда гонял. Он говорил мало, но с его слов я поняла, что его тоже должны были пробивать, что работают они вроссыпь, что Скрипа надо искать в... У тебя есть карта?

– В машине.

– Поехали. Вряд ли ты от Урмаса больше узнаешь.

– Но откуда ты знаешь про те банки онлайн?

– Из других переводов. Я не могу тебе больше ничего сказать. Это дело уже расследуют в Лондоне – финансовые махинации. Похоже, что Скрип – и их материал тоже. Поторопись. Они могут найти его раньше тебя.

Фил не ответил, но зашагал к машине быстрее.

Назад мы ехали в страшном возбуждении. Итак, Свиридов не только жив, он в Англии и снова делает деньги сказочным путем. Том обрадуется и сделает Фила лейтенантом... когда-нибудь. Мы вернулись к моему дому, где был припаркован Филиппов ровер. У него в багажнике был атлас британских дорог «От А до Z», карта для водителя. Такие есть, наверное, в любой машине этой страны. Мы внесли его в дом, открыли карту Кента и стали изучать города. Никакого Брут Старз мы не нашли. Зато нашли Бродстерс. След взят. Очень хорошо. Я ничего не забыла?

– Да, и проверь, был ли у Урмаса с собой мобильный телефон.

– Если был, то он теперь будет в клинике. Полиция все вещи должна была с ним отправить. Ты почему мне раньше об этом не сказала? Растяпа!

– Но там может оказаться телефон Скрипа. Прости.

– Хотя если бы и сказала... Чтобы его забрать, нужно соответствующее разрешение.

Фил от меня позвонил в клинику и узнал, что у Урмаса с самого начала был мотороллер, но и с самого начала он был

сломан. Потом он позвонил Тому, чтобы оформили ордер на изъятие. Фил вел себя, как пес перед прогулкой. Как только мы распрощались и договорились пойти завтра на сальсу, он прыгнул в машину и улетел обратно в Саусенд. Я осталась стоять перед домом. Об мою ногу потерлись. Потом потерлись еще и жалобно всхлипнули. А я все никак не могла вернуться в свою собственную жизнь. Англия маленькая страна. Может быть, в ней все преступники связаны друг с другом. А вот полицейские дивизии разных графств не очень связаны. Они, конечно, обмениваются детальной информацией, но только по требованию. Ну, не будет же в самом деле Терри распространяться в Эссексе, что у него там по делу Чеха. А Тому и в голову не придет прослушивать записи всех собеседований с прибалтами. Потом, конечно, все это окажется в одной базе данных, но это потом. У моих преступников есть преимущество. Их меньше, они друг друга знают. А полицейских много, они заняты миллионной армией всяких прочих нарушителей и друг друга знают слабо. Конечно, прогресс имеется: они теперь могут быстро получить результаты установленной личности по отпечаткам пальцев из другого графства, спасибо «Лайфскану». Но вот так связать одно преступление с другим без отпечатков способен только ясновидец какой-нибудь. Да только нет у них ясновидцев. Ну, ничего. Зато у них есть Лана, Петр, Мария, Вениамин, Сванюне... переводчики. У них есть я и моя паршивая память.

Случай 16. *Теплее, теплее*

Все воскресное утро я копалась в саду. Надо было где-то пополоть, где-то полить, где-то подпереть, а где-то подрезать. Кот молча шуршал там и сям и придавал саду чувство обитаемости. Моя беседка – моя гордость. Мне ее построил папа, когда в гости приезжал, и ее теперь увило розами, за которыми надо ходить, как за малыми детьми. Времени у меня в обрез, но я лучше сама не поем, а в сад выскочу, чтобы проверить, не завелась ли тля и не надо ли подлить воды в бак. Теперь две узкие клумбы ломались от огненных настурций, пестрых петуний и белоснежных ромашек. Сирень и магнолии давно уступили цветущий сезон летним кустам, и теперь азалии и прочие рододендроны окружили мой крохотный оазис плотной стеной. Теперь любопытной соседке никак не заглянуть через забор. У меня даже есть малюсенький пруд, почти лужица на полтора метра. Но он достаточно глубок, и живут в нем только водяная лилия, шесть золотых рыбок и три водомерки. Такой же микроскопический фонтанчик циркулирует в нем воду бесшумным насосом, а рядом стоит каменная Пандора со своим ларчиком. Она ростом по колено, у основания покрыта мхом и плющом, но оттого, что она такая маленькая, весь сад кажется приличным, если смотреть на него из окна. Конечно, я бы развернулась в саду побольше, но у меня денег не хватит. Да и времени тоже.

Теперь, еле-еле отмыв руки и прихрамывая (прошлой ночью кто-то в клубе отдавил-таки мне ступню), я выволокла раскладное кресло под тень давно отцветшей мимозы и повалилась на него с кроссвордом и парой яблок. Кроссворды мне присылают родители, и я с их помощью освежаю русский язык. Слова на научные темы пока идут хорошо, а литература и кино – уже с натугой. Имена незнакомых звезд и телеведущих российских каналов я даже не пытаюсь угадать, так как спутниковое телевидение мне пока не по карману. Да и из старых артистов я уже мало кого помню. Только лица их кажутся немного знакомыми. Совсем другой мир для меня теперь – Россия. Многие спрашивают, не скучаю ли я. Скучаю. Но то, по чему я скучаю, уже не существует. Я не имею в виду политическую или экономическую систему. Я скучаю по людям, которые изменились, по городу, который стал другим, по рутине, которой больше нет, по ценностям, которые переоценились, по атмосфере, которой, возможно, и не было, а мне теперь кажется, что была. Может быть, они еще существуют, но я не хочу ничего этого проверять и портить. Пусть мои воспоминания не изменяются, и делать мне там больше нечего.

А пока я даже не думала об этом. Пора прервать труды садовые. На прошлой неделе я увлеклась так, что устала как шахтер, перегрелась на солнце и закончила страшной головной болью. Поэтому на сегодня хватит. Я устроилась поудобнее. Из гамака уже слышался храп. Это удобное место заняли

кот с Катюшкой. Наушники от айпода свисли до самой земли. Под журчание воды, попискивание птиц и под постукивание бамбуковых палочек на висюльке (подарок Ланы, сувенир из Португалии) я не смогла разгадать и половины. Забытые слова русского языка перестали всплывать в памяти, и я задремала. В соседнем лесу шумел ветерок. Было тепло и томно. Счастье можно сотворить своими руками. Особенно если помнить, как мало нам на самом деле надо для счастья. *Si Hortum In Bibliotheca Habes Deerit Nihil...* Мне надо покоя, совсем чуть-чуть...

Телефон, конечно, зазвонил. Как же ему не зазвонить? Едрина мать! Если это Стив, обругаю по-черному. Если это кто-то из Катюшкиных приятелей, то больше они сюда никогда не позвонят. Ручаюсь. А если это Фил, то одним богмэном на свете станет больше.

– Алло!

– Привет.

Это был Том, но для него я еще не придумала кары, поэтому только поперхнулась застрявшим в горле снарядом.

– Не помешал?

– Ну что ты? Конечно нет.

– Есть время?

– Сейчас?

– К трем получится?

– Куда приехать?

– В Маргейт. В участок.

– Это же в Кенте! Не в Эссексе!

– Мы тут кое-кого арестовали.

– Да ну! Кого?

– Приедешь, увидишь.

Сон из меня вытопило волной адреналина. Неужели Свиридова арестовали? Нет. Не может быть. Мы всего несколько дней назад с Урмасом говорили. Фил вчера хвастался, что всю неделю угробил на проверку бродстерских адресных данных. Он лично прозванивал всех зарегистрированных в местном муниципалитете владельцев сдаваемых домов и квартир. Он вычислил всех квартиросъемщиков городка, кто был известен как приезжий из Восточной Европы, не рассчитывая на их подлинные имена. Оказалось, не так уж и много. Всего около сотни. Городок не самый популярный, хоть и на морском берегу. Рамсгейт рядом куда интереснее. По общему коллективному предположению, что Свиридов не семейный тип, Фил откинул для начала все пары с детьми и сократил этот список до тридцати двух. А сегодня утром, как я поняла, по этим адресам поехали четверо эссекских полицейских вместе с одним кентовским полисменом, а сам Филипп залег отсыпаться. Его друзья собирались стучаться в двери и спрашивать: во-первых, откуда дровишки? Во-вторых, (если приезжие из бывшего Союза) спросить у них, не знают ли они некую Ларису. Метод так и называется – «от двери к двери». Одеты полицейские были в штатское, чтобы никого не тревожить. Причем поехала в этой компании од-

на очень умная тетка, чье имя я, как ни странно, запомнила. Сандра Даррелл. С чего бы это?

Я посмотрела на часы. Полпервого. Путь не близкий. Нет времени даже принять душ и что-нибудь приготовить ребенку на обед и на ужин. Катя так и дрыхла в саду. Над головой у нее непонятно зачем порхала бело-оранжевая бабочка. Тень от зонтика медленно сползала с босой ноги, как одеяло. Сэм-эн теперь молча сидел под забором и слушал, как по другую сторону сопит соседский пес, тыкаясь носом в щель. Как не хочется отсюда уезжать! Какая идиллия! Завтра опять занепогодит, и в саду не поваляешься. Я еще минуту постояла у беседки, втянула носом какой-то неземной запах свесившегося к самому лицу цветка и пошла в дом. Через два часа я подъезжала к полиции Маргейта.

Том пил кофе и, как только я вошла, предложил и мне.

– Прежде всего вот, – сказал он и протянул мне мобильный телефон. Я заметила, что возле него на столе лежало два мобильника, – просмотри телефонный справочник.

Я нажала на кнопку меню, нашла список номеров и начала открывать их один за другим. Все имена были внесены кириллицей в алфавитном порядке. Они были русскими и не русскими, а также английскими. Мне попались имена Сью, Билли и Седрик. Я взяла подложенный мне под руку карандаш и листок бумаги. Имена я стала записывать английскими буквами и столбиком: Андрей, Артурас, Брудас, Буылка, Бухалыч, Вика, Виландас, Витек, Грихась, Дариус, Дядя

Степа, Ингрида, Ирка, Леха, Лох, Мариус, Михал, Римма, Рихардас, Саша, Светка, Сергей, Серик, Урмантас, Шиська. Закончив, я повернула листок Тому.

– Скрипа здесь нет.

– Значит, любое из мужских имен им может быть. Это отремонтированный телефон Урмаса.

– Я так и подумала.

– Зачеркни все женские имена.

– Здесь есть клички, которые могут быть и мужскими, и женскими.

– У Свиридова кличка – Скрип. Так что ты их тоже вычеркни. Вернемся потом, если зайдем в тупик.

– Хорошо.

– А теперь зачеркни все имена, которые никак не могут быть русскими и украинскими.

А он не дурак. Список все равно был длинный: Андрей, Витек, Грихась, Дядя Степа, Леха, Михал, Саша, Сергей. Я подумала и заключила в скобки имена Грихась, Дядя Степа и Михал.

– Эти имена не похожи на настоящие, – объяснила я, – хотя могут быть. И Саша может быть женщиной.

– Пять лучше, чем восемь, – сказал Том и передал мне второй телефон, – а теперь вот этот.

– А этот чей?

– Потом скажу.

Этот тоже был «русскоязычным». Некоторые имена и но-

мера совпадали с первым списком. Я стала списывать имена: Ада, Алексей, Алла, Анди, Анна, Бетти, Боб, Борис, Валя, Винька, Виктор, Вяжечка, Гарри, Гений, Дариус, Жека, Ингрида, Ира, Колян, Кость, Мистер Мэйсон, Мистер Таррант, Михал... да когда же они кончатся? Нина, Олька, Санек, Секач, Сережа, Толян, Тыква, Урмас, Шиська.

– Еще кофе?

– Да, пожалуйста. Михал, вероятно, поляк. Саша – все-таки парень, Алексей и Леха – это одно имя. Виктор и Витек – тоже. А еще тут Урмас есть. Чей это телефон?

– Вычеркивай женщин.

– Чей телефон?

– Делай что говорю.

Я положила ручку на стол и откинулась в кресле с кружкой в руках.

– Чей телефон?

У Тома вид был не такой серьезный, как на том собрании. Я тебе поиздеваюсь! Знает же, гад, как меня распирает. Он улыбался. Глаза у него были совсем не такими, как у Фила. В них не было и тени боли. Скорее – смекалка и начитанность. Цвет у них был... даже и не понять. Если не наклониться поближе.

– Я обещаю, что скажу, как только закончим. Мне надо, чтобы тебя ничего не отвлекало.

– Спасибо, – ответила я, но продолжала медленно прихлебывать кофе.

Том тоже взялся за кружку, но скоро поставил ее на место. В окно влетела пчела. Жалюзи шелестели, а Том молчал. Он встал. Я была права. Его тоже распирало. Я хотела знать, кого арестовали, а он хотел найти телефон Скрипа. Мы же взрослые люди. Что это за игры. Сейчас он выгонит меня. Хотя нет... не выгонит. Я член команды. Я это заслужила. Он подошел совсем близко и навис надо мной, как дракон, упираясь одной рукой в спинку моего стула, а другой – в стол.

– Тебе повезло, что я джентльмен. Это телефон Ларисы Лямской.

– Вы ее арестовали?

– Пока нет. Ларисы дома не было. Ничего интересного в доме не нашли. Этот телефон лежал на подзарядке. Теперь форензики снимают там отпечатки пальцев со всего на свете.

– Если бы вы поймали Скрипа, вы бы с телефонами не возились.

– Мы привезли ее брата.

Я, не говоря больше ни слова, принялась вычеркивать нерусские имена и прозвища. Остались: Алексей, Борис, Виктор, Колян, Санек, Сережа, Толян. Потом мы составили список только имен из обоих телефонов: Виктор, Санек, Сергей.

– Отлично! С них и начнем. Какие из них могут быть украинцами?

– Да все могут. Там в именах особой разницы нет. В фамилиях если только.

– Пойдем, потолкуем с мистером Лямским.

Мы спустились в «подвал». Давно я тут не была. Все убийц, похитителей да мошенников ловим, на простых во-ришек уже времени нет. И я уже это место называю «подвалом»? Меня тоже «оснобило»?

В комнате для собеседований сидели двое. Адвокат и здо- ровенный парень. Лет парню было около двадцати семи. Он был словно создан для каменоломни. Не человек, а конь жи- листый. Он явно не был накачан гирями, он был таким отро- дясь. Красивым его не назовешь, но он не Скрип. Это точно. Он был просто здоров как бык. Было в нем что-то цыганское. Черный волос – прядями на лоб, темный взор исподлобья, нос как у актера Юрского. Еще бы серьгу в ухо и рубаху яр- кую с поясом... Однако весь этот колорит исчез, как вывет- рился. Парень оказался родом из Кишинева. Его вывели на минуту из комнаты, а я осталась.

– Мой клиент неплохо говорит по-английски, – сказал ад- вокат, незнакомый мне и, естественно, безымянный, – но со- беседование лучше проводить через переводчика. Насколь- ко я понял, арестован он пока только за сопротивление по- лиции. А вот почему его задержать хотели, мне не ясно.

– Работница полиции обратилась к нему с вопросом, – от- ветил Том, – а он ударил ее дверью и пытался удрать через окно на соседскую крышу. Мы пока не арестовываем его за телесное повреждение офицеру при исполнении, но там бу- дет видно.

– Чем вы мотивируете такую непоследовательность?

– Серьезностью следствия. Ваш клиент, возможно, располагает информацией чрезвычайно важной для этого дела. И мы надеемся на его содействие. Я обещаю, что не буду требовать от него сведений, которые могли бы его инкриминировать. Пока. Вопросы будут касаться его родственницы. И даже не ее самой, а ее знакомых. Надеюсь, он не захочет скрывать улики и быть арестованным за сообщничество. Повторяю, что дело очень серьезное.

– Вы предлагаете сделку? Тогда это не должен быть арест, только добровольное собеседование без аудиозаписи. И никаких вопросов о телесном повреждении полицейского при исполнении, пока он не арестован за это.

– Вы знаете практику подобных случаев лучше меня.

– Тогда позвольте мне еще раз переговорить с ним. И пусть переводчик останется.

Том кивнул и вышел, а Лямский вошел и сел на стул, недоверчиво косясь на меня из-под кудрей. Если бы адвокат знал, как я увязла в этом деле, он бы потребовал другого переводчика. Я должна следовать этике и переводить без предвзятости. Ах, как это будет трудно! Ну, ничего! Что у меня при этом творится в голове, никого не касается.

– Полицейские сказали, что вас можно арестовать за то, что вы одного из них ударили.

– Не бил я никого, – голос был молодой и тревожный.

– Вы ударили дверью...

– Я закрыл дверь. А она сама влезла.

– Офицер Даррелл даст письменные показания, а они в суде обычно имеют большой вес. Вы уверены, что это был просто несчастный случай?

– Был.

– А зачем вы полезли в окно? От полиции убежать нельзя.

– А я не знал, что это полиция. Они были не в форме.

– Она показывала вам удостоверение?

– А я не знал, что оно настоящее. Я вам каких угодно удостоверений купить могу.

– Вам лучше не произносить вслух таких вещей. Я вас об этом спрашиваю, потому что следователи вам зададут точно такие же вопросы. Итак, зачем вы убегали?

– А если меня убивать пришли?

– Кто бы пришел вас убивать?

– Мало ли...

Я переводила, а парень, постоянно сбиваясь на ломаный английский, все время сбалтывал лишнее, спохватывался и все больше мрачнел. Наконец адвокат выложил ему условия сделки с полицией и спросил:

– Как вы думаете, зачем они спросят про вашу сестру и какой ее знакомый им понадобился? Мне надо знать, чтобы дать вам правильный совет – отвечать на их вопросы или не стоит. Это для вашей защиты.

– Лариска дела крутит. У нее много знакомых.

– Расскажите мне, какие дела?

– Я толком не знаю.

– Это хорошо.

– Знаю, что она сама ничего такого не делает. Она фотомоделью работает. Позирует фотографу, чаще всего – на берегу. А вот мужик ее что-то делает. Не хочу я про нее говорить. Загребут ее, а мне пропадать...

– Вы живете на ее средства? А сами не работаете?

– Работаю за четверых.

Я сначала подумала, что это он в фигуральном смысле так выразился и перевела соответственно. Но он сам меня поправил.

– Нет, нет. Я и вправду работаю за четверых.

– Как это?

– Четверо там числятся в разных местах. А я за них хожу и отмечаюсь.

– Где?

– В полиции.

– Что?

– Ну не в полиции, а как это... ну... Пробация.

Он кое-как рассказал мне. Ну наши дают! Нарочно не придумашь. Я поняла и объяснила адвокату:

– Четыре человека вместо срока отбывают постановление суда в службе по надзору... ну, исправительным трудом. Бесплатным. Только сами они это не делают, а посылают вашего клиента. Он приходит туда раз в неделю за каждого, отмечается, отрабатывает то мусорщиком, то уборщиком, то садов-

ником, а сами осужденные ему за это платят наркотиками. Он наркоман. Сестра его содержит, но наличку не дает.

– Это невозможно. Там нужно паспорт показывать.

– А у него их хватает. Ему сделали. Причем очень хорошо. По крайней мере, в пробации особо не приглядываются. И места разные, хоть и все в районе Рамсгейта.

– С ума сойти! Боюсь, вам нельзя отвечать на вопросы полиции. Если вас за это арестуют, то осудят и посадят. Фальсификация и подлог здесь рассматриваются очень серьезно.

– А если они сами теперь докопаются?

– Если им нужны только друзья вашей сестры, то могут и не зацепить вас, – он подумал и спросил: – А те, за кого вы работаете, они и есть знакомые вашей сестры?

– Да, но им нужен другой.

– Что вы сказали?

– Я знаю, за кем они пришли. Он меня не нанимал. Так, поручал только иногда всякую мелочь. Но он хуже их всех. Он убийца. Он человека убил у меня на глазах.

Случай 17. *Купи-продай*

Снова подошло время полуночи. Это был очень нелегкий вечер. Беседа с адвокатом отняла почти два часа. Когда я вышла из комнаты, Том жадно впился в меня глазами. Я отвернулась. Проклятая конфиденциальность. Но он не спросит. А я сама тоже не скажу. Нельзя. На часах было десять вечера,

когда мы наконец начали беседу с Александром Лямским. Адвокат натаскал его так, что тот отвечал на одни вопросы, но отказывался комментировать в ответ на другие. За время собеседования он дважды требовал остановить интервью для дальнейшей консультации с юристом, и таково было его право. Пересказывать все собеседование не хватит целой главы. Но был там один кусок, который стоит передать в деталях:

– Александр, у вашей сестры есть бойфренд?

– Теперь нет. Они расстались год назад.

– Как его зовут?

– Без комментариев.

– Сколько ему лет?

– Тридцать семь, наверное.

– Опишите его.

– Невзрачный, невысокий... хрипит, у него гортань повреждена.

– Лицо опишите.

– Волосы ежиком... рожа вся в шрамах от прыщей... щербатый... глаза серые...

– Для записи я показываю допрашиваемому фотороботический имидж под номером Лаг-0106. Посмотрите, Александр. Это не он?

– Похож. Только этот моложе. И щель между зубами у него не такая большая.

– Как вы с ним познакомились?

– Без комментариев.

– Давно вы его знаете?

– Без комментариев.

– А вы не знаете, как давно он в Англии?

– Давно. Очень давно.

– А вы?

– Тоже.

– Сколько лет?

– Он здесь с 90-го. А я еще до Лариски приехал, в 92-м.

Потом уехал. Потом поехал опять, с Лариской, в 2000-м.

– А этот человек уезжал?

– Не знаю.

– Вы с ним все время поддерживали связь?

– Без комментариев.

– Это вы его с Ларисой познакомили?

– Наоборот.

– Она тоже здесь тогда жила?

– Нет, но они друг друга с Новгорода знают. Работали там вместе в каком-то этническом музее. Лариска там в ННГУ не поступила, так библиотекарем год и работала. Они там и познакомились. Он все читал чего-то. А потом она в Кишинев вернулась. Чего вообще туда поперлась, я не знаю. Не понравился ей Нижний. А он... не помню. Вроде уже учился на историческом, а потом бросил. Он больше любил эту... науку. Ну, которая ископаемыми остатками занимается. Типа биологии, но о вымерших.

– Палеонтология? – уточнила я.

– Во-во!

– Где он сейчас?

– Не знаю.

– А Лариса знает?

– Без комментариев.

– У вас есть его телефон?

– Нету.

– А у Ларисы?

– Без комментариев.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Месяц назад. Он приезжал за какими-то своими диска-

ми.

– А почему он не уезжает из Англии?

– Не знаю.

– Как его зовут?

– Без комментариев.

– Почему вы не хотите сказать? Вы уже так много о нем

рассказали.

– Без комментариев.

– Он под своим именем живет?

– Без комментариев.

– Он закон нарушал?

– Без комментариев.

– Вы ему помогли похищать детей?

– Без комментариев.

– Он людей убивал?

– Без комментариев.

– Что вы знаете об этом?

– Без комментариев.

Тут вмешался адвокат:

– Вы оказываете необоснованное давление на моего клиента. Эти вопросы не имеют к нему отношения. И к причинам его задержания тоже. Вы не имеете права задавать вопросы о вещах, не касающихся этих причин.

– Я задам ему только один главный вопрос и в зависимости от ответа оставлю за собой право задать вспомогательные. Вас это устроит?

– Какой это вопрос?

– Александр, вы согласны сами рассказать, что можете, о человеке по кличке Скрип? Если ваша личная ситуация не совсем невинна, я обещаю, что не буду вас сегодня спрашивать об этом.

Александр помолчал. Адвокат напомнил ему, что он может прервать интервью для отдыха и беседы с ним. Но Лямский думал теперь сам. Он уже чувствовал себя неважно, ему требовалась доза, а добытые четыре часа назад у санитаров таблетки кодеина уже не действовали. Я не знаю, что происходило в его голове, но он стал покачиваться на стуле, глядя в пол. Разговор с адвокатом до собеседования был полон тумана. Мне было хорошо понятно только одно. Саша Лямский знает все, что нам нужно для того, чтобы найти Скрипа. Но из него вырвалась только пара фраз, из которых адво-

кат понял мало чего, ведь он не знал о богмэне. А я поняла больше. Теперь даже Том и его команда знали меньше меня. Но то, что я подслушала на консультации Лямского с адвокатом, я не могла доложить никому... Вот ситуация!

– Он меня убьет. Как убил Витька.

– Кто? Свиридов?

Саша удивленно посмотрел на Тома.

– Да. Генка.

– Не убьет, если мы его найдем. Рассказывайте.

– На самом деле я всего не знаю. Только то, что Генка где-то запоролся. У него бизнес был крутой. Большие бабки делал. Он по просьбе Лариски меня с Секачом познакомил. Я у Секача поработал и на иглу у него же сел. Он уехал в Литву, а я остался без работы.

Лямский поежился будто от холода. Его начинало ломать, но он продолжал:

– Так вот он сказал, что есть возможность заработать денег и вернуться в Кишинев... лечиться, учиться и прочее. Мне тогда еще двадцати не было. Сказал, что хочет одного гниду отлупить, который ему бизнес запорол. Только не отлупил он его, а порешил. Не рассчитал, наверное. А мне, чтоб молчал, дал денег и велел убираться. Он бы и меня... но из-за Лариски оставил. Я не хотел сюда возвращаться, но Лариска решила ехать в Англию. Я поехал, боялся, что она опять с Генкой сойдется. А он себе новый паспорт сделал. Теперь его зовут по-другому. Бизнес у него в законе, и вооб-

ще он другой стал. Только не получилось у них с сеструхой. Я даже рад.

– А как зовут его теперь?

– Слушай, начальник. Худо мне. Не за себя, за Ларку боюсь. Вы лучше оставьте нас в покое, а? Она все равно вам ничего не скажет. Она отдыхать поехала на Кипр. С новым ха-халем. Сама, дура, телефон на подзарядке забыла. Я ей скажу, она не вернется, если будете лезть. Я и так вам все рассказал. А хотите найти Генку, ищите через его сестру, а не мою. У него теперь типа есть сестра в Херсоне. Он с ней переписываться не любит, так я за него ей писать должен был. Раз в полгода. Сначала печатал и посылал в конверте. А потом – по электронной почте. Я вам адрес дам. Наизусть знаю. Записывайте.

– Спасибо.

– Все, я устал.

– А что Свиридов сделал с телом?

– Без комментариев.

После собеседования мне стало легче. Рассказав все это, Саша снял огромный груз с моей души. Если бы он все умолчал, неизвестно, как бы я сдержалась. Но кое-что все-таки мне надо было Тому передать. Это не было нарушением конфиденциальности. Это было то, что Александр сказал для него по-русски и сказал именно мне, а не адвокату, уже после собеседования. Том, как и обещал, отпустил Лямского, но предупредил, что если потом выяснится его новая связь со

Свиридовым, то ему несдобровать. Это было излишне. Потому что уже через неделю Саша сам уехал на Кипр к сестре, и они так больше и не возвращались в Англию. Мне так и не довелось познакомиться с красавицей Ларисой Лямской. Моим следующим объектом стала некая Полина Одосеенко-Мильчук. Мне предстояло написать ей электронное письмо. Английский текст письма составил на другой же день Том Хаммер. Он был очень официальным и сообщал о том, что пропал человек, и подозревается, что пропавший может быть братом Полины. И что найдено тело, которое нужно опознать, так как это, скорей всего, он и есть (приводилось описание татуировки на руке в виде желудя и описание сломанного клыка). Письмо сухо, но не без сочувствия требовало как можно больше сведений обо всех контактах Полины с братом за последние десять лет, а также описание брата и его фотографию. Обеспокоить напрасно семью этого человека полиция не боялась. Теперь уже никто не сомневался. Брат Полины был убит восемь лет назад, но его труп, обезображенный и замаринованный в ирландском болоте, теперь ждет своей дальнейшей судьбы в полицейском морге графства.

Том опять пошел провожать меня до машины. Было видно, что он места себе не находит. И все-таки не удержался и сказал:

– Жаль, что я не могу заставить тебя рассказать то, что ты там услышала во время консультации.

– Не можешь. Но я могу передать неофициальное сообщение Сани Лямского британской полиции. С условием, что она никогда не будет беспокоить его ни под каким предлогом.

Глаза Тома включились, как машинные фары в темноте.

– Говори!

– Сперва скажи мне, на каких участках шоссе установлены видеокамеры, снимающие ситуации на дорогах и пробки для программы новостей.

– На самых востребованных. По всей кольцевой М25, например. И на подъездах к ней.

– А что их включает?

– Они на фотоэлементе. Проезжающие машины включают, что же еще?

– А как долго записи хранятся?

– Не особо. Некоторые пару месяцев, а некоторые пару лет. Несколько лет будет редким исключением. Причина нужна.

– Богмэн по имени Виктор Сергеевич Одосеенко был убит вечером 6 ноября 97-го года на Б198.

– Так. Понял. Дальше?

– Все.

– Как это все?

– Это все, что он просил передать, пока адвокат в туалет бегал.

– Это маловероятно... слишком много лет прошло. Да и

темно было. Шанс не больше, чем...

Том замер. Он постоял молча целую минуту, потом быстро что-то сказал в благодарность, больно сжав руку, и побежал назад.

Было уже два часа ночи, когда я добралась до постели. Мне страшно хотелось есть. Как никогда. Утром надо было на работу, и я просто выпила остатки куриного бульона, сваренного Катей без меня, и поспешила лечь. Я боялась, что мне снова приснится богмэн, но приснился мне зал большой научной библиотеки в университете. Я сидела за столом и читала про мамонта. Он так хорошо сохранился во льду, что его мороженое мясо хотели съесть собаки экспедиторов. За столом напротив сидела молодая грудастая женщина. У нее была посредственная внешность, но мне вдруг захотелось выхолить ее, одеть красиво, сделать маникюр и прическу. Мне думалось, что я могу, будто художник, создать шедевр. Я уже хотела заговорить с ней, но она встала и сама обратилась ко мне: «Мрр-уф?» Я проснулась и уставилась в янтарные глаза. Наступил последний понедельник учебного года.

Случай 18. *Смысл жизни*

Терри оторвался от бумаг и весело подмигнул мне.

– Богатый улов? – спросила я.

– Спрашиваешь... Оказывается, они покупали топливо

и в Эстонии на эти карточки. Но это может вызвать у нас осложнения. Как бы их там не арестовали ненароком. Мы не хотим, чтобы против этих мальчиков возбудили уголовное дело у них дома, пока сами с ними не разберемся.

– Почему?

– Нам могут их не выдать местные власти. А если и выдадут, то только если у нас будет достаточно улик для предъявления более серьезного обвинения.

– А их недостаточно?

– Спасибо нашему храброму переводчику – вполне.

– И что вам мешает? – я пропустила последнюю фразу мимо ушей, чтобы не покраснеть.

– Рановато. После этого нам нельзя будет их допрашивать. Сразу придется к суду готовиться. А у меня к ним много вопросов. Мне в принципе все равно, где они будут отбывать, но здесь с ними есть шанс найти других. Их ведь, судя по всему, тут довольно много этим занимается.

Терри встал с кресла и прошелся по темно-коричневой овчине, которая заменяла мне коврик у дивана.

– Это ты медведя убила?

– Не говори никому.

Он хмыкнул и снова принялся рассуждать вслух:

– С Чехом их к тому времени связывать уже будет поздно. Но у них и на свое дело хватит материала. Вернее, у нас – на них. Узнать бы, кто этот таинственный В.С.О...

Я сидела и смотрела, как он по-хозяйски расхаживает по

моей комнате, рассматривает стену с фотографиями моих друзей по парашютному спорту, подходит к музыкальному центру и роется в коллекции дисков. Намекнуть бы ему, что я, возможно, знаю этого В.С.О. Если бы я ему все выложила сейчас, с него быстренько бы слетела вся эта высокомерность. Но я колебалась. Это было мучительно трудно. Я должна была сохранять верность «Лагу».

– Вау! «Джипси Кингс»? Классическая гитара, фламенко! А это что? Какой-то сердитый русский с гитарой... Классика... Латино... Апокалиптика. О! Дискотека 80-х! Это хорошо, – он запустил диск, прибавил звук и вдруг за руку выдернул меня из диванных подушек. – Потанцуем, крошка?

Его изменившийся голос, вероятно, должен был имитировать мексиканского кабальеро, но был больше похож на пьяного Гленна Форда. Мой сборный диск начинался с «Пурпурного дождя».

– Тебе мое макиато в голову ударило?

– Тони, моя дорогая леди! Жизнь коротка. А у меня сейчас прекрасное настроение. Я хочу поделиться им с тобой. Ты слишком серьезная. Много думать – тоже вредно для здоровья, как и любые другие излишки.

Он стал медленно кружить по комнате, держа меня за далеко вытянутую руку. Хорошо, что Катьки дома нет. Может, стоит рассказать ему немного? Нет! Чуток расскажешь, а он надавит и вытянет остальное. Это я у Хаммера член команды, а у Терри я просто переводчик.

– Ну? – спросил он своим обычным голосом.

– Что «ну»?

– Ты-то что такая невеселая? Случилось что?

– Нет. Я не могу... не думать.

– Над чем думаешь, если не секрет?

Секрет! Еще какой секрет!

– Очень важный вопрос решаю. Дилемма.

– «Да или нет»?

– Что-то в этом роде.

– Это очень важно?

– Да.

– Для тебя или для кого-то другого?

– Для всех нас.

Он подошел чуть ближе. Ой, по-моему, он меня не так понял. А Терри заговорил, глядя мне куда-то в бровь.

– Ну тогда слушай меня внимательно. Ты знаешь, чем занималось человечество все свои сознательные века?

– Выживанием.

– Это было и в бессознательные... В сознательные оно занималось поисками смысла жизни.

– Допустим.

– Каждый человек задавался вопросом: «А зачем я есть?»

– Так уж и каждый?

А может быть, его просто пофилософствовать потянуло?

– Ну, каждый нормальный человек. Если бы все без исключения думали над этим, все было бы проще. К счастью,

людьми управляют еще и пороки, и страсти, и желания куда более примитивные, – он подошел еще ближе.

– К счастью?

– Да. Так вот. Как ты думаешь, находили ли люди ответ на этот вопрос?

– Глобально им этого сделать не удалось, – ответила я неуверенно, – если только некоторым из них...

Куда ты клонишь, Терри? Какая крошка??? Что с тобой сегодня? Такого себе даже Синклер не позволял.

– Именно так! Отдельным лицам должна была прийти в голову простая идея. Ведь ответ на вопрос действительно очень прост. Так прост, что нашедшие его тут же переставали верить сами себе и сдавали позиции.

– И, я полагаю, ты – один из них?

– Я? Я давно нашел смысл жизни, но я не боюсь признаться в его величии и простоте.

– Тогда скажи мне.

– Вообще-то каждый должен дойти до этого сам. Иначе этой мудростью можно неправильно воспользоваться, во вред себе.

– Я буду осторожна. Я эгоистка. Стараюсь себе не вредить.

– Хорошо. Почему бы не сделать доброе дело? Ты готова?

– Всегда готова!

– Смысл человеческой жизни... – театральная пауза. – В выборе!!!

– Что?

– В правильном выборе.

– Выборе чего?

– Всего. Если мы ищем смысл нашей жизни, то надо посмотреть на саму жизнь. На ее порядок и ее рутину. Каждый человек должен делать выбор каждую минуту этой своей жизни. Каждое утро ты выбираешь, что надеть, в соответствии с модой, погодой и настроением. Ты выбираешь, что съесть на обед, в соответствии с твоим вкусом, диетой и возможностями. Ты выбираешь, где перейти дорогу и каким маршрутом ехать на работы. Ты выбираешь сама любимую музыку из тысячи доступных вариантов. Книги, вещи, место под солнцем, направление, тему, моральный кодекс, партнера для танца, любимого... ты принимаешь решение, сделать аборт или рожать, работать или учиться, отрастить длинные волосы или обкорнать их и покрасить в желтый цвет. Ты выбираешь все из того, что предлагает тебе наш современный богатый ассортимент. Так?

– Родителей не выбирают.

– Биологических? Верно, но само понятие гораздо шире. Меня, например, вырастил не столько отец, сколько Колумбо. Мы о смысле жизни говорим. Не только твоей или моей, а вообще...

– Погоди, Терри! Иногда мы просто лишены выбора. Нам иногда нельзя иметь то, что нам хочется... Оглянись вокруг! Это же сплошь и рядом.

– Все правильно. Например, я бы имел другую машину,

если бы мог ее оплатить. Мне понравилась девушка, а она меня знать не желает. Я бы поехал жить в Канаду, да меня удерживает необходимость заботиться о матери. Я бы поспал до десяти, да надо вставать и идти на работу.

Я подумала.

– Пока мне нравится ход твоей мысли. Ты все равно выбираешь то, что тебе полезнее. Есть условия, есть факты, есть предполагаемые последствия, иногда даже неприятные. Так?

– И что происходит с человеком в случае неправильного выбора и неприятных последствий?

Я подумала еще. Этот разговор мне начинал нравиться. Я подняла глаза и сказала с чувством:

– Он реагирует негативно. Он раздражен этим, он злится, он обижен на судьбу и на людей. И тогда одни смиряются и пытаются с этим жить достойно. А другие становятся одержимы навязчивой идеей и завидуют тем, кому выбор удался. Третьи, как следствие, нарушают закон, и мы наказываем их тем, что лишаем их выбора в крупных масштабах. В тюрьме особо не выбираешь.

– Ты говоришь о том, что обычно называют свободой. Это гораздо проще и понятнее.

Я с готовностью оседлала любимого конька – обожаю определения.

– Это не совсем одно и то же. Свобода – это противоположность ограничению другого плана, и ее определение зависит от личности. Для одного человека свобода – это раз-

меры пространства, а для другого – развод. Кто-то согласится с тобой, что это свобода выбора, а кто-то будет считать себя свободным, если ему удастся избавиться от костылей. Если бы я осталась единственным человеком на земле, я была бы очень свободной, но определенного выбора была бы просто лишена. Человек, по твоим же словам, имеет право на индивидуальный выбор тоже. Значит, и на мнение, и на понятие свободы.

– А что такое воля, по-твоему?

– Воля – это возможность действовать по своему выбору.

– Тут я, пожалуй, соглашусь.

– Вот уже не думала, что ты такой глубокий...

– Выбор руководит человеком, он делает его счастливым в случае удачи, сильным – в случае последствий, злым – в случае обратном и так далее. Слишком много удачного выбора – тоже плохо. Отсутствие последствий расслабляет человека, делает его непродуктивным. Итог: смысл жизни в том, чтобы решиться и сделать выбор. Потом уже не надо мучиться вопросами.

– Как ты узнаешь, правильный ли? А последствия? Вот чем будешь потом мучиться, помимо вопросов.

– А знать никак нельзя. И мучиться – это как раз неправильно. Главное, что уж если сделал выбор – окончательный, бесповоротный, на всю жизнь, – то потом не сетуй на последствия. Их надо уметь принять как личный и индивидуальный тест. Правильный это был выбор или нет, это вопрос

удачи. Главное – поверить и рискнуть. Выбор окажется правильным, если доверять судьбе. Она предлагает выбор – выбирай и живи с этим результатом, преодолевай последствия как урок, тебе самой судьбой преподанный.

Я в глубине души сморщилась от досады, с большой надеждой, что это не отразилось на лице. Эх! А так хорошо начал! Я дам ему последний шанс.

– Но ты же сказал сам, что мы должны быть осторожны. Каждый человек должен хорошенько подумать и все взвесить.

– Как раз этого я и не говорил. Если бояться последствий, то так никогда и не выберешь. Правильный выбор должен быть спонтанным и честным. А дальше – вопрос принятия последствий. Это и есть экзамен жизни. *Telle est la vie.*

– Это уже не жизнь, а лотерея. Ты сам себе противоречишь. Ты же не преступник, а полицейский. Значит, ты видишь различие между правильным и удачным выбором.

– Я же не один на свете. Ты сама объяснила разницу между понятиями свободы?

– Терри...

– Вот я и говорю тебе. Выбери меня.

Он вдруг остановился, хотя музыка все еще играла, и в этот раз пела Анни Леннокс.

– Я не плохой выбор. Вот увидишь.

Я от неожиданности продолжала покачиваться в такт музыке еще минуту. Из простенького динамика «Юрит-

микс» долбил про сладкие сны... *Everybody is looking for something...*

– Постой... ты думал, что я...

– Нет, не думал, – Терри заговорил медленно, как бы давая мне время на пропитку, – это я решил воспользоваться моментом и вставить этот вопрос в разговор. А про смысл жизни – я абсолютно серьезно.

– А если я не согласна с твоей формулировкой? Про выбор все это было очень убедительно, но смысл теряется, как только касаешься причин.

– Объясни тогда мне сама.

– Подозреваю, что ты в Бога веришь.

В этот момент Терри был вовсе не так красив. Он поймал меня врасплох этой темой, но теперь у него самого подергивались его шикарные брови, как чуткие антенны кота. Голос стал хриплым, а глаза моргали часто и трогательно. О чем я, собственно, хотела ему рассказать? А с чего мы вообще начали? Он осторожно ответил:

– Моя семья – все католики, но сам я не особо религиозен. А что?

– А то! Я делаю выбор, это верно, но только по доступным мне фактам, которые довольно упрямы. Верующие же считают, что выбор делаем не мы сами? Нет, конечно, мы выбираем, что поесть и куда пойти... в отдельно взятый момент и в отдельно взятом месте. По-вашему, что определяет это место и время? Я говорю про возможность выбора. Она нам

либо дана, либо не дана. Кем-то или чем-то? Как «не особо религиозный» ты назвал это что-то судьбой. Был бы ты католиком, ты говорил бы про Господа Всемогущего! Мне ни то, ни другое не подходит. Для меня это было бы кучей неопределенных условий и условностей, кем попало трактуемых.

– А почему бы и нет? С моей позиции, он и есть сама удача... или неудача. Мне остается только выбирать, угадывать, что он для меня запланировал.

– Ну вот. Для меня, если выбирать, то рассчитывать только на себя и как следует анализировать причины. По всем доступным факторам, а не только по тем, которые нам нравятся.

– Но мы не можем знать *все* факты. Я не говорю про то, что общество создает законы и условия для правильного выбора, безопасного и полезного для всех. Или про то, что, контролируя этот порядок, мы наказываем человека лишением свободы и выбора за то, что он сам сделал неправильный выбор. Я говорю про то, что иногда важный выбор за нас делает что-то другое. И мы просто вынуждены угадать и рискнуть. И тогда это будет единственным возможным поступком. В этом смысл жизни. Удачный выбор – радуйся. Неудачный – смирись и не делай глупостей. Отец бы сказал – на то воля Божья.

Я подумала и решилась:

– Мне нравится идея про выбор. Мне не нравится идея про шанс. Это карточная игра... рулетка. Ни о каком насто-

ащем выборе и речи быть не может.

Терри отошел от меня на шаг.

– Это интересно. Например?

– Например, ты хочешь стать знаменитым певцом. Очень хочешь! Ты тратишь время и деньги на уроки, на музыкальный инструмент... гитару, например. Любящие друзья и родители твердят тебе, что ты прекрасно поешь. А когда ты предстал перед профессиональным жюри, они тебе говорят, что ты бездарность, и твой самодельный диск никто не покупает. Что тогда?

– Я приму удар как мужчина и найду другое занятие. Не скандалить же?

– Это хорошо, что ты такой. Но сколько лет и денег потрачено? Сколько потерянных возможностей? Кто-то на твоём месте будет скандалить, биться об лед, тратить ещё и больше терять. Это у многих называется упорством и целеустремленностью.

– Это был бы твой выбор?

– Нет, я тоже не стала бы биться. Но это не смирение, а нежелание тратить впустую то, чего потом уже не вернешь.

– А что тогда?

– Я бы постаралась не оказаться в этой ситуации изначально.

– С твоей-то упрямостью?

– Нет. Упорство, риск и погоня за мечтой вещи хорошие, но вернись на полшага назад. Ты же умный. Когда твои дру-

зья и родственники хвалили тебя, а сам ты очень и очень хотел, где-то глубоко ты уже знал или чувствовал, что ты в этом деле бездарь, что это не твое призвание. Не путай с простой неуверенностью в себе – это разные вещи. Ну на самом-то деле признаки и свидетельства у тебя были, но ты их отметил. Все говорили – верь в себя. И ты поверил... в себя... как в Бога. Вопреки всем показателям, инстинктам и объективной реальности. Это был выбор, и ты знал... а потом и подтвердил, что он был неверным. Ты его сделал по прихоти, а не по фактам. Смысл не только в выборе, но и в его причинах. У нас с тобой они не совпадают.

– Другими словами, ты живешь в скучном мире без риска и азарта, – рассмеялся весело Терри и кивнул на мою фотографию с парашютом.

Я оттолкнула его руку в отчаянье. Нет, я не умею спорить о таких вещах. А кто-то это сделал очень хорошо. Вспомнить бы, кто и где.

– Ты не уводи в сторону. Убеди меня, что в нашей ситуации что-то другое может сделать выбор за нас. Какая тут может быть судьба? Тебе и предлагать бы ничего не пришлось, если бы от шанса все зависело.

– Ну как же? Что-то ведь привело к тому, что я хочу быть сейчас здесь и нигде больше. Чистая удача. Я мог бы быть кем-то, кто не любит рыжих упрямых переводчиц с русского языка. Если бы провидение не хотело, чтобы мы были вместе, мы бы не встретились вообще.

– Провидения не бывает. Это не существо и не разум какой-нибудь. Дело случая. А если бы оно было, то с чего ты взял, что это ради нас? А если мы встретились не для себя, а ради главных участников дела? Для раскрытия преступления, для пользы общества? Суть в мотивах.

– Какие мотивы? У нас одна причина. Все что-то ищут, и если находят то, что им нужно, значит, время выбирать – быть или не быть... с ним... или с ней...

Терри сел на диван и похлопал по сиденью рядом с собой. Я осталась стоять. Я слишком хорошо знаю, как меня сейчас можно заткнуть.

– Желание, может быть, и одно, а причины для выбора разные. Мне важно, чтобы они тоже совпадали.

– Вот он я! Вот они – мы в этой комнате. Вместе мы будем совершенны. Мы сами выбираем судьбу прямо сейчас.

– Желание совершенства есть, этого я не отрицаю. Но ты играешь в рулетку, а я в шахматы.

– Я тебе не верю. Не может быть, чтобы это могло помешать.

– Сейчас нет, но потом... Будет катастрофа, боль, непонимание! Твой принцип не совсем мне подходит. А тебе не подходит мой: есть факты, которые нам известны, и по ним я решаю, хороший выбор или плохой. Я знаю, что я не все знаю. Но из того, что я знаю – я сейчас... именно в этот момент... я делаю выбор нежелательный, но верный. Почему? Потому что ставка слишком высока. Не хочу полагаться на

удачу, как раньше, а хочу полагаться на свою максимальную уверенность, что это не прихоть, а верный путь. Уравнение написать? Про неизвестную величину знаешь?

Он снова встал и пошел по комнате. Ну давай же, Терри, делай свой правильный выбор. Пожалуйста! Подумай и взвесь... не торопись. Догадайся, что мне больше всего на свете нужно... От того, как ты себя теперь поведешь, зависит все. Не выбор руководит человеком, а человек выбором. А сами факты не выбираются, они – наше орудие для выбора. Не придется тебе огорчаться, если твой выбор отталкивается от фактов. Желать надо только того, что в пределах реальности. Дай нам обоим эту возможность. Найди неизвестное число.

Катка вошла в комнату и поздоровалась. Она зыркнула глазами на Терри, потом на меня, оглядела обстановку и решила, что тут находиться опасно. Посвистывая, она удула в свою комнату, не заходя по обыкновению на кухню. Сама того не зная, она прекратила этот спор на самом важном месте. Кто распорядился этим событием? Кто прав? Если бы Катка не пришла, случилось бы что-нибудь еще. Зазвонил бы телефон, и меня бы вызвали в полицию. Или наступил бы конец света. Именно эти вещи сделали выбор для него, а не он сам.

– Мне пора.

Терри еще раз внимательно, с сожалением на меня посмотрел, собрал свои бумаги, сложил переводы в папочку и, вежливо попрощавшись, ушел. Кот, наоборот, пришел.

Я подождала минуту и пошла готовить ужин. На двоих. Может быть, Терри прав? Окончательный выбор не за нами. Разве моя непомерно разборчивая память не самостоятельно выбирает, что помнить, а что забыть? Нет, я так не могу! Для Терри все просто: помешали разговору – значит, так и надо, не судьба. Зачем внимательно прислушиваться к тому, что происходит вокруг? Пусть он называет это, как хочет: случай, воля Божья, внутренний голос, провидение. Мой материал – здравый смысл и поведение людей, которые нас окружают. Я точно знаю, что мне нужно. В тот момент мне нужно было, чтобы Терри был сильнее удобного случая. Английский принцип пути наименьшего сопротивления «*a раз так, ну и не надо*» не покоряет и не трогает. Мне нужно было, чтобы он был способен предложить мне недостающие факты или возможность их найти. Я могла его остановить, но не шевельнула и пальцем... Я сделала выбор за нас обоих. А еще я не рассказала ему об участии Скрипа в деле, которое он расследует.

Телефон зазвонил через два часа. Как бы на всякий случай. Пришлось опять ехать к Стиву и Арвису. Хорошо, что не конец света, и то ладно.

Случай 19. *Призрак*

Каникулы. Ура! Теперь мне можно вздохнуть свободно. Целых шесть недель не надо разрываться между двумя ра-

ботами и раскалываться пополам. Я могу спокойно копать-ся в саду, читать, общаться с Катей, видеть друзей, ходить на сальсу и... ждать звонков. А они будут, и как всегда, в самый неподходящий момент. Отработав по традиции в последний день только половину расписания, я не осталась на торжественный обед по случаю ухода одного из тех самых математиков на пенсию. Все остальные: Вероника, француз-женка, географ, физрук и еще человек восемьдесят учителей толпой пошли в школьную столовую, где уже все было за-ставлено блюдами с разнообразными хрустяшками, сырами, мясными закусками и даже бутылками с белым и красным вином. Пол Россман отпустил какую-то шутку на счет моего побега на свидание, но я ему простила. За веру в мои силы.

На самом деле я сбежала в полицию на предмет угнанных, разобранных на части и переправленных в Литву «мерседесов», а потом – в спортклуб. Донован увеличил нам с Джу-лией программу, и я почти полтора часа потела на тренаже-рах. В бассейне плавать уже не было сил, поэтому я просто лениво выгребла в самый полумрак и долго лежала на спине, наблюдая за потоками дождя сквозь прозрачный купол. До-мой я прибыла уже в сонно-блаженном состоянии, пригото-вила ужин, разыскала по телефонам Катьку. Она, оказывается, ушла в кино, а я включила телевизор. Показывали «Пе-чаль зла».

Почти один за другим позвонили Стив Синклер и Терри. Стив, которого я не видела с тех пор, как семья Арвиса уеха-

ла домой, – с просьбой связаться с Арвисом в Литве и сообщить ему, что Фархад, найденный убийца Марты, не признал себя виновным и теперь месяцев через шесть состоится суд присяжных. А Терри сообщал, что послал мне по электронной почте еще пару разговорчиков эстонских умников и хотел бы получить перевод к понедельнику. Я сама тоже сделала пару звонков. Полчаса потрепалась с Джулией на тему ветеринаров, потом позвонила Лане, чтобы послушать очередное возмущение на тему ее бывшего длиной ровно в одну ее сигарету. Наконец я включила компьютер и вошла в интернет, который сразу же сообщил мне о полученной почте. Как только я открыла список писем, как меня тут же в спину мягко толкнуло. Но это был не алчный демон, который давно уже не навевался ко мне, несмотря на количество работы. Это был другой. Азартный дух в образе маленького рыжего спаниеля, который быстро-быстро засопел и помчался по следу, влаивая от возбуждения. Вот и хорошо. Демон мне никогда не нравился. Был он жаден и скуп, был он чешуйчатый и костлявый. Тут уже дело не в деньгах... тут уже что-то другое.

В списке светилось письмо от Полины из Херсона. Целую неделю мы думали, что нам не удалось на нее выйти. Ни один из добытых телефонов не отвечал, письмо на домашний адрес вернулось, а электронное послание ушло с концом. И вот наконец ответ. Его лучше привести целиком:

«Здравствуйте, Антонина. Простите, что долго не от-

вечала. Я редко теперь проверяю почту, а после получения вашего письма тоже не сразу смогла прийти в себя и написать. Теперь я решила, что мне лучше разобраться во всем и ответить. Если это поможет, я могу приехать на опознание найденного вами тела. Хотя я убеждена, что вы не Виктора нашли. Я не знаю ничего про сломанный зуб, а татуировка была, но в виде буквы „e“. Он действительно уехал еще в девяностых и сначала очень часто писал мне. Все спрашивал, не знаю ли я, как там его сын поживает. Поэтому я старалась поддерживать связь с его бывшей женой Еленой. Мне тоже мальчик не безразличен, все-таки племянник. Он уже большой и очень на папу похож. А больше у нас с Виктором никого нет. Отец ушел так давно, что даже я не помню его, а Виктор моложе меня на три года. Мама умерла в девяностом. Виктор сначала писал каждый месяц, потом все реже и реже. Потом перестал писать вовсе, но я послала ему несколько открыток, и он написал мне снова, дал электронный адрес и велел пользоваться только им для получения и отправления писем. У меня своего компьютера нет, но я могу пользоваться рабочим. Теперь он пишет мне раза два в год, довольно аккуратно и лучше, чем когда-либо, хоть и коротковато. Звонить не может, дорого очень. Мне тоже это было бы натушно, поэтому довольствуюсь письмами. Вот вроде бы и все. Посылаю вам фотку Виктора, только она старая. Других нет. Если что еще, то пишите. Я теперь буду проверять чаще».

Сгорая от нетерпения, я загрузила фотографию и развернула ее на экране. Не знаю, чего я еще ожидала увидеть. На что я надеялась? Он или не он? Даже не знаю, чего бы мне больше хотелось. Наверное, чтобы это был другой, потому что мне было ужасно жаль Полину. С другой стороны, я уже знала, что это невозможно. Молодой и красивый богмэн смотрел на меня с монитора живо и весело. Он улыбался широко, а вовсе не загадочно и без вызова. У него был кривоватый нос, а глаза были хоть и пустыньские, как у котенка, но все же не стеклянные. Он был на снимке не один, а с молодой женщиной в темном платье и шарфиком на шее. Очевидное сходство было только в скулах, форме лба и в улыбке. Значит, эта украинская красавица – Полина. У нее был вид озабоченный, иначе она бы была еще краше.

Я изучала эти лица довольно долго. Катерина вихрем вломилась в дверь и побежала вверх по лестнице.

– Я на минутку, мы под дождь попали! – крикнула она безо всякого приветствия.

– Поешь хоть! – крикнула я безо всякой надежды.

– Потом! Крис ждет.

– Какой еще Крис? – я заволновалась и оторвалась от экрана. Криса мы не знаем.

– Хороший.

Я подошла к входной двери и выглянула наружу. Там на едва подсохшей лавочке сидел щегол какой-то девичьей внешности из-за нестриженных локонов. Лицо у него было

удивленно трогательное, эдакий Пол Маккартни в детстве. Я хотела его испепелить, но не удержалась от улыбки. У него и так вид был довольно робкий, но посмотрел он на меня без ужаса, скорее с большой надеждой. Он похлопал шикарными ресницами и поздоровался. По сравнению с другими, он был довольно хорошо одет, без браслетов, от него не несло бычками, а на пальцах не было пошлых железных перстней.

– Ты кто такой?

– Крис.

– Тебе сколько лет?

– Восемнадцать.

– Где работаешь?

– Я еще в школе учусь. Верхняя шестая...

– В какой?

– Святого Мартина.

– Это та, что в Brentwude?

– Да.

– А живешь где.

– Здесь, на West-стрит.

– А почему школа в Brentwude?

– Это долгая история.

– Катьку откуда знаешь?

– Это тоже долгая история.

Я задумалась. Надавить или не стоит? Тут он сам спросил:

– А вы правда из Сибири?

– Да.

– А как тут оказались?

– Это долгая история.

Он усмехнулся с уважением. Катька протиснулась между мной и косяком и принялась заталкивать меня обратно в дом. На ней было мое любимое синее итальянское платье с длинным рукавом и мой же кожаный пояс с медной пряжкой.

– Ну мам... Ну не мучай его.

– Чтоб дома была не позже одиннадцати.

– Ма-ам!

Я закрыла дверь и стала звонить Филу. Рассказав ему о письме и фотографии, я пообещала переслать их ему с переводом в тот же день. Но он сказал, что это пока не горит, что Том пригласит Полину приехать позже. А пока ему надо срочно подтвердить «Лагу» имя богмэна и брать Скрипа.

– То есть как брать?

– Те три номера, что вы с Хаммером выбрали, были проверены по телефонным службам и распечатаны по пользователю. Двое из этих номеров здесь, в Англии, и регулярно делают звонки. Одного из них ты записала под именем Виктор.

– Виктор Одосеенко – богмэн.

– Вот именно. Это же не он частенько позванивает из Кройдона. Не сегодня завтра возьмем самозванца.

– Если он тот телефон еще не отдал никому.

– Будем надеяться.

– Держи меня в курсе.

Я вдруг почувствовала страшную тоску. Внутри стало пу-

сто, как в контрабасе, а воображаемый щенок мой жалобно заскулил. Я вдруг поняла, что моя работа в деле богмэна закончена. Нет, конечно, будут еще письменные переводы и всякая мелочь, но такой значимости уже не будет. Я перестала быть незаменимой.

В аресте я не участвовала. Эта часть дела меня не касалась. Переводчик Свиридову был не нужен. Фил рассказывал мне, что сначала нашли его локацию по одному лишь телефону. Это только мы думаем, что мобильник это всего-навсего удобное средство связи. На самом деле, как и те печенки в твоём компьютере, некто с соответствующими полномочиями может узнать, какие сообщения ты посылаешь и кому. А главное – откуда! Определив место, полицейские его прочесали по своей методике. Как и предполагалось, искали богмэна, а нашли Свиридова. Сначала-то вышло наоборот. В общем, кольцо вокруг Скрипа быстро сузилось. Оказалось, что он живет себе, хоть и нервно, под именем Одосенко припеваючи. Имеет на это имя паспорт, права, дом, счет в банке и карточку у терапевта. И у дантиста он зарегистрирован, и на работе, и даже в налоговой инспекции. Куда ни кинь, а Виктор Одосенко жив и здоров, живет себе в достатке, законопослушно, имеет свое дело – маленькую мастерскую, где он чинит компьютеры, прочую технику и имеет постоянную клиентуру. В той мастерской его и взяли.

Арестовывал его местный констебль Кевин Спраут. Он вошел в дверь для посетителей и был встречен широкой

улыбкой хозяина. Внимательно посмотрев на этот оскал и убедившись, что щель на месте, офицер спросил имя ее владельца и зачитал ему формулу ареста, которая звучала несколько странно: «Виктор Одосеенко, я арестовываю вас за убийство Виктора Одосеенко. Вы не обязаны ничего говорить, но это может повредить вашему оправданию, если вы не упомянете, когда вас спрашивают, нечто такое, на что сможете рассчитывать в суде. Все что вы скажете, может стать показанием». Скрип, конечно, уже не улыбался, но и убежать не стал. Может быть, он был в шоке от неожиданности. А может быть, наоборот, он ждал этого момента восемь лет, несмотря на уверенность, что замел все следы. Скорей всего, он просто был не дурак и знал, что офицер пришел не один. Он даже закрыл мастерскую и выключил все свои компьютеры. Что с ней стало потом, я не знаю.

Вот так. Никаких погонь и ночной стрельбы в моем следствии не было. Не было моря крови, битых машин и ножей с пистолетами. Не было страстных романов, красивых скандалов и роковых блондинок. Не было коварного нападения из-за угла и печального конца. Были ночи и дожди, был ужасный полицейский кофе и предрассветный туман в свете фар.

Между прочим, это конец моей истории. Конечно, многие случаи еще имели продолжение и свой финал.

Мошенникам с кредитными карточками дали по два года, но выпустили меньше чем через год. Потому что в Англии полагается сидеть только половину срока при хорошем по-

ведении в тюрьме. Чеха посадили на более долгий срок, но тоже не смертельно.

Убийцу Марты Жербене Фархада судили очень долго, дали ему пожизненное, но через двадцать пять лет он выйдет и будет депортирован на родину.

Мальчики Гера, Алик и Аркадий уехали в Эстонию и, наверное, решили, что все позади. Они еще не знают, что Терри их получит оттуда в бандерольке, когда придет время, и они тоже пойдут под суд короны.

Урмас подлечился, потребовал медтрибунала, выписался из психушки и уехал на родину... в Кыргызстан, а не в Литву, а настоящее имя у него было Курманбек.

Скрипа арестовали 13 июля, потом год таскали по судам, не только не выпуская его условно, но и не спуская с него глаз. Он тоже получит пожизненное, но я не люблю описывать судебные заседания. Это скучно. Видела я Геннадия Свиридова в суде только мельком, когда давала там показания наравне с другими экспертами и участниками расследования. Его дело не было предано огласке, и даже снимок не появился в газетах.

Из России приезжали участвовать в заседаниях три семьи похищенных учащихся. Да и Наташа, оправившись после операции, приезжала на суд. Скрип был обречен. Вышла правда, заминка с убийством и созданием богмэна. Ведь Лямский, единственный живой свидетель, отказался давать показания. Но полицейские и тут проявили усердие и на-

шли-таки запись контрольной видеокамеры от 6 ноября 97-го года, сделанную на участке дороги Б198. Там были плохо видны и белый микроавтобус без номера, и подъехавшая машина, и драка между ними. Полиция тогда заинтересовалась, потому и запись сохранилась, но заявлений о каких-либо потерпевших или пропавших не поступило, и все легло под сукно. Микроавтобус уехал, а брошенную машину полицейские утром отогнали в гаражи, откуда ее так никто и не забрал. Найденный по номеру владелец тогда объявил ее угнанной, подобно хозяину школьного микроавтобуса, а теперь послушно пришел по повестке и опознал Скрипа как своего бывшего водителя. Люди и машины в этой стране связаны чуть ли не брачными узами, благодаря системе регистрации DVLA, и эту связь всегда можно отследить.

Из города Херсона приезжала Полина, но, к несчастью, только затем, чтобы получить неутешительное подтверждение гибели брата и узнать об участии во всем этом Свиридова. Отойдя немного от горя и потрясения, она уехала, забрав с собой останки Виктора Одосеенко, чтобы отпеть в церкви и похоронить возле матери. Может быть, она верит, что измученная душа богмэна обрела наконец покой, а тело легло в землю после восьмилетнего наказания в ирландском болоте.

Том Хаммер закрыл дело. Фил получил повышение по службе. Я была страшно довольна заработком. Кроме того, мне вынесла благодарность вся команда Тома. Мне подарили огромную коробку конфет (Джулия подсказала каких), бу-

тылку шампанского и красивую открытку «Thank you very much for all your help!» с подписями всех на развороте. Я такие каждый год получаю от учеников. Перевод бумаги, но не скрою, что в этот раз мне было особенно приятно. Вот только шампанское я разбила на пороге собственного дома – уронила, пока доставала ключи.

Ну и вечеринка была, конечно. Оказывается, в полиции Саусенда есть собственный бар. Все пришли такие красивые. И офицерши тут выглядели как нормальные женщины: подкрасились и причесались, надели платья и каблуки. Джулия была краше всех, так как были гости из других отделов, не было только Синклера. Том и Фил познакомили меня с приглашенным отпраздновать окончание дела археологом, тем самым, который первый раз в своей жизни вынужден был переквалифицироваться временно в форензика и воссоздать лицо богмэна. Хорошо, что в тот вечер меня никуда не вызвали, потому что результат этой встречи помог мне с тем самым смыслом жизни.

Пора заканчивать. Звонит телефон. Хватит на мой век русскоязычных преступников. Все они разномастные, со всех концов бывшего Союза, по-своему уникальные. А что до меня, то самое интересное в моей жизни еще только начинается.

Конец

От Автора:

Дорогой читатель, спасибо за то, что прочитали до конца.

Буду безмерно благодарна за отзыв.

Анка Троицкая